

	<i>Название статьи</i>	<i>Страницы</i>
	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	
☐	ПРАВА, ФОРМЫ И РЕЖИМЫ СОБСТВЕННОСТИ <i>Тамбовцев В.Л.</i>	7-18
☐	О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ <i>Лившиц В.Н.</i>	18-28
☐	КЛАСТЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРИНЦИП НЕОБХОДИМОГО РАЗНООБРАЗИЯ <i>Агафонов В.А.</i>	28-42
	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРАКТИКА	
☐	КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ - БАЗИС ЕЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ <i>Багриновский К.А., Никонова А.А.</i>	43-64
☐	АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ <i>Завьялова А.С.</i>	64-70
☐	ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОГРАММ <i>Блошенко А.В., Тихонов И.П., Сахарова Н.А., Холстов А.В.</i>	70-76
☐	СТРАТЕГИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В РОССИИ <i>Вайнмахер А.М., Шмерлинг Д.С.</i>	77-82
☐	МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ТАРИФНОТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА РЫНКИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ <i>Прокопьев М.Г.</i>	83-91
	К 85-ЛЕТИЮ Д.С. ЛЬВОВА - ОСНОВАТЕЛЯ ЖУРНАЛА: УЧЕНИКИ И СОРАТНИКИ АКАДЕМИКА ОБ ОСНОВАХ И ГРАНИЦАХ ЭКОНОМИКИ	
☐	МЫСЛИМЫ <i>Гребенников В.Г.</i>	92-99
☐	РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЗНАНИИ И РЕФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ <i>Дементьев В.Е.</i>	99-107
☐	"РУАНСКИЕ СОБОРЫ" И "ПСИХОЗ": ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА И ПРЕФЕРЕНЦИЙ <i>Ерзнкян Б.А.</i>	107-111
☐	ОБ ЭКОНОМИКЕ (КАК НАУКЕ) В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ <i>Зотов В.В.</i>	112-113
☐	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И МИФОТВОРЧЕСТВО <i>Рулев В.М.</i>	114-116
☐	ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ <i>Суворов А.В.</i>	117-120
	ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	
☐	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ <i>Сорокожердьев В.В., Константиныди Х.А., Хашева З.М.</i>	121-125
☐	СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ <i>Качалов Р.М.</i>	125-130
☐	НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ <i>Сорокожердьев В.В., Константиныди Х.А., Спирина С.Г.</i>	131-134
	КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ, КОНКУРСЫ	
☐	III ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ	135
	КНИЖНАЯ ПОЛКА	
☐	НОВОЕ ВРЕМЯ В ЗЕРКАЛЕ "КАПИТАЛА" (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А.В. БУЗГАЛИНА И А.И. КОЛГАНОВА "ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ") <i>Павлов Р.Н.</i>	136-139

**РЕФОРМЫ В РОССИИ: ВЗГЛЯД СИСТЕМНОГО АНАЛИТИКА
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.Н. ЛИВШИЦА "СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ
РЫНОЧНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ НЕСТАЦИОНАРНОЙ ЭКОНОМИКИ
РОССИИ: 1992-2013")** 140-147
Нудельман Р.И.

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М. ИНТРИЛЛИГАТОРА 148-149

- Тамбовцев В.Л. Институты-как-равновесия vs институты-как-правила // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С.111–122.
- Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21.03.2002) «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)».
- Bromley D.W., Cernea M.M. The Management of Common Property Natural Resources: Some Conceptual and Operational Fallacies. Discussion Papers № 57. World Bank, 1989.
- Bromley D.W. Property Relations and Economic Development: The Other Land Reform // World Development. 1989. Vol. 17. № 6. P. 867–877.
- Cole D.H., Grossman P.Z. The Meaning of Property Rights: Law versus Economics? // Land Economics. 2002. Vol. 78. № 3. P. 317–330.
- Demsetz H. Towards a Theory of Property Rights // American Economic Review. 1967. Vol. 57. № 2. P. 347–359.
- Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights II: The Competition between Private and Collective Ownership // Journal of Legal Studies. 2002. Vol. 31. № 2. P. 653–S672.
- Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162 (3859). P. 1243–1248.
- Hohfeld W.N. Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // Yale Law Journal. 1913. Vol. 23. № 1. P. 16–59.
- Honore A.M. Ownership. In: Guest A.G. (ed.) Oxford Essays in Jurisprudence. Oxford: Oxford University Press, 1961. P. 107–147.
- Schlager E., Ostrom E. Property-Rights Regimes and Natural Resources: A conceptual analysis // Land Economics. 1992. Vol. 68. № 3. P. 249–262.
- Townsend R.E., Pooley S.G. Distributed Governance in Fisheries // Hanna S., Munasinghe M. (Eds.) Property Rights and the Environment. Stockholm and Washington, DC: Beijer International Institute of Ecological Economics and the World Bank, 1995. P. 47–58.

Рукопись поступила в редакцию 25.08.2014 г.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПАРАДИГМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ¹

В.Н. Лившиц

Статья подготовлена на основе доклада, сделанного 24 ноября 2014 г. на Ученом совете ЦЭМИ РАН.

В статье рассматривается ситуация в экономике России в конце 2014 г. – переход из посткризисного состояния в стадию стагнации. Формулируется, что для предупреждения ее дальнейшего нежелательного перехода в стадию рецессии необходимо существенно изменить действующую в стране весь период реформирования парадигму государственного управления экономикой и основных ее компонент-политик: социальной, макроэкономической, налоговой, кадровой и др. Указываются предполагаемые эффективные направления изменения каждой из политик.

Ключевые слова: стагнация экономики, рецессия, парадигма управления экономикой, компоненты парадигмы – политики управления.

Сегодня – в конце 2014 г. – наша страна находится в переломном моменте времени, когда есть основания считать, что финансовый кризис 2008–2010 г. Россия более или менее успешно преодолела и падение производства прекратилось (по-видимому, скорее временно, чем совсем). Однако явно нет оснований утверждать, что в нашей экономике наступила

© Лившиц В.Н., 2015 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 13-06-00066 и № 13-07-12060).

или хотя бы приближается фаза интенсивного или хотя бы нормального устойчивого роста. Скорее можно согласиться с мнением нового главы Минэкономразвития А. Улюкаева о переходе нашей экономики в стадию стагнации, т.е. стадию снижения темпов роста ВВП, что подтверждается статистическими показателями минувшего 2013 г.: после роста ВВП в 2011 и 2012 гг. соответственно на 4,3 и 3,4% и планирования (прогнозирования) в 2013 г. снова больше 4% он фактически значительно снизился – до уровня 1,3%. И надежд на заметный рост в нынешнем 2014 г. тоже не наблюдается – во всяком случае, во втором квартале 2014 г. ВВП по отношению к аналогичному периоду предыдущего года вырос всего на 0,8%, и немало экспертов в целом за 2014 г. ожидают его вообще около нуля...² Поэтому скорее речь (в том числе у оптимистов) идет о том, чтобы не дать стагнации трансформироваться в рецессию с отрицательными темпами роста ВВП. Задача эта представляется разрешимой, но не просто, а требует проведения весьма серьезных изменений в экономике, прежде всего на уровне государственного управления, в том числе и системной трансформации его «святая святых» – парадигмы государственного управления и всех важнейших ее компонентов, т.е. существенного развития и адаптации к новым условиям (после воссоединения России с Крымом и Севастополем, введения Западом антироссийских санкций, заметного относительного ослабления рубля и др.) принципов и методов проведения в стране всех политик – не только бюджетной, но и социальной, госуправленческой, ресурсной, налоговой, естественно-монопольной, инвестиционной, кадровой, образовательной, антикоррупционной и т.д.

Изменение каждой требует осуществления целого комплекса экономических и институциональных преобразований и отдельно

² См. например, статью директора Института стратегического анализа ФБК И. Николаева (Николаев, 2014, с. 8), в которой темп роста экономики России в 2014 г. указан в размере 0,5%.

их подробного системного анализа. Поэтому в силу невозможности его проведения по жанру настоящей работы ниже кратко ограничимся по существу лишь последовательным упоминанием некоторых из них, указывая не подробную характеристику и структуру механизма (алгоритм) этих преобразований, а скорее желательные направления соответствующих действий. Эти упоминания при принятом жанре изложения предлагаемых новаций будут неизбежно иметь декларативный и вербальный характер, иногда и с демагогическим налетом. Однако с достаточно развернутой авторской аргументацией их целесообразности и, более того, необходимости, а также с количественной официальной характеристикой Росстатом связанных с ними показателей можно ознакомиться по отмеченным в библиографии ранее вышедшим монографическим публикациям (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2008, 2010), а также по вышедшему в конце августа 2014 г. *весомому*³ научному труду (Лившиц, 2013).

В рамках такого далеко не самого убедительного способа пояснения процесса перехода к *новой парадигме государственного управления экономикой* рассмотрим последовательно предлагаемые изменения в ее отдельных важнейших компонентах – политиках.

В области *социальной политики* следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления от преимущественной ее *de facto* ориентации на интересы относительно небольшой группы наиболее обеспеченных и вполне богатых россиян⁴ на иную ориентацию – на

³ О весомости свидетельствует подтвержденный печатью Главпочтамта РФ факт: эта монография (объемом 640 с.) весит почти 1,5 кг.

⁴ Как указывается в (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2008, 2013), таких россиян (бизнесменов, чиновников и др.) в рассматриваемом периоде было примерно 130 тыс. человек, т.е. меньше 0,1% всего населения. В научной социально-экономической литературе уже лет семь – еще до мирового финансового кризиса – периодически попадает величина

интересы всех россиян и страны в целом, на снижение чрезмерно высокого и ставшего уже недопустимым и социально опасным уровня дифференциации доходов различных групп населения⁵, на снижение соответственно его бедности и безработицы путем развития производственного потенциала и заметного уве-

88 тыс. долларовых миллионеров в России со ссылками на принятую в журнале Forbes методику их подсчета. Если дополнительно учесть не отраженных в методике чиновников-миллионеров и рост бизнеса в 2004–2006 гг. (и размера взяток чиновникам), то, по экспертной оценке, получим указанный уровень 2006 г. – 130–150 тыс. Правда, среднее состояние простого российского миллионера (естественно, обычно криминального происхождения или близкого к нему), составлявшее по той же экспертной оценке в 2004 г. около 3,5–3,7 млн долл., к концу 2006 г., как минимум, удвоилось; так что в целом личное состояние «сливок общества» существенно возросло и составляет не менее триллиона долларов. В исследовании, выполненном (Известия. 2007. № 156. 30 авг. С. 3) компанией «Росгосстрах», приводятся еще более «оптимистичные» данные: в России, по их оценке, семей с годовыми доходами примерно в миллион долларов – 119–250 тыс., семей с годовыми доходами от 1 млн до 5 млн долл. – 90 тыс., а семей с доходами более 5 млн долл. – 12 тыс., т.е. очень богатых у нас значительно меньше 1%. И одновременно с этим там же указывается, что в стране по опросам «бедными себя считают 20% человек»; 22,2% россиян, у которых «денег с трудом хватает на питание»; а тех, кто «живет на доходы ниже прожиточного минимума, – 16%». Обращает на себя внимание и другое: на 10 тыс. человек населения в Индии 1 миллионер, в Китае – 4, а в России – около 100, как в США, Германии, Японии, Австралии и т.д. (Биржевой лидер. Интернет-журнал. 2010. 24 июня. URL: http://www.profi-forex.org/country_traders/entry1006241317.html (дата обращения: 08.03.2011)).

⁵ По официальным данным Росстата и результатам научных исследований, коэффициент фондов, т.е. отношение средних доходов 10% наиболее обеспеченных россиян к средним доходам 10% наименее обеспеченных, – превышает 16,0, а в Москве – 40,0. Более полные и еще более впечатляющие и удручающие об этом данные приведены в (Шевяков, 2005; Лившиц, 2013).

личения оплаты труда наемных работников и, как следствие, уменьшение числа россиян с доходами ниже адекватно реальным условиям определяемого прожиточного минимума, на уменьшение фактически высокой платности образования, здравоохранения и др.

В области макроэкономической политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления – следует фактически отказаться от опоры на неолиберальную монетаристскую концепцию, в основе которой лежит гипотеза о саморегулировании рынка, вполне допустимая, возможно, в периоды благополучного стационарного функционирования и развития рыночной экономики, но совершенно неадекватная российским реалиям с нестационарной экономикой, имеющей место в России весь более чем 20-летний период осуществления в ней радикальных экономических реформ, направленных на переход от системы централизованного планирования, как думалось, к нормальным рыночным механизмам. Практически это означает необходимость переориентировать парадигму от проводимой согласно неолиберальной концепции политики «слабого государства в экономике» в смысле данных в (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2008, 2010; Лившиц, 2013) определений, на согласованную с кейнсианской концепцией политику «сильного государства в экономике», которая предусматривает активное участие государства в экономике, нацеленное на всемерное реальное повышение системной народнохозяйственной эффективности, а не на осуществление весьма сомнительных неолиберальных лозунгов – рекомендаций типа «частное всегда эффективнее государственного», «всю государственную собственность, которая непосредственно не связана с вопросами безопасности, надо приватизировать» и др. Естественно, что нами имеется в виду при этом, что приватизация должна быть, как и конкуренция и другие известные рыночные мероприятия-лозунги, не целью, а лишь средством общественно эффективного достижения реальных первичных целей, среди

которых, пожалуй, на первом месте должно стоять требование – «системное повышение уровня жизни основной массы россиян» – и материальное, и интеллектуальное и т.д. Иными словами, если приватизация конкретной государственной собственности повышает в указанном смысле эффективность рассматриваемого производства, то его приватизировать надо, а если нет, то не надо. Это же соображение в равной степени относится и к обратной операции, связанной с управлением собственностью, – национализации собственности, в том числе и ранее приватизированной. Конечно, при этом очень важно, чтобы системная эффективность изменения формы собственности была определена корректно, с учетом всей необходимой динамики и всех последствий и обратных связей, а не как сиюминутный краткосрочный результат, чтобы были достаточно адекватно учтены и все существенные как экономические, так и внеэкономические (социальные, экологические, специальные и др.) факторы. Несмотря на сложность этих расчетов, они уже сегодня могут быть проведены – по существу речь идет об определении величины общественной эффективности проекта (в том числе и по приватизации или национализации объектов). Методика расчета такой эффективности, в частности, изложена в официальном документе (Методические рекомендации..., 2000), утвержденном Минэкономики, Минфином и Госкомпромом России 21 июня 1999 г. и многократно использованном при оценке эффективности многих конкретных проектов, финансируемых как государственными, так и частными инвесторами в различных отраслях и регионах РФ.

В области налоговой политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления, в основе которой лежит нерациональная, по нашему мнению, зафиксированная затем Налоговым кодексом РФ 2001 г. плоская шкала налогообложения доходов фирм и физических лиц, на более эффективную парадигму ступенчатого нелинейного прогрессивного роста объемов налоговых платежей по мере

существенного роста прибылей фирм и доходов физических лиц. Можно показать (Лившиц, 2013), что принцип и механизм выбора плоской шкалы налогообложения даже при нормальном государственном управлении и состояниях бизнеса и общества, т.е. в основном при соблюдении (а при несоблюдении тем более) резидентами страны действующих законов, противоречат таким естественным правилам общественно эффективной налоговой политики, как «сбор налогов в основном с богатых, а не бедных», «увеличение (или, по крайней мере, не уменьшение) располагаемых доходов и абсолютной и относительной налоговой нагрузки по мере роста доходов», «освобождение от налогов или их существенное уменьшение для самых бедных и очень малого бизнеса» и др. Обычное возражение против замены плоской шкалы налогообложения на нелинейную прогрессивно возрастающую чаще всего опирается на утверждение, что при этом «доходы уйдут в тень» и «налоги олигархи не будут платить», представляется сродни предложению не бороться с криминалом и коррупцией, потому что их все равно полностью побороть не удастся. При «слабом государстве в экономике» такое положение действительно имеет место, но при «сильном государстве в экономике» с уходом налогов в тень вполне можно бороться и добиться позитивных результатов: опыт ряда стран Запада и Востока (например, Сингапура) – тому подтверждение, хотя, конечно, дело это небыстрое и очень непростое, оно требует высокой профессиональной и моральной квалификации государственных чиновников и менеджеров.

Трудности такого перехода у нас могут возникать также из-за необходимости эффективной адаптации к нередко меняющимся у нас правилами налогообложения физических и юридических лиц. К тому же даже когда они определенны, как правило, недолгий период не меняются, это тоже не спасает, так как ФНС и Минфин порой толкуют Налоговый кодекс по-разному, о чем «бьют тревогу» эксперты (Захарова, 2007, с. 11). Иногда против отказа от плоской шкалы налогообложения выдвигают

ют и такой аргумент: система, особенно сбора необходимой информации, якобы настолько усложнится, что все перестанут работать, а будут заняты сбором справок о доходах. Но это опасение надуманное или рассчитанное на неразумный механизм налогообложения. Ведь отказ от плоской шкалы не обязательно следует делать глобально и поголовно для всех россиян – на нелинейность надо вывести только имеющих весьма немалые доходы (например, в год не менее 1 млн руб.), а тогда подавляющему большинству россиян никакие справки по-прежнему не надо будет нести в налоговую инспекцию, так как очень бедные, да и малый-малый бизнес, а их, особенно первых, к сожалению весьма немало, будут вообще не платить налогов, а подавляющая часть оставшихся будут сохранять плоскую шкалу, допустим в те же, что и сегодня, 13%.

Другой вопрос: насколько рациональна зафиксированная в принятом в 2001 г. Налоговом кодексе наша налоговая система и не следует ли в ней еще многое поменять – и принципиально, т.е. принципы взимания, структуру сборов, их экономическое и социальное содержание, модели и способы формирования и т.д., и в количественном плане – уровни отдельных взимаемых налогов, их ставки (например, ставки НДС, налога на прибыль предприятий, налога на доходы физических лиц и т.д.). Представляется, что в этом плане надо было бы сделать очень многое, так как действующее налоговое законодательство представляется явно нерациональным и даже социально несправедливым и поэтому довольно опасным. *Во-первых*, как было указано ранее, потому, что оно ориентировано на то, чтобы относительно большие налоги платили группы бедных, а не богатых россиян. *Во-вторых*, потому, что принята плоская шкала налога на доходы физических лиц, которая опять приводит к тому, что богатые платят меньше. Например, именно они часто имеют значительные дивидендные доходы по ценным бумагам, ставка налога на доходы по дивидендам которых всего 9%, недавно же было вообще 6%, а законопослушные бедные

платят со всех своих не попадающих под льготу доходов налог 13%. Кроме того, у нас вообще вопреки зарубежному опыту и даже здравому смыслу принята не прогрессивная, а регрессивная шкала налогообложения богатых по пенсионным взносам, в частности, как указывается в (Дмитриева, 2012, с. 5) «по заработкам до 47 тыс. руб. в месяц платят 30% страховых взносов, а с более высоких заработков – только 10%. А с бонусов, вознаграждений членов советов директоров (а это миллионы долларов) вообще не платится ни копейки». *В-третьих*, потому, что отсутствует по существу до сих пор предлагаемый даже нынешним премьером (Замахина, 2013) налог на сверхпотребление, на роскошь и др.; символический, а не бюджетообразующий характер имеют налоги на наследство и имущество, в том числе незаконно и даже криминально во время приватизации и рейдерских захватов приобретенное, которое у бедных практически отсутствует, и т.д. *В-четвертых*, потому, что есть много несуразностей при определении налоговых платежей, связанных с учетом различных факторов, например (Сухарев, 2012, с. 64–65) местом где находится или зарегистрирован налогоплательщик.

Но в отношении налогов определенный прогресс как будто все-таки намечается. Так, в упомянутой статье (Замахина, 2013) отмечается, что «одна из основных революций от Минфина – введение с 2014 г. нового налога на недвижимость. При этом от налогообложения будут освобождены только 20 м² жилья. Ставку налога будет разрешено варьировать от 0,1 до 0,3% цены для жилья, которое стоит до 300 млн руб., и от 0,5 до 1% – для недвижимости дороже этой суммы. Идея революции проста: налог будет высчитываться на основе не инвентарной (как сейчас), а рыночной стоимости жилья, которая, понятное дело, больше». Особенно у владельцев крупных имущественных состояний.

Не случайно и в России, и за рубежом периодически обсуждается вопрос о введении специального налога на доходы богатых, с которым, например, в США выступил Уор-

рен Баффет, в России – Александр Лебедев, предложивший «взимать дополнительные налоги на первичную приватизацию и так называемые залоговые аукционы» (Деньги. 2011. № 33 (840). Авт. С. 8). К настоящему времени накопилось много предложений, направленных на совершенствование налогового законодательства (прежде всего это касается уже перезревшей необходимости, о которой писали и западные топ-менеджеры, и ведущие экономисты РАН, введения нелинейной прогрессивной шкалы на доходы физических лиц, компенсационных налогов и др.). Естественно, все это должно пройти профессиональное и общественное обсуждения и при положительном эффекте осуществляться на законодательной базе, приниматься и утверждаться соответствующими институтами, а при крупных изменениях возможно и с помощью референдума. Потому что вопрос часто касается всех или почти всех.

Не случайно во время обсуждения на заседании Правительства РФ минфиновского проекта налоговой политики на ближайшие три года (Замахина, 2013) по акцизам на табак развернулась дискуссия. Заметим, что в проекте налоговой политики Минфина России, в частности, предполагается значительно увеличить акцизы на табак, так что «если сейчас с каждой пачки сигарет производители платят около 10 руб. налогов, то в следующем году будут платить 20, а в 2020 г. – 60 руб.». Естественно, все это входит в комплекс предложений в рамках государственной политики, направленной на повышение уровня жизни россиян. Но реально курильщикам не повезет уже в этом году – акциз увеличился на 41%. К 2016 г. он вырастет еще более чем в два раза – до 1200 руб. за тысячу штук плюс 9,5% расчетной стоимости. А к 2020 г. правительство хочет достичь европейского уровня налогообложения сигарет – порядка 3000 руб. за тысячу сигарет. На это приглашенный на заседание глава Федерации независимых профсоюзов Михаил Шмаков сразу же резонно отреагировал: «Повышать акцизы на табак до евроуровня придет время после доведе-

ния российских зарплат до тамошних. А ведь средняя зарплата в Европе – 140 тыс. руб. в месяц». Правда, при этом (Там же) глава Минздрава России Вероника Скворцова заявила, что «в минфиновском проекте акцизы повышаются недостаточными темпами. И требовала ускориться».

В области кадровой политики следует переориентировать фактически принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму выдвижения кандидатов на роль ведущих менеджеров (руководство отраслями, регионами, государственными корпорациями и др.) не по принципу их высокого профессионализма, а совсем по другим соображениям (например, нередко по принципу принадлежности к близкому соответствующим властным структурам личного президентского или губернаторского окружения), на парадигму реализации принципа всемерного повышения эффективности государственного управления за счет высокого профессионализма в конкретной рассматриваемой (социальной, экономической и т.д.) сфере менеджеров высшего уровня.

Кажется, что опыт руководства непрофессионалами оборонной, электроэнергетической, научной и некоторыми другими отраслями и регионами должен был бы россиян научить понимать важность процессов профессионального управления. Но создается впечатление, что «битому нейметя». Вряд ли можно считать эффективным и даже просто разумным наше отечественное открытие в теории и практике менеджмента – осуществление кадровых *рокировок*, недавним примером которых является рокировка в 2013 г. руководителей Минэкономразвития и Центробанка РФ. О неэффективности же системы кадрового непрофессионализма можно судить и на основе, например, минувшего опыта руководства экономистами при премьерах Е. Гайдаре (1992–1993 гг.) и особенно – А. Кириенко (в 1998 г.) всей экономикой страны, в последнем случае быстро закончившегося ее дефолтом, при А. Сердюкове Минобороны РФ, и, пожалуй, еще более наглядно – при А. Чубайсе – реформирования созданной в

советское время и тогда весьма эффективной и надежной централизованно управлявшейся электроэнергетической системы России. Все три основные высказанные накануне реформирования надежды-обещания (что итогом реформ акционирования и приватизационного «отрезания» от сети генерирующих электростанций станут: 1) массовый приток в них иностранных инвестиций, 2) последовательное снижение (из-за конкуренции ставших частными генераторов электроэнергии) затрат на производство и тарифов на электроэнергию, 3) повышение надежности электроэнергетики) вскоре реализовались с точностью наоборот. В результате чего иностранные инвестиции фактически не пришли, а пришли возросшие бюджетные тарифы на электроэнергию, которые непрерывно стали расти, и этот рост предусматривается и в будущем, наконец, произошло резкое снижение надежности системы, и одна авария стала следовать за другой – сначала в Чагино, затем в Питере, а также зимой под Москвой и, наконец, беспрецедентная для нашей гидроэнергетики Саяно-Шушенская катастрофа и др.

В области ресурсно-технологической политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления с фактической роли экономики России как природноресурсного, прежде всего нефтегазового, придатка Запада («нефтегазовой иглы» стран Северной Америки и Европы) и потребителя-пользователя создаваемых там инновационных эффективных технологий добычи, переработки и использования этих ресурсов, перейти на глубоко диверсифицированную структуру современного рыночного производства XXI в., приближенную постепенно к создаваемым в стране технологиям «экономики знаний», учитывающим российские особенности. Естественно, что при этом придется внести большие изменения и в систему подготовки высококвалифицированных кадров, выпуская их в необходимом числе как профессионалов не только пользователей, но и разработчиков машин, механизмов и технологий для всех

нуждающихся в этом сфер, отраслей и регионов нашей экономики и социума.

В области естественно-монопольной политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления, фактически нацеленную на формирование растущих во времени тарифов естественных монополий (на железнодорожные перевозки, продукцию электроэнергетики и др.), построенных на концепции их самофинансирования и самокупаемости в основном как средних затрат – себестоимости с добавлением фондовой рентабельности, на парадигму системной оптимизации уровня тарифов (т.е. установление их на основе дифференциальных затрат или по схеме Рамсея–Буато, если требовать выполнения условия самокупаемости). Ввиду того что упомянутые естественно-монопольные структуры основаны на сетевой базе с высокими условно-постоянными затратами, то в них дифференциальные затраты при нормальных уровнях загрузки обычно значительно, иногда в несколько раз, ниже средних затрат, и поэтому предлагаемые цены на продукцию будут значительно ниже существующих средних. Это приведет к благоприятному для экономики страны в целом снижению затрат на производство и транспорт продукции обычных «неестественномонопольных» отраслей материального производства, росту их прибыли и соответствующих налогов, но режим самофинансирования и самокупаемости обычными рыночными механизмами естественномонопольным отраслям автоматически обеспечен быть не сможет, а будут необходимы им за счет части возросших налогов государственные дотации из бюджета, т.е. должны будут скорректированы и парадигма государственного управления, и механизм ее реализации.

В области финансовой политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления, согласно которой основные финансовые службы страны (ЦБ РФ, Минфин РФ и др.) в полном соответствии с монета-

ристской концепцией фактически выполняют пассивную роль внешнего наблюдателя самостоятельных равновесных процессов, происходящих естественным образом на денежном и валютном рынках, а также хранителя правил поведения и интегральных показателей в банковской системе страны. Представляется, что эта роль финансовых служб в рамках официальной парадигмы должна быть существенно изменена активными действиями государства и его соответствующих финансовых подразделений, направленными на регулярное управление характером и уровнем инфляции, наполняемости экономики денежными средствами, а также валютным курсом национальной валюты в направлениях интересов основных масс россиян и отечественного бизнеса.

В области инвестиционной политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления, фактически нацеленную на неэффективное ручное управление инвестициями (по политическим и интуитивным соображениям принятие непрофессиональных решений в инвестиционной сфере, в том числе и по поводу реализации инвестиционных мегапроектов, требующих огромных затрат ресурсов: проекты «Большая Москва», мост на о. Русский, Всемирный футбольный чемпионат и др.), на профессиональную подготовку и осуществление инвестиционных действий – реализацию инвестиционных проектов, включая мегапроекты, только при выполнении трех условий – наличия: 1) профессионально выполненного соответствующего ТЭО, технического и рабочего проектов (необходимое условие); 2) в этих материалах раздела «Оценка эффективности проекта» (тоже только необходимое условие); 3) корректно выполненного и обоснованного с учетом макро- и микроэкономических особенностей российской нестационарной экономики заключения о высокой системной эффективности проекта (необходимое и достаточное условие).

В области науки и образовательной деятельности следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадиг-

му государственного управления копирования западных аналогов (система ЕГЭ, Болонская система подготовки специалистов высшего образования и др.) и разрушения отечественной системы научных исследований (прежде всего в РАН) на адекватную российским условиям политику активного использования имеющегося в мире прогрессивного, в том числе и советского, опыта подготовки квалифицированных кадров и проведения фундаментальных исследований. В связи с этим следует оценить огромные потери, в том числе и в качестве школьного и вузовского образования, которые имеют место из-за непродуманного внедрения упомянутых новаций в нашем образовании, фактически ликвидировавших в стране существовавшую довольно эффективную систему подготовки квалифицированных рабочих кадров через ПТУ и среднего технического персонала через техникумы. Все это в существовавшей ранее или в какой-то новой форме придется восстанавливать с большими народнохозяйственными затратами, причем от некоторых, по нашему мнению, особенно вредных для России механизмов, например от ЕГЭ, придется отказаться, причем, по-видимому, чем раньше, тем лучше.

В области бюджетной политики следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государственного управления, фактически нацеленную на формирование на всех уровнях управления очень оптимистических бюджетов, составленных по нереальным, приятно для разработчиков завышенным исходным и прогнозным значениям ключевых показателей, ласкающих слух депутатов (Госдумы РФ, законодательных собраний регионов и др.), по гамбургскому счету очень ограниченно ответственных за свои действия, на гораздо более обоснованные (по методике составления и близости к реальности используемых исходных данных) бюджеты – прогнозы, опирающиеся на принятые в профессиональной методике оценки инвестиционных проектов принцип умеренного пессимизма, методы учета инфляции, риска и неопределенности и т.д.

Ведь недаром в уже упомянутой статье Игоря Николаева, неслучайно названной «*Бюджет-то ненастоящий*», отмечается: «...составители проекта бюджета на 2015 г. исходили из того, что прогнозная цена на нефть марки “Юралс” составит в 2015 г. 100 долл. США за баррель, а базовая, исходя из которой и считаются расходы бюджета, – 96 долл. Так и хочется сказать: посмотрите что за окном-то делается! Уже в начале октября 2014 г. цены на нефть марки “Юралс” опустились ниже 90 долл. за баррель... Значит, мы получим недостоверный, я бы сказал, ненастоящий бюджет-2015. ...Господа законодатели, посмотрите за окно, не ориентируйтесь на “хотелки” какие-то, тогда, может быть, вы и захотите сделать бюджет-2015 чуть реалистичнее. Ну, хотя бы чуть-чуть».

О различиях (и существенных) между «хотелками» и реальными фактами можно судить по приведенным ниже рис. 1 и 2, на которых «хотелки» изображены темным цветом, а фактические данные – светлым.

И, наконец, *в области*, пожалуй, важнейшей для современной России – *антикриминальной и антикоррупционной политики* – следует переориентировать принятую в нашей стране с 1992 г. парадигму государ-

ственного управления, фактически нацеленную на декларативную антикоррупционную борьбу с криминалом, и перейти к реальным мощным действиям в этом направлении, к реализации принципа неотвратимости адекватного наказания за совершенные преступления (уголовные, приватизационные, налоговые и др.), реальной ликвидации хорошо известных нашим правоохранительным органам криминальных группировок, конфискации неправомочно приобретенного имущества и собственности, соответствующего наказания коррупционеров независимо от рода служебной деятельности (судебные, законодательные и правоохранительные органы власти всех уровней), их статуса и близости к властным структурам и др. Естественно, все это должно проводиться в рамках действующего законодательства, которое тоже должно быть рационализировано с целью повышения возможностей осуществления принципа «неотвратимости адекватного наказания за совершенные преступления». В аналогичном направлении должны быть откорректированы и другие (внешнеэкономические, образовательные и т.д.) не только упомянутые выше компоненты действующей парадигмы государственного управления, тоже содержащие

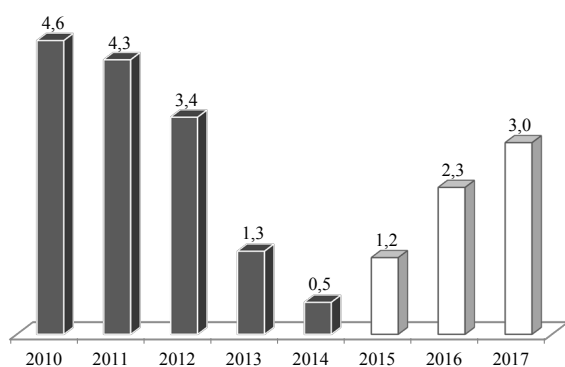

Рис. 1. Как растет экономика (ежегодные темпы прироста ВВП, по оценке и прогнозам Минэкономразвития), %

Источники: (Николаев, 2014, с. 8).

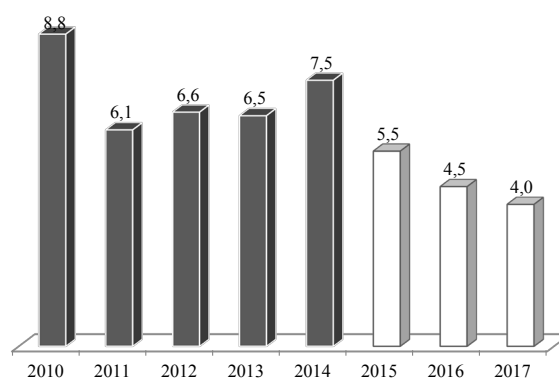

Рис. 2. Как растут цены (прирост потребительских цен, по оценке и прогнозам Минэкономразвития), %

Источники: (Николаев, 2014, с. 8).

немало неэффективных элементов (например, система ЕГЭ в образовании, немало способствующая, по нашему мнению, не снижению, как задумывалось, а возрастанию уровня коррупции в стране)⁶. Все это на практике должно быть реализовано *de facto*, чтобы у законопослушных россиян не было оснований присоединяться к мыслям известного экономиста и журналиста В. Иноземцева, которые нашли отражение и в названии его статьи (Иноземцев, 2013): «*Лучше не бороться с коррупцией, чем делать это так, как сейчас*».

Трудности этой борьбы понятны, но если учесть, что силовые структуры всех видов – МВД, ФСБ РФ и др. – насчитывают

---

⁶ Как было заявлено на круглом столе в Совете Федерации (Лесков, 2002), «в России ежегодно в автокатастрофах гибнет 30–40 тыс. человек, совершается 70 тыс. убийств, а самоубийством кончают жизнь более 100 тыс. человек...». Не изменилась по существу и ситуация в последующие 2003–2008 гг. Согласно интервью зам. начальника департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом МВД РФ генерала милиции А. Елина «по оперативным данным в настоящее время в стране действуют около 450 организованных преступных формирований (ОПФ). Общая их численность – порядка 12 000 человек... По нашим данным, подтвержденный статус “вора в законе” имеют около 200 человек, и это число последние несколько лет относительно стабильно... Проведенный нами анализ показывает, что под криминальным контролем крупных преступных формирований находится более 2 тыс. объектов экономики. Примерно пятая-шестая часть из них – бюджетообразующие и градообразующие предприятия». Несколько более оптимистичные данные привел (28.01.2010) на пресс-конференции глава департамента уголовного розыска МВД РФ Искандар Галимов: «Более 200 преступных группировок общей численностью свыше 11 тыс. “бойцов” действует на территории России... Удачи в деле разгрома организованных преступных формирований случаются все чаще. Последние изменения законодательства... позволяют привлекать так называемых воров в законе за одно только участие в воровских сходках» (цит. по: Демченко В. Мафию не прощают // Известия. 2010. № 14 (28029). 30 янв.

многомиллионную армию молодых, здоровых работников, то поверить, что они не могут справиться с 10–12 тыс. членов преступных группировок, трудно. Скорее всего борьба с криминалом и коррупцией не ведется как следует или нет такого желания.

Литература

- Дмитриева О. К новому кризису мы подойдем с нерешенными социальными проблемами // Московский комсомолец. 2012. 12 окт. С. 4.
- Замахина Т. Россия прыгнула в серьезное неравенство // Московский комсомолец. 2012. 22 февр.

С. 1). Эта информация одновременно вызывает и грусть, и удивление: неужели многомиллионные по кадровому составу и неплохо вооруженные силовые структуры России не могут справиться с несколькими десятками тысяч бандитов? Не верится – значит, власти не хотят, не дают команды, а, может быть, что-то ещё препятствует. Например, не считается приоритетной проблема обеспечения безопасности незлитного населения, или расправиться с бандитами силовыми методами «демократия по-русски» не позволяет? Такое тоже приходилось слышать. Тогда напрашивается вопрос: нужна ли такая демократия, которая угрожает безопасности основной массы населения страны, незащищенного специально нанятыми и хорошо оплачиваемыми представителями частных охранных агентств, и снижает его благосостояние? Отрицательный ответ представляется вполне естественным. Хотя с приходом в 2008 г. нового Президента РФ Д.А. Медведева, а в 2012 г. – нового «старого» Президента РФ В.В. Путина к власти в их программах и выступлениях уделяется значительное место борьбе с так и не уменьшившимися криминалом и коррупцией, и это вселяет надежды, но, как говорят, в этом деле «значительные успехи все еще впереди». Тем не менее, представляется, что фактически существующая в России парадигма «мирного существования властных и силовых структур с преступными» может и должна быть срочно заменена парадигмой бескомпромиссной жесткой войны первых структур с последними.

- Замахина Т.* Медведев: «Пора вводить налог на сверхпотребление» // Московский комсомолец. 2013. № 26243. 31 мая. С. 2.
- Захарова Л.* Закон один, трактовок много // Известия. 2007. № 136. 2 авг. С. 11.
- Иноземцев В.* Лучше не бороться с коррупцией, чем делать это так, как сейчас // Московский комсомолец. 2013. 1 апр.
- Лесков С.* Тень узнала свое место // Известия. 2012. 24 февр. № 17.
- Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: ЛЕНАНД (URSS), 2013.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS, 2008.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис, 2010.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В., Тищенко Т.И., Фролова М.П.* Системный анализ, кибернетика и синергетика. Сравнительные соображения // Материалы семинара ЦЭМИ РАН и Финансового университета при Правительстве РФ. М.: ЦЭМИ РАН, 2012.
- Лившиц В.Н., Позамантир Э.И., Смоляк С.А.* Система тарифов по грузовым перевозкам, осуществляемым в России ОАО «РЖД» // Экономика и математические методы. 2013. Т. 47. Вып. 3. С. 42–56.
- Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Официальное издание (Вторая редакция). Минэкономики РФ, Минфин РФ, ГК РФ по строительству, архитектуре и жилищной политике / Рук. авт. кол. В.В. Коссов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. М.: Экономика, 2000.
- Николаев И.* Бюджет-то ненастоящий // Московский комсомолец. 2014. 15 окт. С. 8.
- Шевяков А.Ю.* Социальная политика и распределительные отношения // Экономическая наука современной России. 2005. № 3 (30). С. 52–56.

Рукопись поступила в редакцию 01.12.2014 г.

КЛАСТЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРИНЦИП НЕОБХОДИМОГО РАЗНООБРАЗИЯ¹

В.А. Агафонов

Настоящая работа посвящена вопросам методологии разработки стратегий развития субъектов РФ. В работе развивается понятие социально-экономической системы региона на основе интерпретации принципа необходимого разнообразия применительно к региональным социально-экономическим системам. В основе предлагаемой методологии разработки региональных стратегий лежит понятие проблемы. Возникновение проблем социально-экономического развития связывается с дефицитом адекватных инструментов управления. На базе реализации принципа необходимого разнообразия предлагается преодолеть данный дефицит путем создания кластерных систем в регионах.

Ключевые слова: стратегическое планирование на региональном уровне, стратегия развития субъекта РФ, социально-экономическая система региона, общая теория систем, проблеморешающие системы (ПРС), проблемная ситуация, декомпозиция сложных систем, закон необходимого разнообразия.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЗАДАЧИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕГИОНАХ

В настоящее время в СМИ и специальной литературе обсуждаются вопросы, связанные с разработкой стратегии социаль-

© Агафонов В.А., 2015 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00419).

- Замахина Т.* Медведев: «Пора вводить налог на сверхпотребление» // Московский комсомолец. 2013. № 26243. 31 мая. С. 2.
- Захарова Л.* Закон один, трактовок много // Известия. 2007. № 136. 2 авг. С. 11.
- Иноземцев В.* Лучше не бороться с коррупцией, чем делать это так, как сейчас // Московский комсомолец. 2013. 1 апр.
- Лесков С.* Тень узнала свое место // Известия. 2012. 24 февр. № 17.
- Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: ЛЕНАНД (URSS), 2013.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS, 2008.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис, 2010.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В., Тищенко Т.И., Фролова М.П.* Системный анализ, кибернетика и синергетика. Сравнительные соображения // Материалы семинара ЦЭМИ РАН и Финансового университета при Правительстве РФ. М.: ЦЭМИ РАН, 2012.
- Лившиц В.Н., Позамантир Э.И., Смоляк С.А.* Система тарифов по грузовым перевозкам, осуществляемым в России ОАО «РЖД» // Экономика и математические методы. 2013. Т. 47. Вып. 3. С. 42–56.
- Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Официальное издание (Вторая редакция). Минэкономики РФ, Минфин РФ, ГК РФ по строительству, архитектуре и жилищной политике / Рук. авт. кол. В.В. Коссов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. М.: Экономика, 2000.
- Николаев И.* Бюджет-то ненастоящий // Московский комсомолец. 2014. 15 окт. С. 8.
- Шевяков А.Ю.* Социальная политика и распределительные отношения // Экономическая наука современной России. 2005. № 3 (30). С. 52–56.

Рукопись поступила в редакцию 01.12.2014 г.

КЛАСТЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРИНЦИП НЕОБХОДИМОГО РАЗНООБРАЗИЯ¹

В.А. Агафонов

Настоящая работа посвящена вопросам методологии разработки стратегий развития субъектов РФ. В работе развивается понятие социально-экономической системы региона на основе интерпретации принципа необходимого разнообразия применительно к региональным социально-экономическим системам. В основе предлагаемой методологии разработки региональных стратегий лежит понятие проблемы. Возникновение проблем социально-экономического развития связывается с дефицитом адекватных инструментов управления. На базе реализации принципа необходимого разнообразия предлагается преодолеть данный дефицит путем создания кластерных систем в регионах.

Ключевые слова: стратегическое планирование на региональном уровне, стратегия развития субъекта РФ, социально-экономическая система региона, общая теория систем, проблеморешающие системы (ПРС), проблемная ситуация, декомпозиция сложных систем, закон необходимого разнообразия.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЗАДАЧИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕГИОНАХ

В настоящее время в СМИ и специальной литературе обсуждаются вопросы, связанные с разработкой стратегии социаль-

© Агафонов В.А., 2015 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00419).

но-экономического развития страны в целом и различных регионов. Были разработаны стратегии развития большинства субъектов РФ, в специальной литературе обсуждаются различные вопросы стратегического планирования на различных уровнях. В СМИ и выступлениях высшего руководства высказываются мнения о недостаточной системности и стратегичности планов социально-экономического развития. Появляются публикации, посвященные методическим вопросам разработки отдельных элементов стратегии. Призывы к модернизационному развитию высказываются довольно часто. Однако при этом возникает комплекс вопросов об объектах модернизации, необходимых институциональных и ресурсных условиях, способах, направлениях и очередности проектов, ориентированных на модернизационные процессы, и т.п.

Актуальность задач обновления ключевых элементов социально-экономической системы очевидна. Однако постоянно возникающие сложности их решения свидетельствуют о наличии стратегических и тактических препятствий или проблем. В общем случае возникновение проблем обусловлено тем, что в современных условиях расширяющиеся потенциальные предпосылки осуществления разнообразных прогрессивных изменений в экономике и социальной сфере наталкиваются на ограниченный потенциал их ресурсного и интеллектуального обеспечения, а также создания необходимых институциональных условий. С этих позиций в проблемных ситуациях проявляются противоречия между динамичностью изменений в характере социально-экономических процессов, в приоритетах социально-экономического развития, с одной стороны, и инерционностью хозяйственных связей, а также консервативностью экономической структуры, негибкостью систем управления на различных уровнях, с другой. В частности, существуют противоречия между возникающими новыми возможностями в области технологии, в инвестиционной политике, развитии социальной сферы и сложившейся структурой экономики региона,

уровнем человеческого потенциала, технологическим потенциалом, уровнем развития производственной, социальной, информационной и хозяйственной инфраструктуры, системой институтов, целевыми установками в сфере экономической политики, неадекватностью кредитно-финансового механизма и налогового законодательства объективным реалиям. Важную роль играют ограничивающие экономико-географические, природно-экологические, демографические и политические факторы.

Иными словами, можно утверждать, что мы живем в мире проблем, в которых отражаются противоречивые тенденции социальных и экономических процессов, протекающих в современном обществе. Эти проблемы формулируются различными субъектами социально-экономических процессов и соответствуют интересам и принципам целеполагания различных деловых и политических кругов, различных групп населения, различных кругов бизнес-сообщества. Именно поэтому проблемы в концентрированной форме отражают различные взгляды на одни и те же объекты, процессы, проекты и осознание их как системного феномена, объединяющего их в единую социально-экономическую и природную среду.

В период зарождения методологии программно-целевого планирования было введено понятие проблемы как объекта разработки и реализации целевых программ для ее решения. Ставилась задача среди множества идентифицированных проблем социально-экономического развития выделить те из них, для решения которых необходимо применение программных методов управления. Наиболее распространено определение проблемы и проблемной ситуации, базирующееся на понятиях недостаточного уровня удовлетворения общественных потребностей или разрыва между желательными и существующими или экстраполируемыми свойствами исследуемой системы. В работе (Тамбовцев, 1982) под проблемой понимается описание ситуации противоречия между желаемым и существу-

ющим уровнем удовлетворения общественных потребностей. При этом выделяются два направления анализа проблемы: внешний, заключающийся в установлении ее связей с системой целей социально-экономического развития, и внутренний, направленный на формирование иерархического перечня общественных потребностей, фигурирующих в формулировке проблемы. Согласно (Вилкас, Майминас, 1981) проблема формулируется в виде логического высказывания по поводу необходимости достижения рассматриваемой системой заданного желательного состояния. Лейбкинд и соавторы (Лейбкинд и др., 1983) определяли проблемную ситуацию как несоответствие представлений субъекта управления о желательном и наблюдаемом состояниях объекта управления. В работах (Агафонов, 1984, 1990) проблема рассматривалась в виде несовпадения желательного уровня удовлетворения потребностей некоторой системы в продуктах и услугах и возможностей их обеспечения, также как общественно осознаваемое расхождение между существующими или прогнозируемыми и желательными значениями *стратегических параметров* определенной социально-экономической системы.

В методологии стратегического планирования целесообразность использования понятия «проблемы» обусловлено тем, что процедура выявления наиболее приоритетных или критических целей, достижение которых является наиболее важным на данном горизонте принятия решений, переносится из области сложных аналитических процедур целеполагания в сферу анализа разнообразных симптомов дискомфорта, осознаваемого органами управления различных уровней, бизнесом и населением. Необходимо учитывать, что оценку и анализ осуществляют реальные люди, которые воспринимают конкретную ситуацию, и нельзя требовать от них следования «высокой» методологии целевого подхода. Понятие «проблема» является более простым и понятным, чем понятие цели, так как позволяет рассуждать не только в терминах потребностей, но и в терминах общеприня-

тых значимых показателей качества функционирования различных социально-экономических объектов (эти показатели мы будем относить к стратегическим). Тем самым появляется возможность избежать дискуссии об адекватности декларируемой системы целей развития СЭС региона, а также сопоставления уровней достижения различных целей и сразу сконцентрироваться на качестве функционирования ее «проблемных» подсистем. Например, когда социально-экономическая ситуация в регионе признается проблемной, то можно говорить не только о недостижении целей, например качества жизни, но сразу о неэффективности, например, системы здравоохранения, образования, инфраструктуры или менеджмента и т.д.

Мы исходим из того, что поступательное развитие общества осуществляется в ходе постоянного решения препятствующих проблем. Поэтому можно считать, что стратегия развития – это стратегия решения проблем, которые признаются актуальными с точки зрения основных акторов социально-экономических процессов, протекающих в обществе, к которым относятся органы управления, бизнес-сообщество, население. А анализ проблем и формирование возможных путей их решения являются основными предметами стратегического планирования. С позиций анализа проблем стратегия социально-экономического развития рассматривается как структурированный план мероприятий и проектов, ориентированных на их решение и достижение приоритетных целей. Данное положение не является попыткой дать еще одно и также неполное определение стратегии, а лишь отражает точку зрения на основные задачи стратегического планирования долгосрочного развития региона.

Анализ хронических, самовоспроизводящихся проблем развития СЭС всех уровней экономической иерархии и формирование возможных путей их решения являются основным предметом именно *стратегического* управления, и это обусловлено следующим. Во-первых, проблемы формулируются исходя

из уровня удовлетворения различных общественных потребностей и отражают точку зрения различных субъектов, выражающих эти потребности; можно также сказать – субъектов целеполагания в обществе. Во-вторых, мероприятия, направленные на решение таких постоянно воспроизводящихся проблем, носят долгосрочный характер. В-третьих, эти проблемы и результаты их решения значимы с точки зрения дальнейшего функционирования и развития проблемных социально-экономических систем. В-четвертых, действия, связанные с решением проблем, предусматривают осуществление значимых изменений в проблемных социально-экономических системах.

В настоящих условиях, как, впрочем, и десятилетия назад, необходимо отвечать на возникающие вызовы. Поэтому актуальна задача выработки стратегии социального и экономического развития страны в целом, отдельных отраслей экономики и социальной сферы, а также различных территорий. По сути, речь идет о формировании полноценного института стратегического планирования и управления. Стратегическое планирование должно охватывать не только разработку стратегических планов, но и мониторинг ситуации с постоянной обратной связью в форме гибкой реакции на возникающие изменения в рассматриваемой социально-экономической системе и внешней среде ее «обитания». То есть стратегическое управление должно быть постоянным процессом, а не единовременным актом подготовки стратегических документов (стратегий, концепций и т.п.). На наш взгляд, основное содержание стратегии определяется следующими элементами:

- обоснование совокупности желательных состояний (в динамике) системы, являющейся объектом управления, и системы приоритетов на множестве показателей желательного состояния;
- анализ проблем достижения желательного состояния, способы решения этих проблем и степень продвижения к желательному состоянию;

- структура и содержание целевых программ ее реализации по основным составляющим, или стратегическим направлениям.

При этом возникает задача методологического обоснования основных процедур разработки стратегии в соответствии с указанными элементами.

Мировой опыт показывает важность участия органов государственного управления в решении наиболее острых проблем социально-экономического развития. Можно привести в качестве примера фактически все страны Западной Европы, Индию, Японию, Южную Корею и др. Решаемые проблемы разнообразны: от развития перспективных, конкурентоспособных производств и повышения инновационной активности до развития депрессивных районов и реализации крупных инфраструктурных или образовательных проектов.

Для нашей страны это обстоятельство особенно важно, так как большинство наших проблем имеют хронический характер. В первую очередь это связано с тем, что проекты, которые потенциально могли бы способствовать решению или хотя бы смягчению этих проблем, часто оказываются малопривлекательными для частного бизнеса. Вторая причина заключается в том, что государство уделяло решению этих проблем недостаточное внимание, по-видимому, в надежде на действия именно частного бизнеса. В сфере интересов государства должны находиться в первую очередь те проблемы и задачи, решение которых невозможно достичь только лишь усилиями частного бизнеса. При этом важны не конкретные объекты или группы объектов как таковые. Важны достижение приоритетных целей социально-экономического развития и решение актуальных социальных и экономических проблем. Тем самым регулирование или управление деятельностью экономических субъектов должно быть построено не на объектном подходе, а на целевом. В этом случае предметом регулирования будут не конкретные объекты, а ожидаемые целевые результаты их деятельности. При этом

необходимо определить формы и механизмы поддержки и стимулирования стратегических мероприятий, направленных на решение этих проблем.

Если мы обратим внимание на формулировки актуальных проблем социально-экономического развития, то можно сделать вывод, что они часто имеют, если можно так выразиться, «отраслевой» характер, например, задачи развития нанотехнологий, борьба с коррупцией, развитие образования, модернизация ряда высокотехнологических отраслей, развитие определенных видов деятельности: АПК, туризма и рекреации, логистики, инфраструктурного обеспечения. Существенно, что в разных регионах эти проблемы и степень их относительной важности различаются, и пути их решения будут индивидуальными.

В контексте инновационного пути развития и осуществления технологических прорывов приходится говорить о приоритетных видах деятельности, критических технологиях, макротехнологиях. В свою очередь каждая макротехнология представляет собой интеграцию определенных видов деятельности, территориально локализованных в конкретной природно-географической, социальной и экономической средах. Если ставится задача разработки и реализации стратегии развития определенной макротехнологии, то возникает вопрос о территориальной принадлежности множества образующих ее производств. А это в свою очередь означает планирование «имплантации» каждого элемента общей инновационной стратегии развития определенного сектора экономики в стратегии развития отдельных территорий. Можно выстраивать логику управления и в противоположном направлении. В этом случае можно считать, что отраслевые стратегии «собираются» из соответствующих территориальных элементов.

Важность стратегического планирования на региональном уровне обусловлена рядом причин. Во-первых, тем, что именно субъект РФ представляет собой целостную социально-экономическую систему, которая

является совокупностью самостоятельных предприятий, локализованных на определенной территории и интегрированных технологическими и социальными связями. Поэтому на региональном уровне могут быть реализованы все принципы системного подхода и программных принципов планирования и управления. Следует отметить, что стало уже трюизмом декларировать необходимость системного подхода к анализу сложных объектов или процессов, протекающих в социальной и экономической сфере, и принятию стратегических решений в управлении экономическими объектами разного уровня.

Методология системного анализа решения слабоструктурированных проблем насчитывает как научное направление более пяти десятилетий. Тем не менее необходимость развития методологии системного подхода к планированию стратегий регионального развития остается актуальной. Сказанное можно рассматривать как обоснование актуальности дальнейшего развития методологии стратегического планирования регионального развития.

РАЗРАБОТКА РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ И ЗАКОН НЕОБХОДИМОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Принцип внешнего дополнения и системы, направленные на решение проблем

Способность экономического субъекта адекватным образом отреагировать на изменяющиеся внешние и внутренние условия функционирования характеризует его адаптивные способности. В процессе социально-экономического развития часто возникают случаи, когда изменения во внешней и внутренней среде превышают адаптивные способности субъекта, т.е. в распоряжении его органов управления не существует реальных рычагов управления, соответствующих его

уровню компетенции, использование которых позволило бы устранить проблему.

Специфика нашей страны заключается в том, что уровень развития рыночной инфраструктуры и рыночных механизмов, а также качество государственного управления на всех уровнях, от федерального до муниципального, оставляют желать много лучшего. Сказанное легко проследить в ретроспективе на примере безуспешных попыток решения ряда острых проблем, в частности: технологического обновления, обеспечения устойчивого развития, перехода на инновационный путь развития; осуществления глобальной модернизации основных сфер экономики; удвоения ВВП; низкого уровня производительности труда; углубляющейся дифференциации уровней социально-экономического развития между регионами и т.п. Не говоря уже о борьбе с коррупцией. Примеров успешного решения стратегических проблем развития мы пока наблюдаем недостаточно.

Если изначально идентифицирована ситуация невозможности достижения приоритетных целей, то проблема заключается в неудовлетворительном функционировании тех систем, которые призваны обеспечивать достижение этих целей. Если не удовлетворяются какие-либо общественные потребности, то проблема возникает из-за дисфункций тех систем, которые обеспечивают удовлетворение этих потребностей. Таким образом, при формулировке проблем мы всегда должны рассматривать пару систем: *субъекта потребностей* и *субъекта их обеспечения*. То есть при формулировке проблем осуществляется внешнее дополнение исходной системы – субъекта потребностей. Этот аспект был подробно исследован в предыдущих работах автора, например (Агафонов, 1985, 1990). Процедура внешнего дополнения предлагается также в работах Г.Б. Клейнера, например (Клейнер, 2002, 2008) и др. Отличительная черта подхода Г.Б. Клейнера заключается в том, что дополнение осуществляется в обратном направлении: от *производства к потреблению*, что в свою очередь обуслов-

лено тем, что объектом анализа изначально является развитие предприятия как производящей системы. Но и в том и в другом случае проблему можно рассматривать как нарушение баланса во взаимоотношениях пары подсистем, принадлежащих объединяющей их системе.

Внешнее дополнение неразрывно связано с принципом необходимого разнообразия. Когда разнообразия у органа управления не хватает, чтобы в рамках своих компетенций устранить проблему, внешнее дополнение позволяет расширить спектр управлений за счет потенциальных возможностей *надсистемы*. Если рассматривать проблему дефицита в удовлетворении некоторой общественной потребности, то возможное управление связано с мероприятиями, направленными: во-первых, на увеличение выпуска дефицитных продуктов и услуг за счет увеличения поступления факторов производства (сырья и материалов, персонала, финансовых средств и т.п.) и совершенствования технологии производства; во-вторых, на снижение уровня потребности за счет использования продуктов-субститутов, а также совершенствования технологий потребления. Иными словами, внешнее дополнение направлено, с одной стороны, на расширение возможностей управления производством, а с другой – на управление потреблением. Если исходная проблема идентифицирована относительно производственной системы, например, низкая рентабельность производства, то внешнее дополнение возможно, – оно направлено на повышение эффективности производства: поиск новых технологий и совершенствование инновационной среды, а также на сферу потребления (варианты повышения цен при повышении качества выпускаемых продуктов и услуг) – на рост потребления. Таким образом, процесс внешнего дополнения интерпретируется как динамический процесс создания более сложной комплексной системы, ориентированной на расширение механизмов возможного управления решением проблемы. Такую систему можно называть *проблеморешающей (ПРС)*.

Структура потенциальной надсистемы, построенной в соответствии с принципом внешнего дополнения, определяется совокупностью возможных действий, обеспечивающих решение исходной проблемы. В свою очередь данные действия могут быть разделены на две группы: устранение факторов возникновения и воспроизводства проблемы и компенсация последствий. Любое действие, направленное на управление факторами проблемы или устранение последствий, характеризуется субъектом, объектом, механизмом, затратами ресурсов, территориальной локализацией, длительностью, ожидаемыми результатами и др. В совокупности эти характеристики соответствуют параметрам, принятым для описания «проектов». С этой точки зрения можно считать, что стратегия решения проблемы структурируется как совокупность мероприятий и проектов. В ходе ее разработки осуществляется дополнение исходной проблемной системы системами, продуцирующими факторы (*F*-системы), системами, в которых проявляются последствия (*C*-системы), а также системами, в компетенции которых находится управление данными двумя группами систем (будем называть их *D*-системами). Это могут быть как органы управления, так и хозяйственные субъекты, оказывающие влияние на деятельность *F*-систем. В соответствии с этим для анализа структуры дополнения и уровня разнообразия необходимо структурировать и локализовать факторы и последствия проблемы.

В результате формирования надсистемы, проектируемой в соответствии с принципом внешнего дополнения, происходят интеграция и упорядочение различных предприятий и организаций в определенные группы: создание новых институтов, кластерных производственных структур, общественных объединений и политических партий и т.п. Если рассматривать эти процессы как поддающиеся регулированию, то целесообразно рассматривать специфику и принципы интеграции разнородных предприятий и организаций в группы. В соответствии с ранее вы-

сказанным положением, что развитие можно рассматривать как процесс решения проблем, эти группы необходимо рассматривать как своего рода «центры развития».

Схема взаимоотношений подсистем, рассматриваемых в ходе формулирования и анализа проблем, приведена на рис. 1.

Центры должны обеспечивать принципиальную возможность в рамках некоторой территории организовывать и объединять определенные виды деятельности, с одной стороны, соответствующие приоритетам страны в целом, а с другой – в силу единства территории, позволять решать наиболее актуальные социальные, экологические и общеэкономические проблемы ее развития. Таким образом, центры развития могут и должны осуществлять функции проблеморешающей системы. Пример структуры ПРС приведен на рис. 2.

Центры развития должны также обладать способностью вести экспансию либо вовлекать в свою сферу или формировать в своей среде все новых и новых участников – населения, новых организаций, персонала организаций, капиталов, других элементов социальной и производственно-технологической, инновационной среды, инфраструктуры и, как следствие, способствовать достижению новых целей и решению новых проблем.

Рис. 1. Взаимоотношения основных подсистем ПРС

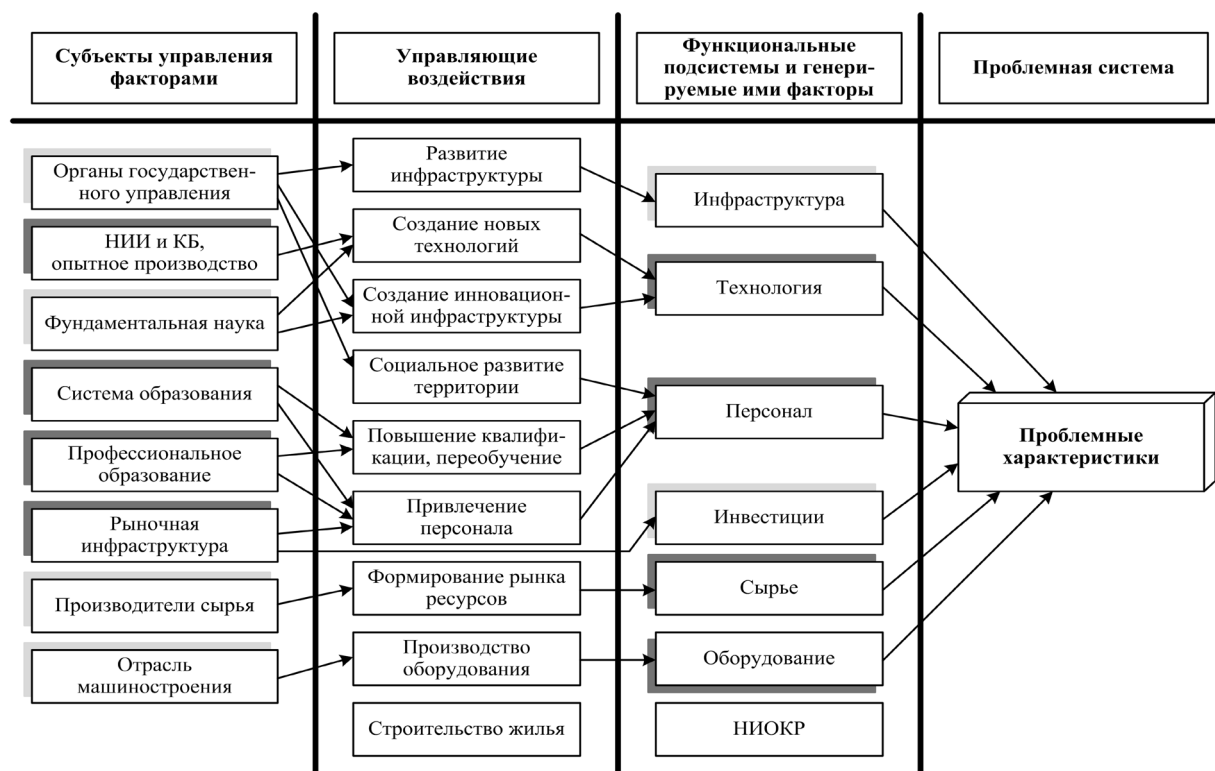

Рис. 2. Пример укрупненной структуры проблеморешающей системы

Дать определение такой интегрированной структуры довольно сложно, но в то же время можно описать характерные черты подобной интеграции. Рассматривая закономерности формирования центров развития, можно выделить два возможных пути. Первый – эволюционный, представляет собой совокупность децентрализованных процессов, базирующихся на готовности субъектов к взаимному содействию (Анохин, 1973) и способности их видеть преимущества интеграции. Основным фактор здесь – стабильность интеграционных связей между участниками ПРС и вытекающая из стабильности возможность обеспечения взаимных компромиссов в проводимой ими экономической политике. Второй путь – директивный и связан с активным участием государства в формировании ПРС. В этом случае подключение органов госу-

дарственного управления – это еще один шаг внешнего дополнения с целью увеличения разнообразия управления.

Основная функция государства – обеспечить «выгодность» интеграционных процессов для всех участников на долгосрочную перспективу. Это может быть достигнуто за счет использования различных способов стимулирования развития видов деятельности в составе ПРС. Предметом стимулирования являются процессы внедрения новых технологий, повышения качества выпускаемой продукции и услуг, роста объемов производства, повышения эффективности использования факторов производства и др. Основная задача стратегического планирования создания определенной совокупности ПРС на территории данного региона заключается в проектировании механизмов формирования

каждой ПРС и анализе возможностей обеспечения требуемых условий. В качестве важнейших благоприятствующих условий можно отметить:

- близкие показатели финансово-экономической эффективности функционирования предприятий и организаций в составе ПРС. Наличие «выпадающих» по критерию эффективности предприятий будет нарушать динамику развития предприятий, организованных в технологические цепочки;
- наличие адекватной инфраструктуры (информационной, энергетической логистической, социальной, рыночной и пр.);
- возможность обмена людьми, идеями, капиталом (Маршалл, 1993);
- функционирование значительного числа малых и средних предприятий, выполняющих роль коммуникаторов и формирующих коммуникационную среду;
- наличие научных организаций с высокой предпринимательской культурой;
- квалифицированная рабочая сила;
- развитый инновационный сектор (технопарки, бизнес-инкубаторы, информационно-технические центры, промышленные зоны, инновационно-промышленные комплексы, агентства развития субконтрактных отношений);
- наличие на территории региона эффективных профессиональных ассоциаций, которые предоставляют компаниям возможность встречаться и обмениваться опытом;
- формирование атмосферы доверия, являющейся следствием тех взаимных преимуществ, которыми пользуются стабильно взаимодействующие предприятия, расположенные на одной территории;
- конструктивная политика региональных органов власти и управления, направленная на поддержку и развитие интеграционных процессов.

Постоянное взаимодействие фирм внутри ПРС способствует формальному и неформальному обмену знаниями и профессиональными навыками. А образование так называемой критической массы компаний

служит стимулом для дальнейшего привлечения новых компаний, инвестиций, услуг и поставщиков, а также поддерживает процессы формирования собственных профессиональных кадров. Компании внутри кластерных систем благодаря тесным связям друг с другом формируют единую информационную, деловую, инновационно-технологическую, рыночную, инфраструктурную, социокультурную и профессиональную среду, а также, что важно, среду, характеризуемую общим стилем менеджмента (последнюю можно назвать управленческой средой).

Являясь центром развития, ПРС становится объектом инвестирования, на котором сосредоточено внимание органов власти. При интеграции фирм возникает возможность оптимизации производственно-технологических процессов и минимизации трансакционных издержек на различных предприятиях. В основе процесса образования КС лежит обмен информацией о потребностях в технике, технологиях и услугах между производителями, поставщиками, покупателями и обеспечивающими производствами. Взаимный обмен информацией ставит в выгодные условия все интегрированные фирмы на конкурентном рынке.

Организации, образующие проблемную систему, а также *F*- и *D*-системы, предъявляют определенные требования к результатам научных исследований и разработок, проводимых в научно-исследовательских, проектно-конструкторских и учебных заведениях, расположенных на территории региона. Тем самым они вовлекаются в инновационные процессы, обеспечивающие развитие ПРС, – своего рода инновационный «оборот». Причем, ПРС как система, образованная тесно взаимодействующими предприятиями, обладает более высокой «инновационнопроводностью», чем совокупность изолированных предприятий, пусть даже находящихся на одной территории. На основе этих механизмов могут формироваться инновационные кластерные структуры за счет эффекта кристаллизации производств вокруг научного ядра, роль которого могут

играть крупный научный центр, конгломерат научно-исследовательских институтов, крупное экспериментальное производство и т.п.

С точки зрения формирования центров развития в регионах интерес представляет вопрос об их месте в стратегии развития каждого конкретного региона. Анализ стратегий регионального развития, разработанных или переработанных к настоящему времени, позволяет сделать выводы о том, что их содержание примерно близкое. Исходной точкой является формулирование конкурентных преимуществ региона, а основным результатом – состав стратегических направлений развития и крупнейшие проекты.

При этом часто конкурентные преимущества обосновываются недостаточно, в частности, в ряде случаев отсутствует сопоставительный анализ. Также во многих разработанных стратегиях отсутствуют количественные оценки возможных затрат и ожидаемых результатов их реализации. На основании подготовленных документов довольно сложно непосредственно перейти к построению программ действия бизнеса и органов власти в различных стратегических направлениях. Включение в стратегические документы проектов и мероприятий по формированию центров развития и рассуждение в терминах элементов ПРС позволяют обеспечить конкретность и детальность стратегии.

Важность интерпретации принципа необходимого разнообразия применительно к современным условиям обусловлена тем обстоятельством, что в настоящий момент в стране возникла ситуация дефицита компетенции в управлении социально-экономическими процессами. Причем эта ситуация двоякая: при, казалось бы, сильной роли государственной власти явно не хватает разнообразия инструментов федерального управления этими процессами. Отсюда возникает задача повышения разнообразия за счет делегирования полномочий по линии федеральный центр – регионы и развития инфраструктуры регулирования социально-экономических процессов, в первую очередь рыночной и информационной. Ос-

новные болевые точки здесь общеизвестны: коррупция, некомпетентность менеджмента, отсутствие следования принципам баланса общественных интересов. Второй аспект проявления закона разнообразия – дефицит компетенции управления для подсистем СЭС, к которым относятся предприятия, объединения, муниципальные образования и субъекты РФ. Последние столкнулись с проблемой «необеспеченных мандатов» и, следовательно, с полным набором проблем, которые не могут решить самостоятельно.

При социализме основной принцип был «не хватает компетенции – обращайся выше», в партком, обком или министерство... Но тогда методы управления были более прямыми, а сейчас возможности директивного регулирования резко сузились. Поэтому в настоящее время потребности во внешнем дополнении за счет перехода на более высокий уровень управления есть, а законодательных или ментальных компетенций у этого «более высокого уровня», как правило, нет. Проблемы, связанные с принятием разумных законов и подзаконных актов, бюджетных решений, с мониторингом исполнения, соблюдения сроков и содержания распоряжений Правительства РФ на всех уровнях и пр., нисколько не смягчились. Иными словами, здесь проявляется все, что входит в понятие неэффективного функционирования аппарата государственного регулирования.

Ситуация абсолютно не новая – развитие методологии программно-целевого планирования в 1970–1980-е гг. было обусловлено как раз этим. Но времена изменились, и возникла необходимость организации развития путем формирования в регионах центров развития на основе использования агломерационных, мультипликативных и прочих системных эффектов, но уже – на новом этапе.

Если разнообразия не хватает на федеральном уровне, то оно может быть расширено за счет передачи части компетенций на региональный уровень, т.е. «сверху вниз», что мы наблюдаем и сейчас. Дефицит разнообразия на уровне муниципалитетов и субъектов

РФ может быть компенсирован и движением в обратном направлении, путем обращения к вышестоящим органам управления, т.е. «снизу вверх». Заметим, что в ходе делегирования федеральных полномочий на региональный уровень происходит формирование *распределенной системы управления*, основными формами деятельности которой являются обеспечение взаимного обмена информацией между регионами, координация отдельных аспектов деятельности. К сожалению, в нашей стране этот процесс не был подкреплен передачей законодательных и финансовых компетенций. Возникли необеспеченные полномочия, которые приводят к появлению и обострению проблем на региональном уровне, в первую очередь связанных с развитием социальной сферы, образования и здравоохранения.

В качестве одного из проявлений закона необходимого разнообразия можно рассматривать процессы формирования кластерных структур, которые приобрели значительный размах в экономиках развитых и развивающихся стран.

Управляемые процессы кластеризации имеют важное значение с точки зрения экономического развития нашей страны из следующих предпосылок. Если рассматривать СЭС страны в целом или отдельно взятый регион, то можно обнаружить наличие большого числа проблем их развития. При этом существование проблем является следствием разрыва между разнообразием объектов управления и множеством управляющих воздействий.

Разнообразие объекта управления можно охарактеризовать числом независимых стратегических параметров (понятие и наиболее полное определение были введены в (Агафонов, 1990)). Разнообразие управления в данном случае будет характеризоваться возможностью и степенью управления значениями этих параметров. Разнообразие поведения хозяйствующих субъектов, являющихся объектами управления – характеристика достаточно стабильная. Набор механизмов управления, в том числе внешнего (государственного), конечен. Из этого следует, что возможности

повышения разнообразия управления за счет внешнего дополнения ограничены, точно так же как повышение разнообразия самой системы управления путем создания новых механизмов. Следовательно, одно из направлений сокращения разрыва между разнообразием множества объектов управления и множеством управляющих воздействий – снижение разнообразия в объектах управления. Это может быть достигнуто за счет объединения объектов управления в группы или подмножества при условии, что разнообразие подсистемы, образованной подмножеством объектов, не увеличивается по сравнению с отдельным объектом. Иными словами, объединение множества отдельных субъектов в группы позволяет органу управления сосредоточить внимание на отдельных группах и их проблемных стратегических параметрах. Но это возможно только в том случае, если существует «проводимость» управляющих воздействий на общегрупповые показатели до отдельных субъектов в составе группы. Это в свою очередь возможно, когда существует групповой орган управления, который способен осуществлять координацию деятельности субъектов внутри группы и трансформировать внешние общегрупповые воздействия в индивидуальные.

Поскольку речь идет о самостоятельных субъектах, то это скорее всего распределенный орган коллективного управления. То есть происходит своего рода делегирование полномочий от органа управления верхнего уровня на более низкий. Но успешность этого делегирования зависит от качества управления на этом более низком уровне. Если на верхнем уровне формулируются целевые значения стратегических параметров, то должна быть уверенность (высокая вероятность), что на более низком уровне будут спроектированы и осуществлены действия, обеспечивающие достижение заданных целевых значений. Данным свойством обладают такие «естественные» группировки, как кластерные системы (КС).

Структура КС в расширительной трактовке, основной механизм функционирования и роль, которую она должна играть в социаль-

но-экономическом развитии, фактически совпадают со структурой центра развития (ЦР). Важное различие состоит в том, что изначально признак территориальной локализации для ЦР не обязателен. Если же ввести понятие территориально локализованной точки роста, то можно сказать, что территориальный ЦР обладает всеми основными свойствами КС. В то же время, как уже говорилось, не каждая КС может играть роль ЦР. Это связано с тем, что наличие конкурентных преимуществ для предприятий, организованных в кластероподобную структуру, очень важно, но недостаточно для выполнения сформулированной выше миссии ЦР. Здесь, по-видимому, можно сказать, что каждый центр развития – кластер, но не каждый кластер – центр развития. Отсюда следует, что для обоснования целесообразности поддержки и стимулирования процессов формирования и развития КС со стороны государства необходимо, чтобы последняя обладала свойствами ЦР.

В ряде работ введено понятие кластерной политики социально-экономического развития. Общим в приводимых понятиях является ориентация на повышение конкурентоспособности групп предприятий и регионов локализации в целом. Например, согласно (Пилипенко, 2008) кластерная политика представляет собой комплекс мероприятий, который может способствовать решению главной задачи – повышению конкурентоспособности российской экономики через развитие конкурентных рынков, повышение инновационности различных отраслей экономики, активизацию взаимодействия между государством, бизнесом и научным сообществом. А. Скок (Скок, 2008) полагает, что кластерная политика правительства должна поддерживать рост существующих или зарождающихся региональных кластеров, а не пытаться создавать совершенно новые. При этом кластерная политика предполагает смещение центра тяжести от отдельных фирм к региональным системам фирм. В работе (Цихан, 2003) высказывается точка зрения, что в рамках кластерного подхода деятельность органов госуправления долж-

на быть направлены на развитие взаимоотношений между предприятиями. Государство при этом не только способствует формированию кластеров, но и само становится участником формируемых сетей.

Большинство стран Европы выработало для себя ту или иную кластерную стратегию. М. Энрайт (Enright, 1996) выделяет четыре типа кластерной политики, которые отличаются друг от друга по роли государства при ее проведении:

- каталитическая кластерная политика, когда правительство играет роль эффективного коммуникатора отношений между субъектами формирования кластера;
- поддерживающая кластерная политика, при которой каталитическая функция государства дополняется мерами по развитию инфраструктуры, образования, социальной среды в регионах локализации кластеров;
- директивная кластерная политика, когда поддерживающая функция государства дополняется программами, нацеленными на стимулирование и поддержку трансформации экономической структуры регионов на основе формирования и развития кластеров;
- интервенционистская кластерная политика, при которой правительство наряду с выполнением своей директивной функции берет на себя большую часть ответственности (принимает главные решения) о дальнейшем развитии кластеров посредством трансфертов, субсидий, ограничений или регулирований, а также осуществляет активный контроль над фирмами, формирующими его специализацию.

При этом отмечается, что чаще реализуется каталитическая и поддерживающая политика. По мнению автора статьи, это связано с тем, что, во-первых, данные формы поддержки менее затратные и предусматривают в основном институциональные мероприятия, во-вторых, в передовых странах более развита институциональная среда, в которой формируются и развиваются латентные КПС. *Для нашей же страны актуален вариант кластерной стратегии, предусматривающий также третью и четвертую формы*

поддержки различных КС, которые на самом деле тесно связаны между собой.

В настоящей статье под кластерной стратегией понимается путь экономического развития страны, предусматривающий активное участие органов управления федерального и регионального уровня в создании ЦР на основе КС, адекватных уровню развития социального и экономического потенциалов регионов и их локализации, отвечающих принципам и критериям модернизационной политики, обеспечивающих достижение важнейших целей и решение актуальных проблем социально-экономического развития территорий, а также обеспечение приоритетов технологического развития. По мнению автора, содержание кластерной стратегии не только в том, чтобы поддерживать процессы кластеризации. Необходимо адекватно использовать эти процессы в качестве инструмента управления решением проблем социально-экономического развития.

Важнейшие вопросы реализации кластерной стратегии, возникающие в ходе ее разработки, следующие:

- определение конкурентоспособных направлений развития экономики, в которых могут быть созданы и развиты КПС на различных территориях;
- определение тех направлений в экономике, технологии и социальной сфере, в которых необходимо формировать и развивать КПС, применительно к решению задач социально-экономического развития страны в целом и конкретного региона;
- выработка критериев, которыми необходимо руководствоваться при определении объема поддержки КПС со стороны государства;
- определение наиболее предпочтительных форм и механизмов поддержки в той или иной проблемной ситуации;
- выработка принципов стратегического планирования и управления формированием и развитием КПС.

Можно сказать, что это имплантация в социально-экономическую систему региональных ЦР, формируемых по принципу

кластерных структур. Если принять сформулированный выше принцип управления модернизационными процессами путем создания проблеморешающих систем или центров социально-экономического развития, роль которых играют кластерные системы, то возникает вопрос: какие их системные свойства представляются наиболее важными с точки зрения выполнения этих функций. Просто создать КС, чтобы было «как у всех», здесь недостаточно. Структура КС поможет исполнять функции *проблеморешающих* систем и в ходе функционирования обеспечивает реализацию системных принципов управления и системных эффектов. Кластерная стратегия является, по сути, альтернативой отраслевому подходу, который воспроизводит ситуацию конкуренции различных отраслей за ограниченные ресурсы, которые впоследствии замыкаются в их рамках, вне связи с сопряженными видами деятельности и без учета особенностей развития различных территорий. При этом не всегда обеспечивается прозрачность распределения ресурсов, в том числе и бюджетных средств, между отдельными отраслями и предприятиями.

Кластерная политика позволяет в известной степени избегать волюнтаристских решений, принимаемых федеральным правительством относительно реализации весьма дорогостоящих проектов с неясной социально-экономической эффективностью, а также стратегий развития отраслей и регионов без обоснования механизмов реализации декларируемых целевых установок. Кластерная стратегия позволяет сформировать комплексный взгляд на государственную политику развития с учетом потенциала роста территорий и размещения экономических субъектов. Более того, основанная на развитии диалога между ключевыми игроками региона, формировании совместного видения общих целей, она снимает ограничения узкого территориального подхода, не позволяющего адекватно оценить взаимосвязи между предприятиями и организациями, расположенными в различных субъектах РФ.

КС как региональные образования обеспечивают вклад в решение проблем развития регионов своей локализации и межрегиональных проблем, а совокупность формируемых КС должна обеспечить вклад в решение важнейших проблем развития для страны в целом в отраслевом и территориальном разрезах. Таким образом, кластерная стратегия вносит вклад в реализацию модернизационного сценария развития на основе максимального использования научно-производственного и образовательного потенциала регионов и тем самым способствует решению такой актуальной задачи, как снижение дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития за счет создания в депрессивных регионах современных эффективных производств в составе КПС. Основным вывод, который может быть сделан: *кластерная стратегия – это системный подход к организации экономического пространства страны.*

В качестве примера рассмотрим следующую ситуацию. Пусть условием государственной поддержки развития КС является ее соответствие критериям точки роста. Принадлежность к центрам развития характеризуется количественными значениями таких стратегических параметров, как: произведенный ВВП, численность занятых, объем налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, объем привлекаемых инвестиций, средний уровень заработной платы, уровень инновационности применяемых технологий и выпускаемой продукции, показатели эффективности использования основных факторов производства. В этом случае коллективный интерес организаций, образующих КС, будет заключаться в достижении требуемых значений интегральных показателей, а деятельность коллективного органа управления КС будет направлена на достижение соответствующих целей. В этом случае формирование КС уменьшает разнообразие СЭС, являющейся объектом управления, в той мере, в какой иерархическая организация системы управления позволяет уменьшить число объектов одновременного управления.

С позиций эволюции форм и методов государственного регулирования социально-экономических процессов стратегия организации центров развития представляет собой проявление спиралей развития, заключающихся в смене доминант в соотношениях демократия – авторитаризм и централизация – децентрализация. Одна восходящая – усиление роли более высоких уровней управления в решении хронических проблем социально-экономического развития, вторая нисходящая – повышение разнообразия «сверху вниз» за счет развития системы делегирования полномочий, наделение подсистем новыми возможностями и компетенциями – законодательными, инструментальными, ресурсными и т.д., т.е. путем повышения потенциала развития управляемых подсистем.

ВЫВОДЫ

Основой формирования стратегии является решение проблем социально-экономического развития региона. Решение проблем основано на расширении разнообразия управления проблемными системами, в частности, путем формирования проблеморешающих систем.

Участие государственных органов управления в формировании ПРС определяется критерием ее принадлежности к потенциальным центрам развития.

Процессы кластеризации могут протекать стихийно или управляемо. Признаком стихийной, или самопроизвольной, интеграции является проявление свойства телеологичности системы (закон спроса и предложения, неформальные институты социальной сферы, наконец процессы научно-технического совершенствования, когда индивидуальное стремление предпринимателей к снижению издержек и повышению конкурентоспособности обуславливает активизацию инновационных процессов).

Расширение разнообразия осуществляется двумя способами: во-первых, за счет внешнего дополнения и формирования проблеморешающей надсистемы, во-вторых, путем делегирования полномочий и компетенций управления на более низкие уровни иерархической структуры проблемной системы.

В соответствии с законом необходимого разнообразия любая разработанная стратегия как документ, помимо целевых показателей, а также общих направлений и способов их достижения, должна содержать описание механизма, обеспечивающего адекватность управляющих воздействий на проблемную систему и системы, генерирующие факторы проблем. В противном случае стратегические декларации «повисают в воздухе». Это положение представляет актуальность с точки зрения разработки региональных стратегий социально-экономического развития, в большинстве которых механизмы реализации прописаны недостаточно.

Благоприятствующие условия для формирования ПРС имеют комплексный характер и присутствуют не в каждом регионе. Поэтому центры развития без предварительного формирования необходимых условий могут быть созданы не везде.

Литература

- Агафонов В.А. Вопросы разработки программы развития горнопромышленного комплекса // Целевые комплексные программы: вопросы разработки, моделирования, использования. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1985.
- Агафонов В.А. Анализ стратегий и разработка комплексных программ. М.: Наука, 1990.
- Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем, 1973. URL: <http://galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm>.
- Бир С. Кибернетика и управление. М.: Радио и связь, 1960.
- Вилкас Э.П., Майминас Е.З. Решения: теория, информация, моделирование. М.: Радио и связь, 1981.
- Зарнадзе А.А. Целостность управления современной экономикой. М.: Транспорт, 2011.
- Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008.
- Клейнер Г.Б., Качалов Р.М., Нагрудная Н.Б. Синтез стратегии кластеров на системно-интеграционной основе // Наука. Инновации. Образование // Вып. «Кластеризация предприятий: состояние и перспективы» / Минобрнауки, РИЭПП, Федеральное агентство по науке и инновациям. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Лейбкунд А.Р., Руднева Е.В., Рудник Б.Л. Проблемы методологии и организации разработки комплексных программ. М.: Наука, 1983.
- Пилипенко И.В. Проведение кластерной политики в России // Приложение 6 к Ежегодному экономическому докладу 2008 г. Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов». URL: http://www.biblio-globus.ru/docs/Annex_6.pdf.
- Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993.
- Скоч А. Международный опыт формирования кластеров // Космополис. 2008. № 2.
- Тамбовцев В.Л. Анализ целей в управлении общественным производством. М.: Экономика, 1982.
- Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Иностранная литература, 1959.
- Enright M. Regional Clusters. Economic Development: A Research Agenda. In: Staber U., Schaefer N., Sharma B. (Eds.) Business Network: Prospects for Regional Development. Berlin: Walter de Gruyter, 1996. P. 190–213.

Рукопись поступила в редакцию 17.09.2014 г.

*ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ПРАКТИКА*

КОНКУРЕНТНЫЕ
ПРЕИМУЩЕСТВА
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ –
БАЗИС ЕЕ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ¹

К.А. Багриновский, А.А. Никонова

В статье исследованы условия устойчивого развития российской экономики на основе трех типов ключевых конкурентных преимуществ: энергетические ресурсы, размеры рынка (внешнего и внутреннего), образовательный уровень рабочей силы. Показаны их возможности и ограничения с учетом национальных особенностей и глобальных трендов. Новые технологии рассматриваются как одно из условий устойчивости. При этом пропагандируется системный подход к реализации имеющегося превосходства на базе гармоничного соединения мощи всех типов преимуществ и других благоприятствующих факторов, в частности, в целях создания современных промышленных структур на востоке страны. *Ключевые слова:* экономическая система, устойчивость, конкурентные преимущества, инновации, новые технологии, конкурентоспособность, энергетические ресурсы, человеческий потенциал.

Современное понимание устойчивости национального хозяйства, включающего и экономику, и социум, предполагает поддержание в долгосрочном периоде непротиворечивого единства четырех условий: 1) социальное благополучие (гармоничное развитие социума); 2) сохранение и улучшение окружающей среды; 3) экономное расходование ре-

---

© Багриновский К.А., Никонова А.А., 2015 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 15-02-00229(а)).

сурсов; 4) передовые изменения в сфере производства, услуг и быта – основа прогресса и залог конкурентоспособности в перспективе. Отсюда вытекают ориентиры национальной стратегии, социально-экономические и научно-технические приоритеты в распределении ресурсов: 1) социальные; 2) экологические; 3) производительные; 4) инновационные. Такие задачи выдвигают определенный набор требований к функционированию ключевых хозяйственных подсистем: экономике, бизнесу, государству и социуму (как потребителю благ и поставщику рабочей силы).

Важным условием устойчивого конкурентоспособного развития является наиболее полное использование значительных ресурсных и интеллектуальных преимуществ, которыми обладает Россия. Препятствия на этом пути связаны с устареванием технологий, недостаточной интенсивностью модернизации промышленности, институциональными дефектами и некоторыми другими проблемами. Такая ситуация вызывает необходимость в определении научно обоснованных подходов к разработке стратегии и механизмов конкурентоспособного развития на базе рационального использования имеющихся конкурентных преимуществ и активизации внутренних инноваций в условиях глобализации.

Как предотвратить превращение ресурсного потенциала страны из мощного конкурентного преимущества России в ее конкурентный недостаток? Какие меры предпринять для прорыва? Ответы на эти вопросы требуют методологического осмысления причин отставания и способов преодоления барьеров.

Фундаментальная наука, в качестве которой привлекается общая теория систем, может дать объяснение еще не исследованным явлениям, предсказать перспективы развития изучаемой системы и подсказать пути управления ими (Берталанфи, 1969). На этой основе нами разрабатывается методология планирования инноваций и управления их реализацией в нестационарных российских условиях (Лившиц В., Лившиц С., 2010). К ним отнесем:

неопределенность и искаженность рыночной среды, высокую концентрацию и монополизацию, особенно в сырьевом комплексе, слабый уровень управления, ведомственную разобщенность, асимметрию информации и компетенций, ориентацию на дружественные связи при распределении активов. Важно определить наилучшие экономические меры и институциональные условия для эффективного использования имеющегося потенциала и обеспечения устойчивого развития в долгосрочном периоде.

Заметим, что далеко не все исследователи рассматривают инновации как средство устойчивости развития экономических объектов и систем в конкурентной среде. В ряде эмпирических исследований не обнаружено стойкого стремления крупных компаний к инновациям для повышения конкурентоспособности (Гончар, Кузнецов, 2008); более того, около 40% из них вообще не тратятся на НИОКР (Гончар, Кузнецов, 2010, с. 116). Действительно, в краткосрочном периоде и на микроуровне конкурентоспособность может быть обеспечена из других источников – преимуществ от размера, экономии от масштаба, конъюнктурных и прочих рыночных факторов, но на мезо- и макроуровне и тем более в долгосрочном периоде роль технологических и интеллектуальных факторов конкурентоспособности возрастает.

В иных исследованиях установлена связь между интенсивностью инновационного поведения бизнеса и ростом административных барьеров, а также коррупционного бремени (Баранов, Долгопятова, 2012). Такие проблемы могут быть решены путем введения соответствующих нормативно-правовых мер.

Большинство исследователей рассматривает инновации как стратегические факторы наращивания устойчивых конкурентных преимуществ фирм и экономики в целом, повышения устойчивости ее звеньев в перспективе за счет нескольких эффектов: роста производительности, монопольной ренты на продукты интеллектуальной собственности, введения современных стандартов, расшире-

ния взаимовыгодных взаимодействий с контрагентами и потребителями, получения доступа на новые рынки и других преимуществ от внедрения передовых технологий (Багриновский, 2009; Багриновский и др., 2003; Бендинов, Фролов, 2008; Варшавский, 2006, 2007; Голиченко, 2011; Макаров, Варшавский, 2001). Разработан экономико-математический аппарат, при помощи которого можно выбрать лучшее решение и оценить влияние использования различных технологий на результативность экономических систем микроуровня (Багриновский, Матюшок, 2009). Однако есть доказательства негативных последствий от так называемых проблемных инноваций, несущих в себе социально-экономическую и экологическую опасность (Варшавский, 2014). Такие эффекты следует прогнозировать особо тщательно. Зачастую они вызваны несбалансированностью инноваций с внешней средой (Там же, с. 99). Исследование целостной общественной системы позволяет максимально комплексно подойти к требованиям ее устойчивости, избежать однобоких стратегических решений. В связи с этим авторы статьи присоединяются к ученым, предостерегающим против технологического детерминизма, утверждающего необходимость технологических изменений во имя социального прогресса. Безоговорочное следование требованиям научно-технического прогресса вне анализа его плюсов и минусов, вне конкретной связи с личностью в итоге ведет к экономике без лиц, способных осуществлять нововведения (Варшавский, 2014, с. 306; Шумпетер, 1982, с. 363).

Актуальность научного обоснования условий гармоничного развития общества предполагает междисциплинарный подход к идентификации способов и направлений использования ресурсов и компетенций в целях каких-либо трансформаций в социально-экономической системе. Именно такой, проблемно ориентированный подход соответствует современным тенденциям научной мысли и созвучен идеям автора. В связи с этим авторы пропагандируют необходимость систем-

ных оценок потенциала развития российской экономики на базе ресурсных и человеческих преимуществ с учетом национальных особенностей, конкретного хозяйственного сектора и вида деятельности.

Целью работы является разработка системной методологии формирования механизмов инновационного развития экономических объектов и систем, а также инструментария реализации инноваций на базе системных принципов управления и системных представлений о магистральных направлениях устойчивого роста российской промышленности, в частности ее топливно-энергетического сектора. В данной статье исследованы внутренние преграды и возможности активизации инноваций на основе трех стратегически значимых конкурентных преимуществ Российской Федерации в контексте особенностей внешнего окружения. Рассмотрим несколько вопросов из выполненного исследования:

- современные вызовы и проблемы конкурентоспособности российской экономики;
- ресурсные возможности экономического роста и развития;
- перспективы инновационного развития России за счет образовательного потенциала и социокультурных источников в рамках современных глобальных трендов;
- условия долгосрочного конкурентоспособного развития российской экономики.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Наращение внутренних проблем национальной экономики (углубление структурных диспропорций, технологическое отставание промышленности, высокая энергоемкость ВВП, неэффективность управления, диспропорции социально-экономического развития регионов и др.) в сочетании с усилением вызовов глобального мира создают реальную угрозу экономической безопасности и

устойчивости страны. В мировой экономике это прежде всего новый курс ЕС и США на энергетическую независимость, интеграция, интенсивные научно-технические и структурные сдвиги и другие факторы:

- возрастающий темп роста производительности в мировой экономике, за исключением кризиса 2008–2009 гг. (Лавровский, Позднякова, 2014);

- сравнительно быстрый выход из кризиса стран ЕС, США, отчасти Японии с положительной динамикой экономического роста;

- создание в рамках антикризисных мероприятий в США и развитых европейских странах существенных заделов для инновационного развития после кризиса;

- сценарии новых энергетических стратегий в ЕС, США и Японии (независимость от поставщиков энергии, вплоть до самообеспечения, с последующим снижением спроса на углеводороды, развитие ВИЭ и технологий добычи сланцевого газа, переход к неуглеродной энергетике (WEO, 2011))²;

- ужесточение экологических требований к продуктам и технологиям, в том числе к выбросам CO₂ (стратегии новой чистой энергетике и промышленности) и к операциям по глубоководной разработке шельфа (после катастрофы в Мексиканском заливе);

- энергосбережение, в том числе путем ужесточения режима энергопотребления, технологических и структурных сдвигов (вынос энергоемких производств из страны);

- энергоэффективный характер экономического роста развитых стран. Энергоемкость ВВП снижалась ежегодно от 1,2% (Япония) до 2,3% (Швеция), для развитых стран в

среднем по 1,5% в 1990–2008 гг. и около 1% – для всего мира (IEA Scoreboard, 2011);

- колебания конъюнктуры международных энергетических рынков, особенно европейских;

- эффекты «сланцевой революции» – ослабление экспортеров газа и переориентация поставок от США на другие рынки, попытки использования подхода для нефтедобычи;

- открытие новых нефтепромыслов и рост конкуренции со стороны экспортеров сырья в Центральной Азии, Восточной Африке, Северной Австралии, Бразилии (шельфы);

- сокращение атомных программ в Европе и Японии, структурные перемены в производстве энергии после атомной аварии на «Фукусиме-1»;

- превращение Арктики в новый макрорегион мировой политики, включенный большинством стран ЕС, АТР и НАТО в сферу хозяйственного и военного планирования (Криворотов, 2013);

- повышение роли интеллектуальных и политических факторов в решении экономических и, в частности, энергетических проблем.

Характерно отношение большинства западных стран к России как крупнейшему поставщику и трансконтинентальному транспортеру энергетических ресурсов: они воспринимают нас как зону повышенных политических и экономических рисков³. Может быть, этим объясняется «разворот» стран Центральной Азии в сторону Китая и к маршрутам доставки углеводородов в Центральную Европу в обход Российской Федерации (Там же, 2013, с. 15).

Внешние вызовы в условиях растущей зависимости российской экономики от экспорта энергоресурсов сужают перспективы устойчивого развития Российской Федерации, заставляют искать новые пути развития. По

² При этом уже в 2013–2014 гг. наметилась явная смена некоторых европейских приоритетов в сторону экономической эффективности доступа к энергии в стратегии использования ресурсов для ее получения, включая ВИЭ (Кавешников Н. Возобновляемая энергетика в ЕС: смена приоритетов. 08.04.2014. РСМД – официальный сайт. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3482&from=may14rus#top).

³ Во всяком случае ведущие международные организации относят Российскую Федерацию по уровню политической стабильности на 112-е место в мире среди 143 стран (INSEAD, 2014, p. 247).

глобальному индексу конкурентоспособности (*GCI*), который регулярно рассчитывается в рамках ВЭФ (*WEF*), Российская Федерация занимает 64-е место среди 148 стран. Мировая динамика выявляет заметное укрепление позиций ведущих стран наряду с возвышением растущих экономик Китая, Южной Кореи, Индонезии, ряда других стран АТР в рейтинге конкурентоспособности и, напротив, отставание России (рис. 1).

Рост экономик АТР (Китай, Южная Корея и др.), формирующих повышенный спрос на ресурсы и новые рынки энергоносителей, означает для России, с одной стороны, расширение зоны неопределенности в позиционировании на международных рынках, а с другой, возможность получить дополнительные преимущества за счет переориентации внешнеэкономической стратегии на Восток.

В целом к основным источникам и факторам конкурентоспособного развития стран эксперты относят три составляющие: 1) базисные ограничения – макроэкономическая среда, инфраструктура, институты, здоровье и начальное образование, которые выступают фундаментальными условиями конкурентоспособности; 2) факторы эффективности –

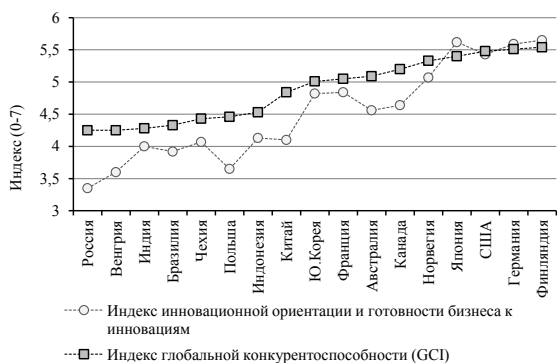

Рис. 1. Уровни конкурентоспособности и инновационного развития России и сравнимых с ней стран мира в 2012 г.

Источники: построено по данным ВЭФ (*WEF*) (The Global Competitiveness Report 2013–2014).

высшее образование и повышение квалификации рабочей силы, эффективность товарного рынка и рынка труда, масштабы рынка, развитость финансовых рынков, технологическая подготовленность к прогрессу – способствуют производительному использованию имеющегося потенциала и преимуществ; 3) потенциал для инноваций и ориентированный на развитие бизнес – ключ к конкурентоспособности на базе научно-технического прогресса. Успех на всех трех направлениях важен для конкурентоспособности экономики. Однако для стран, в частности, избранных экспертами ВЭФ как сходные с Россией по ряду критериев и занимающих верхние позиции в рейтинге конкурентоспособности, характерны заметные провалы по отдельным составляющим общего индекса *GCI*. К примеру, по таким, как: высокие тарифы (Китай), налоги (Япония, Польша), торговые барьеры (Норвегия); чрезмерное давление госрегулирования (Германия, Франция, Южная Корея); неразвитость финансовых рынков (Южная Корея); нестабильность банков (Германия, США); госдолг и отрицательное сальдо бюджета (Япония, США). Понятно, кризис вызвал нестабильность финансовой системы (Германия, США и др.) и рынков труда во многих странах ОЭСР, но тем не менее уровень их конкурентоспособности остается высоким. Дело в том, что лидирующих по уровню конкурентоспособности стран (индекс *GCI* выше 5) объединяет общая черта – значительная развитость инновационного бизнеса и высокая готовность к инновациям (см. рис. 1), в частности, за счет адекватной инновационной среды и создания технологического задела в период кризиса 2008–2009 гг.

Россия обладает такими сильными источниками развития, как мощная топливная и минеральная база и сохраняющийся пока интеллектуальный потенциал. Однако конкурентоспособность снижена в результате значительного отставания в сфере инноваций – как от развитых стран, так и от ряда экономик догоняющего типа. По глобальному индексу инновационного развития (*GII*),

регулярно рассчитываемому Международной школой бизнеса (*INSEAD*), российские позиции в этой сфере отличаются заметной неустойчивостью: 54-е место из 103 стран в 2006 г. (докризисный год); 51-е – в 2011 г., но через год – уже только 62-е; в 2013 г. – 49-е место из 143 стран мира (рис. 2). Проблема – не столько в отставании России по общему уровню инновационного развития, сколько в нестабильных темпах сокращения разрыва – в основном, из-за неэффективной реализации имеющихся возможностей в условиях низкого качества управления и несовершенной институциональной среды. Действительно, соотношение входного индекса (56-е место) и результативного индикатора инноваций (45-е) указывает на наличие потенциала развития.

Современные процессы глобализации, инновационные тренды и другие особенности мирового развития предъявляют определенные требования к внутренней и внешнеэкономической составляющей стратегии Российской Федерации, вызывают необходимость пересмотра ряда ключевых позиций в направлениях стратегии и механизмах конкурентоспособности Российской Федерации для того, чтобы привести их в соответствие с внешними вызовами и внутренними факторами развития социально-экономической системы.

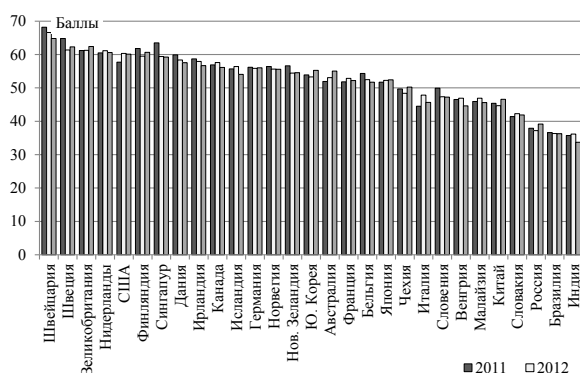

Рис. 2. Индекс инновационного развития (*GII*) в странах мира в 2011–2013 гг.

Источники: построено по данным (*INSEAD*, 2012, р. 8; 2013, р. 10; 2014, р. 14–15).

В силу ряда национальных особенностей применяемые подходы не могут быть одинаковы. Успешный зарубежный опыт создания новой «чистой» и эффективной энергетики (к примеру, в таких странах с сопоставимыми климатическими условиями, как Дания, Норвегия, Швеция) не может быть перенесен на российскую почву без тщательной адаптации. Тем не менее стоит выявить и реализовать в России некоторые принципиальные условия конкурентоспособности и успешного продвижения инноваций.

Как выявил анализ, общие для большинства стран-лидеров условия и факторы успехов в технологическом развитии именно такие, каких не достает России:

- высокое качество управления;
- правильные мотивации;
- совершенство инфраструктуры, институциональной и экономической среды;
- тесные взаимодействия ключевых игроков;
- существенная роль управляющей системы;
- активность бизнеса, восприимчивого к нововведениям;
- наращивание интеллектуального потенциала;
- неуклонное повышение уровня развития человека.

Задача – в том, чтобы нацелить российские стратегии модернизации экономики на создание необходимых условий и соответствующих организационно-экономических механизмов поддержки стратегических решений.

Новые требования, в частности, касаются энергетической стратегии Российской Федерации и вектора развития российской энергетики в целом, поскольку ТЭК является системообразующим элементом и стержнем национального хозяйства страны, концентрирующим ресурсные преимущества и существенно определяющим конкурентоспособность экономики. Действительно, доля ТЭК составляет 30% ВВП, более 70% экспорта и половины федерального бюджета. В силу системообразующей роли ТЭК и глубокой

включенности в мировую энергетику анализ современного состояния и факторов развития российской энергетики наиболее ярко высвечивает качество использования ресурсного превосходства России и истоки препятствий активным инновациям. Качественные и количественные оценки имеющегося потенциала и барьеров на пути к инновационной энергетике предназначены для выбора эффективных способов роста конкурентоспособности страны.

ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ

Внутренняя ситуация в России характеризуется накоплением серьезных социально-экономических и инфраструктурных препятствий устойчивого развития и укрепления позиций в международном обмене:

- глубина кризисного спада, переходящего в стагнацию, а сегодня – скорее в рецессию;
- замедление экономического роста после кризиса, обусловленное не столько внешними, сколько внутренними факторами;
- торможение роста производительности труда и энергетической эффективности;
- утяжеленная структура экономики с преобладанием энергоемкого сектора, где почти $\frac{3}{4}$ энергоресурсов потребляется внутри энергетического комплекса (ЭС-2030, 2009);
- экономические угрозы в связи с колебаниями энергетических рынков, а также из-за сложности контроля энергетической инфраструктуры на территории сопредельных стран. Самый опасный элемент транзита – через Украину (Путин, 2014);
- рост сырьевой зависимости национального хозяйства, в том числе бюджета, от экспорта энергоресурсов;
- углубление технологического отставания России от уровня развитых стран;
- критическая необходимость замены изношенных фондов и модернизации производственной, энергетической, транспортной, социальной инфраструктуры;

- инвестиционный дисбаланс (перекос в сторону нефтегазового сектора и экспортных проектов в условиях недофинансирования инфраструктуры и социального сектора);
- рост капиталоемкости добычи и переработки основных видов полезных ископаемых⁴;
- рост цен на энергию для конечных потребителей как следствие повышения капиталоемкости в условиях высокой монополизации в энергетическом секторе;
- в краткосрочной перспективе – возможное замедление темпов роста внутреннего потребительского спроса;
- углубление различий интересов ключевых игроков и подходов к эксплуатации недр;
- рост социальных обязательств государства и требований обеспечения национальной безопасности;
- необходимость устранения наиболее вопиющих разрывов в уровне жизни между отдельными группами населения и регионами (Порфирьев и др., 2014);
- отставание инфраструктурного строительства, тормозящее технологическое развитие и социально-экономическое выравнивание территорий;
- отставание подготовки квалифицированных кадров от технологических сдвигов.

---

⁴ Капиталоемкость в нефтегазохимии превышает уровень ЕС в 1,2–1,6 раза (ЭС-2035, 2014, с. 126). Себестоимость российской добычи нефти на действующих месторождениях от 2 раз (Западная Сибирь) до 5 раз (Восточная Сибирь) выше ближневосточной плюс транспортная составляющая, в России она почти вдвое превышает себестоимость добычи (<http://www.csef.ru/index.php/ru/ekonomika-i-finansy/project/-/-?id=72>). По данным федеральной статистики, за 2005–2013 гг. себестоимость добычи нефти в России выросла почти в 3,3 раза; более того, себестоимость поставок на внутренний рынок (<http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=37156>). Себестоимость на труднодоступных участках морского шельфа может оказаться еще выше в несколько раз.

Наилучшие относительные значения показателя производительности в России фактически относятся к советскому периоду. Уровень 1990 г. восстановлен только приблизительно к 2005 г. При этом отставание растет: в 1990 г. производительность труда в России была примерно в 2,5 раза ниже, чем в США, в 2010 г. – в 3 раза. Растущие азиатские экономики, напротив, догоняют Россию: за 20-летний период отставание Индии от России сократилось примерно вдвое, Китая – в 5 раз (Лавровский, Позднякова, 2014). По данным Росстата, в 2009–2012 гг. производительность труда в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды ежегодно снижалась.

Отличительной чертой современного периода является отставание в качественных характеристиках состояния и динамики национального хозяйства – как от развитых стран мира, так и от рубежей, намеченных правительственными программами. Проблемы требуют научного анализа факторов конкурентоспособности и системных хозяйственных решений с учетом внутренних и внешних вызовов.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ БАРЬЕРОВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ И УПРАВЛЕНИЮ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

Для устойчивого развития целостной общественной системы, которая в данном случае рассматривается как национальное хозяйство, требуется исполнение определенных общественно необходимых функций со стороны каждой из его подсистем (Клейнер, 2011, 2013). При этом каждое требование реализуется под влиянием множества факторов, которые специфичны для той или иной национальной системы и включают как позитивные, так и негативные воздействия на устойчивость системы и ее отдельных звеньев. Представление спектра факторов и условий в виде пирами-

дальной структуры из нескольких подсистем общества, как предложено в работах (Клейнер, 2008а, 2008б), помогает послойно выявить возможности и ограничения устойчивого развития исследуемой социально-экономической системы и для каждого агента подобрать научно обоснованные способы регулирования, в частности, с учетом различий инерции внутренних подсистем. Свойство разной скорости реакции подсистем представляется весьма существенным феноменом, важным для выбора управляющих воздействий и эффективного использования источников конкурентоспособности системы и ее звеньев в кратко- и долгосрочном периодах.

Непротиворечивость требований устойчивости при условии наилучшей реализации благоприятствующих факторов близка понятию оптимальности по Парето. Наиболее полное достижение одной из подцелей устойчивого развития системы не должно ухудшать реализацию других подцелей, это же верно и для более детальной структуры подцелей в рамках каждой из четырех групп условий устойчивости. К примеру, рост образовательного уровня не может происходить в ущерб качеству дошкольного воспитания или услуг в сфере здравоохранения. Производительность труда не может достигаться за счет относительного снижения оплаты. Повышение отдачи ресурсов не может идти путем экономии на природоохранной политике или компенсации ущерба от их эксплуатации. Преимущественное использование экстенсивных ресурсных факторов повышает нагрузку на экологию и снижает устойчивость экосистемы. Экономия на условиях жизнедеятельности снижает качество человеческого потенциала.

Учитывая системный характер проблем, для разработки механизмов устойчивого развития национальной экономики на основе базисных конкурентных преимуществ и нахождения путей перехода к инновационному сценарию используются фундаментальные постулаты общей теории систем: 1) существенное влияние на развитие объекта внутренних его особенностей, внешних условий, связей

и взаимодействий, а также их изменчивости; 2) значимость информации для оценки потенциала ситуации и принятия решений; 3) целенаправленный характер движения объектов управления, предполагающий различие их интересов; 4) принцип необходимого разнообразия (требование к сложности системы управления – не ниже сложности объекта управления); 5) способность управления поддерживать гомеостатичность управляемых объекта или системы; 6) возможность синергетического эффекта. С этих позиций методология включает: а) системный анализ объекта и среды функционирования в динамике; б) синтез полученных оценок в форме организационно-экономических механизмов регулирования.

Исследование конкурентных преимуществ Российской Федерации выполнено с применением положений системной теории в рамках семи подсистем, выделенных Г.Б. Клейнером в системно-интеграционной теории стратегического планирования и управления экономическими системами (Клейнер, 2008а, 2008б), развиваемой им на базе идей системной парадигмы Я. Корнаи (Корнаи, 2002): 1) менталитет, мышление – самая малоподвижная подсистема, склад мышления, восприимчивость новшеств, склонность к инновациям слабо поддаются изменениям; 2) культурная подсистема включает мотивации, ценности, интересы, духовность, гражданственность, эта подсистема формирует гуманитарную среду для создания, трансфера и диффузии инноваций; 3) институциональная подсистема отражает привычки и интересы акторов в нормах, правилах, прочих установлениях, обеспечивает нормативно-правовое сопровождение инноваций; 4) когнитивная подсистема формирует научно-технологическую и информационную среду инновационной деятельности, создает научно-образовательный, интеллектуальный потенциал; 5) технико-экономическое обеспечение инноваций включает технико-технологический, ресурсный, организационный потенциал; 6) имитационная подсистема определяет возможность заимствования и применения импортируемых внешних образцов;

7) история – эволюция, преемственность, собственный опыт – скорее и легче всего меняются под воздействием тех или иных факторов.

Реалистичные оценки состояния и динамики каждой подсистемы дают научное обоснование возможностей и барьеров устойчивого развития на всех уровнях иерархии. Такой подход позволяет адекватно ответить на внешние и внутренние вызовы, указанные выше, поскольку наиболее полно выявляет коренные преимущества и недостатки в глобальном контексте и в рамках всех ключевых подсистем национального хозяйства, учитывает различие их инерционности и взаимосвязи с внешним окружением.

Результаты изучения каждой из подсистем определяют позитивные и негативные условия и факторы развития, в строгом соответствии с которыми надо строить стратегию развития экономики на всех уровнях иерархии и целенаправленно выбирать подходящие управляющие воздействия. Вызовы и тренды глобального мира усиливают неопределенность будущего, их надо учитывать при разработке национальной стратегии и хозяйственной политики. Ключевые современные приметы мировой системы включают:

- возрастание значимости качественных факторов экономического роста, в частности интеллектуальной составляющей, человеческих способностей и компетенций;
- обострение ресурсных проблем в связи с кардинальными технологическими сдвигами;
- консервативный порядок распределения в глобальной системе и внутри хозяйств, выравнивание уровней социально-экономического развития стран, включая АТР (Цибульский, 2013);
- рост экологической нагрузки на экономику, вызывающий техногенные, экономические и социальные риски и предопределяющий качественно новые подходы к стратегии развития мировой системы и отдельных стран.

Интеллектуальные преимущества и компетенции представляются большинству экспертов важнейшими вызовами глобально-

го мира, заметно определяющими позиции экономических единиц в соревновании умов, ресурсов, капиталов. Однако эти факторы почти не поддаются формализации, их анализ требует специальных критериев и качественных оценок. Вторая и третья группы ограничений также не могут быть описаны при помощи монетарных измерителей, которые фактически упрощают задачу управленцам, но ведут к выбору абсурдных вариантов решения проблем. Для этого более всего предпочтительны материальные показатели «в силу того, что (они) соотносятся с окружающим миром непосредственно» (Там же, с. 4). С этих позиций будем исследовать источники конкурентоспособности как потенциал устойчивого развития экономики.

В целях анализа резервов конкурентоспособности в специфичных для России сферах рассмотрим более подробно три подсистемы – ресурсно-технологическую, когнитивную и социокультурную, которые непосредственно связаны с созданием и использованием конкурентных преимуществ. Институциональная подсистема составляет для России одно из узких мест, чрезвычайно значимое препятствие и фактор сдерживания эффективной реализации имеющегося превосходства, однако это требует специального изучения, не вмещающегося в рамки одной статьи наряду с обозначенными вопросами⁵.

⁵ Обзор институциональных проблем российской экономики дан в работах (Никонова, 2011, 2013).

ИСТОЧНИКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Условия устойчивости могут быть реализованы разными способами: конкурентные преимущества национального хозяйства в их основе предопределяют специфичность стратегии развития и особенности участия в международном разделении труда. В качестве базисных источников конкурентоспособности российской экономики эксперты называют три вида конкурентных преимуществ: 1) минеральные ресурсы (включая топливно-энергетические); 2) размеры рынков (внутреннего и внешнего, экспортного); 3) образовательный уровень рабочей силы (The Russia Competitiveness Report, 2011). Обратим внимание на то, что требования устойчивости социально-экономической системы, о которых шла речь выше, непосредственно связаны с качеством использования всех трех источников (рис. 3).

1. Внушительная доля России в запасах энергетического сырья и его добыче предоставляет практически неограниченные возможности для роста экономики, внедрения самого широкого спектра прорывных конкурентоспособных технологий (включая энергозатратные), создания передовой промышленности, повышения качества жизни. По добыче нефти и газа Россия занимает второе место в мире, при этом в динамике ее доля снижается

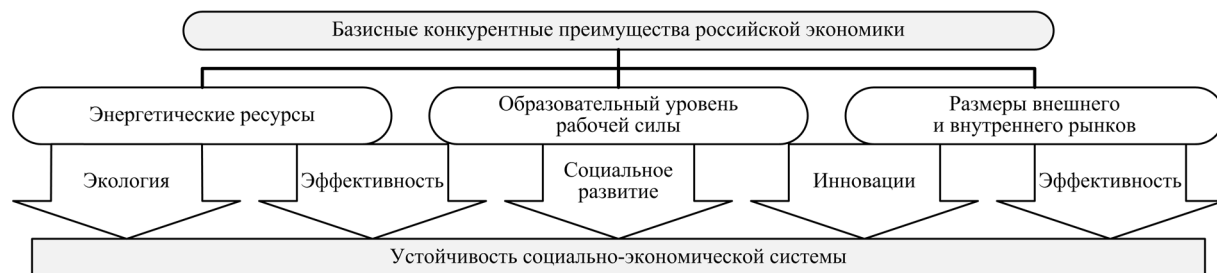

Рис. 3. Базисные источники конкурентоспособности российской экономики как факторы устойчивости социально-экономической системы

(рис. 4), а это основные статьи энергоэкспорта страны. Повышение веса России в добыче урана было стимулировано ростом экспортных цен.

В результате «сланцевой революции» Россия перестала лидировать в добыче газа, хотя ее доля в мировом производстве остается высокой – 19,1%. При этом доля Рстраны в мировой добыче угля стабильна – 45%. Двукратное различие удельного веса России в мировом производстве сырой нефти и нефтепродуктов указывает на малую долю продуктов высокой степени передела и низкий вклад перерабатывающей промышленности в экономику, неадекватной потенциалу (рис. 5).

Проблема также в том, что, несмотря на значительную долю Российской Федерации в мировом производстве первичной энергии, запасы углеводородов невозобновляемы. Высокая зависимость от мировых цен придает неустойчивость ресурсным источникам конкурентоспособности. Прежде всего это относится к нефти, доля которой в нефтегазовых доходах составляет 7:1, или 191–194 млрд долл. дохода в год (Путин, 2014). Однако наращивание добычи проблематично: крупные месторождения выработаны на 60% (ЭС-2030, 2009), новые находят, но они мелкие, а

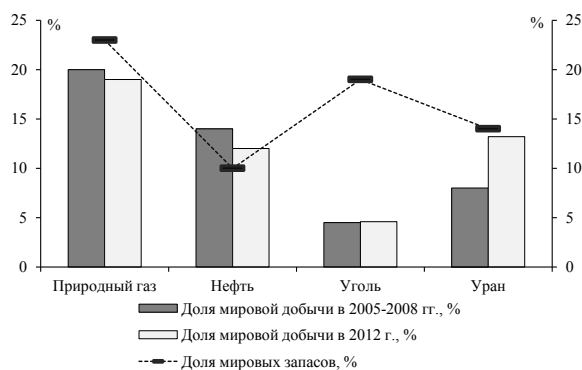

Рис. 4. Доля России в мировых запасах и добыче топливно-энергетических ресурсов

Источники: построено по данным (Росстат, 2014; ЭС-2020, 2003; ЭС-2030, 2009; ЭС-2035, 2014).

глубоководная добыча пока низкорентабельная, экологически не безопасна и в России технологически не отработана. Рост внутренних издержек на энергию в паре с нестабильностью экспортных источников наполнения большей части бюджета умножает угрозы энергетической и экономической безопасности и существенно ограничивает конкурентоспособность страны. В долгосрочном периоде особенно опасно сочетание двух факторов – роста сырьевой зависимости страны и энергетической неэффективности (энергоёмкость ВВП в 2–3 раза выше, чем в ОЭСР).

2. Значительные размеры внутреннего рынка Российской Федерации в сегодняшних условиях спада отечественной промышленности и отсутствия внутреннего инновационного спроса способствуют усилению скорее азиатских, чем российских, производителей в силу большей конкурентоспособности азиатских товаров. К тому же условия конкурентной среды не располагают проявлять инвестиционную активность. В мае 2014 г. рейтинг Р&С для России снижен до предельно допустимого для кредитования уровня. В рейтинге Всемирного банка Doing Business 2014 Россия занимает 92-е место в мире. В частности, неразвитость внутренней конкуренции существенно

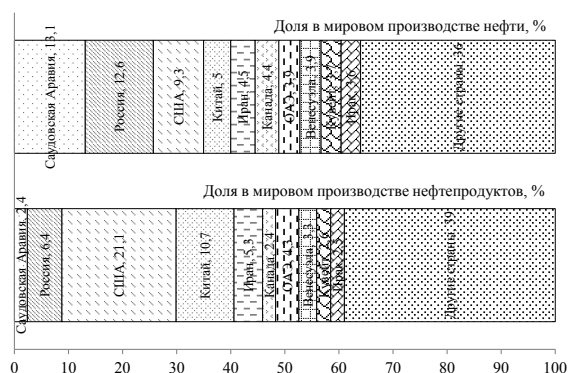

Рис. 5. Удельный вес ведущих производителей нефти и нефтепродуктов в мире в 2012 г.

Источники: построено по данным МЭА (IEA) (Key World Energy Statistics, 2013, p. 11, 21).

сдерживает предпринимательские инициативы в России: 113-е место в мире; антимонопольное законодательство почти не эффективно: 116-е место (WB, Doing Business, 2014). В экспертном опросе выявлено несколько препятствий для конкурентоспособности российского бизнеса (см. таблицу).

После кризиса негативное влияние 1-, 7-, 8-, 9-, 10- и 14-го факторов усилилось, а ряд преград продолжал препятствовать конкурентоспособности так же, как и семь лет назад. Как видно из таблицы, финансовые ограничения стали для предпринимателей меньшей проблемой – в противоположность институциональным барьерам развития бизнеса: 125-е место – по уровню влияния налогообложения на активность инвесторов (The Global Competitiveness Report, 2013–2014, p. 327).

Внешние, экспортные рынки России не столь стабильны из-за мировых вызовов, обострившихся еще более на западном направлении в связи с приоритетами чистых зеленых технологий, стратегиями энергосбережения и энергетической независимости, ужесточени-

ем экологических требований, санкциями по поводу украинских событий.

Движение России на восток сдерживают логистические, инфраструктурные и другие барьеры. Вместе с этим 21 мая 2014 г. здесь произошел заметный сдвиг в результате завершения десятилетних переговоров с Китаем и заключения контракта «Газпрома» с CNPG на 400 млрд долл. на 30 лет на поставку газа в объеме 38 млрд м³ в год (РБК daily, 2014. № 90 (1865), с. 1, 10). Несмотря на более низкую экспортную цену, чем в западных поставках, китайский вектор российской внешнеэкономической экспансии компенсирует России некоторое ограничение европейского рынка в связи с газовыми санкциями и способствует росту ее конкурентоспособности за счет ряда факторов. В частности, позитивное влияние на устойчивость российской экономики связано с долгосрочными условиями контракта и потенциальной возможностью подъема промышленности и инфраструктуры на востоке страны – как в энергетическом сегменте, так и связанных с ним отраслях: строительства, транспорта, трубопрокатного производства,

Факторы сдерживания конкурентоспособности бизнеса в России до и после кризиса (ответы респондентов, %)

№ п/п	Фактор	2005–2006 гг.	2010–2011 гг.	2012–2013 гг.
1	Коррупция	16	21,2	19,1
2	Доступ к финансированию	12	15,5	9,2
3	Налоговое регулирование	14	11,4	10,7
4	Криминал, преступность	5	9,4	4,3
5	Инфляция	8,5	8,5	7,1
6	Неэффективная государственная бюрократия	12,5	8,4	9,8
7	Уровень налогов	7,5	7,5	13,0
8	Низкая квалификация рабочей силы	6	4,9	6,6
9	Неэтичность национальной рабочей силы	2	3,2	4,2
10	Недостаточность инфраструктуры	4	3	4,5
11	Политическая нестабильность	6,5	2,3	1,8
12	Валютное регулирование	2	1,4	0,8
13	Нестабильность правительства	2	1,4	1,6
14	Ограничительное трудовое регулирование	1,5	1,0	2,3
15	Нездоровое общество	н.д.	0,8	0,9

Источники: составлено по данным ВЭФ (WEF) (The Russia Competitiveness Report 2011; The Global Competitiveness Report 2013–2014).

химии, газо-нефтеперерабатывающих и других видов деятельности.

3. Что касается третьего преимущества России, образовательного уровня рабочей силы, мы действительно намного опережаем другие страны по удельному весу населения с высшим образованием – 53%; ОЭСР в целом – 32%; Канада – 51% в 2011 г. (рис. 6).

По числу исследователей на душу населения Россия всегда занимала вполне достойные места (рис. 7). Тогда почему же нет ожидаемой отдачи интеллектуального капитала, и позиции Российской Федерации в инновационном развитии неуклонно снижаются? Дело в том, что, во-первых, качество системы образования снизилось⁶, это вызвало ухудшение качества самого образования – не только ниже уровня развитых стран, но и средневропейского: 51-е место среди 122 стран (The Human Capital Report, 2013, р. 435). Во-вторых, зреет значительный разрыв в создании изобретений и их коммерци-

⁶ По разным оценкам, по этому показателю Российская Федерация занимает 72-е место из 122 стран (The Human Capital Report, 2013, р. 436) или 85-е место из 148 стран (Global Competitiveness Report, 2014, р. 327).

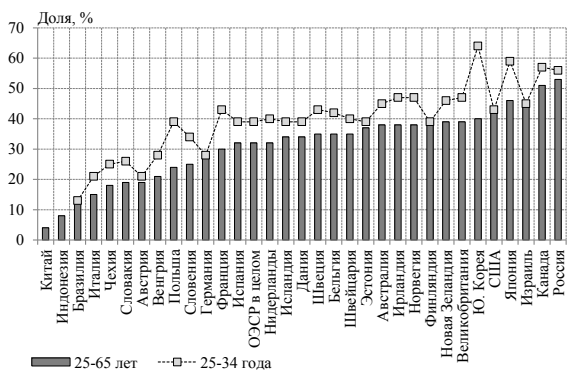

Рис. 6. Доля населения двух возрастных групп (25–65 лет и 25–34 года) с высшим образованием в странах мира в 2011 г.

Источник: построено по данным ОЭСР (OECD, 2013, р. 37–39).

ализации. Это объясняется рядом причин, одна из важнейших – разрушение прикладной науки за годы реформ, ослабление взаимодействий научной сферы и реального сектора.

В результате реформ и недостатка мотиваций происходит отток научных кадров из исследовательского сектора. В отличие от почти всех стран мира, где наблюдается положительная динамика роста удельного числа исследователей, Россия – единственная страна, где число исследователей на 10 тыс. человек занятых сократилось на четверть (см. рис. 7). По способности привлекать таланты страна находится на 78-м месте, по способности находить квалифицированную рабочую силу – на 102-м (Ibid., р. 437). Следующая причина – в низком уровне управления, включая квалификацию соответствующего персонала в сфере менеджмента и маркетинга: по качеству школ менеджмента Россия занимает 98-е место; США – соответственно, 24-е и 12-е места (Ibid., р. 436, 520).

Таким образом, факторы дестабилизации российской экономики, неэффективность экономики, низкая производительность труда (вдвое ниже, чем в ОЭСР) обусловлены системными проблемами в использовании ресурсных и человеческих преимуществ. Прежде

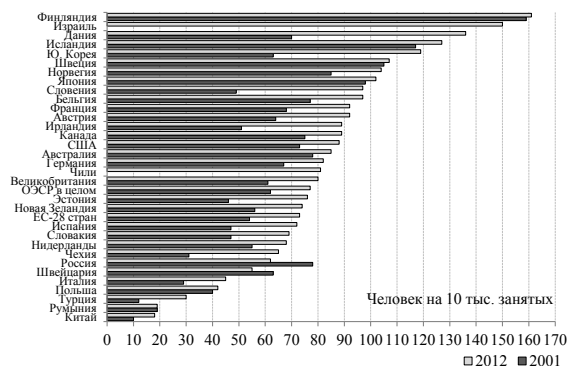

Рис. 7. Число исследователей на 10 тыс. занятых в странах мира в 2001–2012 гг.

Источник: построено по данным ОЭСР (OECD, 2014).

всего это дефекты управления, нормативно-правовой среды и распределительной системы, недостаток мотиваций, ориентирующих не на развитие, а на получение рентных доходов от эксплуатации национальных богатств на основе сырьевой модели и выпуска продуктов с низкой добавленной стоимостью. По причинам экономического, институционального и социокультурного характера компании не участвуют в целостной цепочке создания стоимости, а ограничиваются поставками сырых продуктов за рубеж, т.е. *минуют звенья материализации и коммерциализации знаний*.

Исследование таких причин является крайне актуальной задачей. Ее решение даст руководство к принятию действенных мер по преодолению отставания на строго научной основе, адекватной объекту исследования и задачам устойчивости экономики – на базе системного подхода к анализу свойств экономических объектов и среды их функционирования с учетом внутривосточных особенностей и динамики внешнего мира.

МОДЕЛЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННО ОРИЕНТИРОВАННОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА

Условия и перспективы конкурентоспособности экономики и ее звеньев целиком зависят от умения распоряжаться имеющимися преимуществами. С одной стороны, образовательный потенциал постепенно теряет былое качество, с другой, достигнуты пределы в эксплуатации углеводородной базы по сырьевому сценарию развития, с третьей стороны, фокусирование энергетической стратегии на восточном направлении позволяет воспользоваться преимуществами от взаимодействий с растущими экономиками АТР в плане трансфера и диффузии новейших технологий. Необходимость качественного изменения подходов

к реализации интеллектуального и ресурсного потенциала признают ученые и руководство страны (Бушуев, Громов, 2012; Путин, 2012).

Закономерно, что сырьевая модель экономики не может обеспечить востребованность человеческого потенциала в полной мере его современных интеллектуальных качеств. В связи с этим следует не ориентироваться на безграничность природных запасов, а выбирать адекватные ситуации способы рационального распределения ресурсов – соединить геополитическое превосходство с мощью экспортного потенциала, энергетических и человеческих ресурсов, в частности в форме интеллектуальных инноваций и ускоренной модернизации ТЭК на передовой основе. Уникальное сочетание – образованная рабочая сила, способность россиян к нестандартным творческим решениям плюс неосвоенные рынки, географически выгодное местоположение страны и запасы разнообразных ископаемых – создает предпосылки для формирования современных территориально-промышленных комплексов нового типа.

Современный кризис стал сигналом смены вектора развития мировой системы – от *энергетической экономики к экономике нового типа, основанной на экономике всех видов ресурсов*. Глобальные структурные сдвиги в связи с переходом к новому укладу и технологиям с энергоемкостью на порядок ниже сегодняшней определяют новые тренды и требуют значительных вложений финансовых ресурсов и интеллектуальных сил в соответствующие области науки, производства, исследовательской деятельности и подготовки кадров. Создание новой энергетики представляется базисом устойчивого и конкурентоспособного развития России и инфраструктурным каркасом национального хозяйства. Учитывая специфику сырьевой российской экономики и значительную роль ТЭК, инновационная трансформация всей энергетической отрасли может дать импульс технологическому и структурному обновлению целостной социально-экономической системы при условии системного подхода к механизмам акти-

визации нововведений и согласованного взаимодействия всех участников. Одновременно нужно создавать соответствующий платежеспособный инновационный спрос.

Таким образом, есть все предпосылки для организации нефтегазового и перерабатывающего инновационно ориентированного кластера. Его развитие, с одной стороны, будет опираться на ресурсные источники конкурентоспособности, человеческие факторы и возможности масштабного экспорта, включая налаженные связи и коммуникации, с другой – благодаря прямым и косвенным эффектам способствовать комплексному развитию территорий добычи и переработки энергоресурсов, подъему высокотехнологичной промышленности и связанных с ТЭК организаций, входящих в состав кластера: машиностроения, металлоконструкций, химии, стройматериалов и строительства, транспор-

та, логистики, науки и образования (рис. 8). Территориально-промышленный комплекс ориентирован на экономически эффективную и выгодную для экономики и ее звеньев реализацию научно-технических задач.

В России видится как минимум три потенциальные зоны для развития таких структур: 1) Заполярье (Арктика), где сосредоточено, по ряду оценок, $\frac{2}{3}$ имеющихся на российском шельфе ресурсов и $\frac{1}{4}$ всех энергоресурсов планеты (Фадеев, 2014); 2) Дальний Восток и 3) Восточная Сибирь, где сконцентрированы значительные нефтегазовые запасы страны, а территориальная близость к быстро растущим экономикам АТР создает условия для получения новейших технологий взамен энергоресурсов, столь необходимых растущим азиатским экономикам (Лихачев, 2012).

Ожидаемые потенциальные эффекты расширения экспортных рынков в Китае дают

Рис. 8. Модель инновационно ориентированного энергетического кластера

России дополнительное преимущество для межхозяйственных взаимодействий на уровне крупного и мелкого бизнеса в процессе реализации нового масштабного контракта «Газпрома» с CNPG. Строительство газопровода «Сила Сибири» и сервисной инфраструктуры – шаг к формированию нового кластера в зоне АТР с привлечением отечественных поставщиков материалов, оборудования, строительных конструкций.

Для реализации модели инновационной энергетики требуются институциональные и организационно-экономические меры: прежде всего изменение порядка распределения доходов, стимулирующие меры по восстановлению энергетического машиностроения, которое может и должно снабдить переоснащение энергетических объектов передовым отечественным оборудованием, как это предусмотрено в проекте новой энергетической стратегии России на период до 2035 г.

Условие эффективной реализации конкурентных преимуществ России – сведение к минимуму вывода из страны полученных нефтегазовых доходов (за вычетом налогов в федеральный бюджет) и первоочередное инвестирование их в пределах кластерной структуры. Ресурсно-инновационный подход предполагает вкладывать вырученные от добычи углеводородов средства в повышение степени переработки, совершенствование технологического уровня добычи и генерации, человеческое развитие как платформу перспективной конкурентоспособности отрасли и страны в будущем.

Для интеллектуальной поддержки структурных сдвигов нужны качественные улучшения в прикладной науке и профессиональной подготовке кадров, прежде всего инженерных, управленческих и естественно-научных специальностей с междисциплинарным уклоном – на основе целевого финансирования соответствующих направлений исследований и учебных курсов. Необходимость упреждающих мероприятий в когнитивно-информационной, социокультурной и, более всего, в ментальной подсистеме обусловлена инерционностью реакций на воздей-

ствия в этой сфере. Опережающие меры также важны в инфраструктурном обеспечении, во-первых, в сфере энергетического транспорта и логистики для снижения рисков транзитных поставок; во-вторых, в необжитых районах Севера, Дальнего Востока и Восточной Сибири, где неблагоприятные условия добычи, доставки существенно увеличивают себестоимость получения продуктов. Есть и другие экономические, нормативно-правовые, экологические условия и ограничения в создании и развитии кластера, которые требуют специального обоснования с учетом отраслевой и территориальной специфики (Ерзкян, Агафонов, 2011).

Качество управления и использования имеющихся ресурсных и интеллектуальных преимуществ и компетенций на всех уровнях экономической иерархии играет решающую роль в конкурентоспособном развитии экономики и отдельных звеньев. В связи с этим выбор управляющих воздействий должен быть основан на синтетическом представлении результатов качественной и количественной оценки причин отставания и потенциала развития и разработке на этой основе механизмов преодоления провалов и максимально полного использования конкурентных преимуществ в соответствии с внутренними и внешними факторами и условиями, выявленными по итогам системного анализа семи указанных выше подсистем. Кибернетические принципы прямых и обратных связей помогут целенаправленно выбрать наиболее результативные воздействия. Апробирован соответствующий математический аппарат поддержки управленческих решений (Багриновский, 1973; Багриновский, Бусыгин, 1980). Механизмы целеполагания на базе результатов диагностического анализа внутренних проблем представляются важнейшим исходным пунктом стратегического планирования и управления (Агафонов, 2006).

Системный подход к реализации исследованных выше конкурентных преимуществ выдвигает несколько требований к трансформации управляющей подсистемы, объектов управления и среды их функционирования с учетом национальных особенностей.

Объект управления

1. Массовая промышленная модернизация, обновление оборудования, сетей и технологий; создание современной инфраструктуры и логистики, особенно в районах концентрации энергоресурсов, с использованием современных разработок («умных сетей», сверхпроводящих линий и др.).

2. Внедрение высокопроизводительных и чистых технологий генерации энергии.

3. Создание квалифицированных рабочих мест в высокотехнологичном энергетическом производстве и смежных видах деятельности.

4. Сохранение окружающей среды на основе внедрения безотходных, эффективных и безопасных технологий добычи и переработки сырья, получения и транспортировки энергоресурсов и энергии.

5. Комплексное – социально-экономическое и опережающее – инфраструктурное развитие территорий, прилегающих к местам добычи и переработки углеводородов.

Институциональная среда

1. Модификация распределения доходов с позиций устойчивого развития целостной социально-экономической системы (Зарнадзе, 2011, 2012; Лившиц В., Лившиц С., 2010).

2. Концентрация доходов в центрах создания новых технологий.

3. Создание сбалансированных механизмов стимулирования и компенсации корпоративных затрат на НИОКР и инновации.

4. Кардинальные меры по реорганизации системы финансирования и экспертизы инновационных проектов, повышение ответственности за расходы бюджетных средств.

5. Регулирование законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

6. Повышение эффективности работы правительственного аппарата, прежде всего путем улучшения системы подготовки специализированных кадров и применения конкурсной системы их выдвижения и отбора.

Когнитивно-информационная среда

1. Создание подходящих условий для вовлечения всех игроков в реализацию полного и единого цикла инновационной цепи с организацией прямых и обратных связей по контуру: «образование – наука – прикладная наука – бизнес – потребительский сектор» (Иванов, 2012).

2. Магистральные направления управляющих воздействий в сфере активизации создания и распространения инноваций: а) воспитание и образование, соответствующие требованиям междисциплинарности исследований и управленческих подходов в новой экономике; б) научно-исследовательская деятельность: приоритеты неуклонного приращения знаний (фундаментальная наука), многообразие источников финансирования НИОКР, прорывные технологии (прикладная наука, коммерциализация изобретений); в) трансфер и диффузия передовых технологий в реальный сектор; г) формирование принципиально новых отношений кооперации, лояльности, заинтересованности и ответственности между агентами, отвечающими за науку, образование и технологии.

3. Информационное обеспечение научно-образовательной и инновационной деятельности: расширение доступа к информационным центрам и базам данных; консультативная поддержка.

4. Мониторинг технологической среды как средство получения объективных данных о технологиях, источниках финансирования, инновационных проектах с целью достоверного представления о ситуации, в которую попадает принимающий решение агент.

5. Аудит отечественных и зарубежных изобретений и технологий – существующих и находящихся в стадии разработки.

6. Создание центров координации инновационной деятельности и инновационных инвестиционных проектов.

7. Повышение качества образования и образовательной системы путем целенаправленной поддержки учебного процесса техническими, организационно-правовыми и экономическими средствами, включая финансовые.

Поддержка высокого образовательного стандарта, престижа исследователя и инженера.

8. Развитие и распространение в стране системы непрерывной подготовки и переподготовки кадров, настройка этой системы на определенный нуждами науки и экономики спектр специальностей с упором на усиление инженерных и междисциплинарных школ с обучением менеджменту.

Социокультурная среда

1. Создание долгосрочных условий для человеческого развития.

2. Воспитание привычек к созидательному труду, преодоление постперестроечной деформации ценностей. В использовании человеческих возможностей в целях устойчивости общественного развития в первую очередь стоит уделить внимание формированию системы общечеловеческих морально-этических ценностей (Варшавский, 2014, с. 318).

3. Формирование инновационного сознания путем предупредительных и комплексных мер, учитывая значительный лаг между применением воздействий и ответной реакцией в этой сфере.

4. Ориентация на гармоничное сочетание общенациональных и территориальных социокультурных особенностей при выборе рычагов воздействий, опираясь на комбинацию материальных и моральных стимулов. «Важнейшая роль государства здесь состоит в том, чтобы создать у своих граждан чувство причастности к важному для страны делу» (Криворотов, 2013, с. 20).

5. Повышение склонности к инновационному риску, формирование лояльного отношения общества к предпринимательству и экспериментаторству, подкрепленных механизмами гарантий.

6. Воспитание уважения к инженерным и исследовательским профессиям с использованием инструментов материального и морального стимулирования.

7. Распространение этических норм ведения бизнеса и научно-исследовательской деятельности.

Способы управления

1. Системные методы устранения внутренних проблем путем разработки сбалансированной национальной стратегии и механизмов ее реализации, а также внешнеэкономической политики, отвечающей полностью на внешние вызовы.

2. Облегчение перетоков квалифицированной рабочей силы в нужных для экономики направлениях; воспитание и привлечение талантов; углубление взаимопонимания и контактов разработчиков технологий, инвесторов и предпринимателей.

3. Согласование интересов участников на базе взаимовыгодных управленческих решений с применением сбалансированных стимулирующих и компенсационных механизмов, направленных на гармонизацию локальных и общесистемных интересов.

4. Выработка согласованных решений по отношению к партнерам в Европе и в АТР предполагает дифференцированный подход и диверсификацию научно-технического сотрудничества и энергетических стратегий по товарам, рынкам, географии поставок, источникам новаций на принципах взаимобмена энергии на технологии.

5. При целеполагании и выборе воздействий регулятор ориентируется, во-первых, на объективные закономерности общественного развития с выделением внутренних и мировых трендов; во-вторых, на системный анализ: а) общественной системы, включающей государство, экономику, бизнес, социум; б) объекта управления, экономической системы, в разрезе семи ключевых подсистем (Клейнер, 2008б, 2011).

6. В выборе управляющих воздействий, направленных на каждую из подсистем, регулятор исходит из интересов игроков и системы в целом, а также – максимально полной реализации конкурентных преимуществ каждой из подсистем.

7. В основу выбора альтернативных вариантов в пользу нового строительства или реконструкции, приоритетов энергосбережения или повышения производительности должны

быть положены системные оценки конкретной ситуации и научно обоснованный прогноз динамики объекта и внешнего его окружения.

8. Данные, полученные на основе механизмов обратных связей, позволяют повысить обоснованность управляющих решений и устойчивость изучаемой системы.

Со стороны государства долгосрочная конкурентоспособность российской экономики может быть поддержана по нескольким направлениям качественных сдвигов.

1. Создание инновационного спроса, в частности, при помощи механизма государственных закупок инновационных энергетических технологий, оборудования, активов.

2. Государственно-частное партнерство, поддержка партнерства общества и энергетического бизнеса.

3. Создание рынка системных услуг.

4. Поддержка системных методов оперативного и стратегического управления на всех уровнях экономической иерархии.

5. Изменение принципов управления на макроуровне: с максимального наполнения бюджета за счет сырьевых доходов (с последующим вложением в низкодоходные ценные бумаги в условиях недофинансирования перевооружения промышленности) на концепцию общесистемной устойчивости. Именно с общесистемных позиций нужно строить стратегию и организационно-экономические механизмы трансформации энергетики и перераспределять нефтегазовые доходы в пользу источников долгосрочной конкурентоспособности – научно-технологического и человеческого развития.

6. Повышение заинтересованности проектировщиков и научных кадров в общесистемных результатах.

7. Развитие рынков труда и рынков электроэнергии⁷.

⁷ Может быть, целесообразно регулировать рынки электроэнергии так, как это делает в Бразилии Национальное агентство по электроэнергии, где цены устанавливаются на тендерной основе (<http://www.kommersant.ru/doc-y/1833613>).

8. Целенаправленная бюджетная поддержка структуры специальностей, гибко реагирующей на запросы современных трансформационных сдвигов, но вместе с этим формирующей научно-технические заделы более или менее широкого спектра фундаментальных исследований, перспективы которых для практики сегодня трудно прогнозировать.

9. Повышение качества обучения менеджменту и внимания к междисциплинарным исследованиям.

Отличие от биологических или технических систем в гуманистическом обществе материальное количественное измерение характеристик превосходства исследуемых объектов, как правило, не является точным индикатором конкурентоспособности. Применение стоимостных оценок для мониторинга изменений ограничивает выбор вектора развития чисто утилитарными направлениями прогресса, с краткосрочным выигрышем для социума, но потерей для будущего. В системном понимании закономерностей развития национальной экономики критерий и условие устойчивости можно сформулировать как достижение высокого качественного уровня инновационного потенциала, представляющего собой гармоничный симбиоз ресурсных и человеческих конкурентных преимуществ, устойчивых относительно внешних воздействий.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Для улучшения согласованности научно-технических и хозяйственных решений, в том числе направлений трансформации российской экономики, а также улучшения качественной результативности воздействий, применяемых для их реализации, необходимо развивать модели и методы системного анализа перспектив развития инноваций в условиях внутренних и внешних вызовов. Идентификация существенных факторов и потенциала инновационного развития повышает обоснованность

способов преобразования целостной социально-экономической системы и ее звеньев с опорой на наилучшее использование имеющихся преимуществ и с перспективой наращивания конкурентного превосходства в сфере энергетических ресурсов и человеческого развития в будущем, в том числе в региональном разрезе. С этой целью интересно изучить конкретные способы и правила принятия решений в сфере нововведений в условиях нестационарной российской экономики и варианты перехода к новым энергетическим технологиям в различных внешних и внутренних обстоятельствах. В частности, желательно исследовать возможности технологического подъема энергетики путем интеграции России в мировую экономическую систему через партнеров в АТР. Анализ влияния интересов агентов на долгосрочную конкурентоспособность и устойчивость развития на микро- и макроуровне также представляет перспективную область научных исследований, как и способы согласования интересов в условиях высокой концентрации капитала в топливно-добывающем секторе российской экономики, где сосредоточены основные ресурсные преимущества России.

Литература

- Агафонов В.А. Стратегическое управление и экономическая безопасность. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2006.
- Багриновский К.А. Модели и методы экономической кибернетики. М.: Экономика, 1973.
- Багриновский К.А. Исследование и моделирование процессов повышения инновационной активности // Экономическая наука современной России. 2009. № 2.
- Багриновский К.А., Бендиков М.А., Хрусталева Е.Ю. Механизмы технологического развития экономики России. М.: Наука, 2003.
- Багриновский К.А., Бусыгин В.П. Математика плановых решений. М.: Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1980.
- Багриновский К.А., Матюшок В.М. Экономико-математические методы и модели (микроэкономика). М.: РУДН, 2009.
- Баранов А.Ю., Долгопятова Т.Г. Инновационное поведение фирм и деловой климат в странах с переходной экономикой // Российский журнал менеджмента. 2012. Т. 10. № 4.
- Бендиков М.А., Фролов И.Э. Тенденции развития высокотехнологичного сектора российской промышленности // Государственно-частное партнерство в инновационных системах / Под общ. ред. С.Н. Сильвестрова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Бушуев В.В., Громов А.И. Энергетическая стратегия 2050: методология, вызовы, возможности // Энергетическая политика. 2013. Вып. 2.
- Варшавский А.Е. Проблемы развития инновационной системы России // Концепции. 2006. № 1 (17).
- Варшавский А.Е. Стратегические проблемы развития высоких технологий в России // Россия в глобализирующемся мире: модернизация российской экономики. М.: Наука, 2007. С. 311–354.
- Варшавский А.Е. Проблемные инновации: риски для человечества. Экономические, социальные и этические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2014.
- Голиченко О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России. М.: Наука, 2011.
- Гончар К.Р., Кузнецов Б.В. Крупный российский бизнес на инновационной карте России и мира: неужели мы уже вырастили «национальных чемпионов»? Комментарии к докладу «Инновационная активность крупного бизнеса в России // Российский журнал менеджмента. 2010. Т. 8. № 4. С. 113–118.
- Гончар К.Р., Кузнецов Б.В. (ред.) Российская промышленность на этапе роста. Факторы конкурентоспособности фирм. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
- Ерзюкян Б.А., Агафонов В.А. Сетевая природа кластерной системы и основные направления формирования кластерной стратегии мезоэкономического развития России // Экономическая наука современной России. 2011. № 1.

- Зарнадзе А.А.* Целостность управления современной экономикой. М.: Транспорт, 2011.
- Зарнадзе А.А.* Целостность управления современной экономикой. М.: МАОН, 2012.
- Иванов В.В.* Стратегические направления модернизации: инновации, наука, образование. М.: Наука, 2012.
- Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и системный менеджмент // Российский журнал менеджмента. 2008а. № 6 (3).
- Клейнер Г.Б.* Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008б.
- Клейнер Г.Б.* Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. Сент.
- Клейнер Г.Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6.
- Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–22.
- Коцубинская М., Павлов В.* Китай теперь наш // РБК daily. 2014. 22 мая. № 90 (1865). С. 1, 10.
- Криворотов А.К.* Нефтегазовые ресурсы России как экономический «локомотив» модернизации // Мировая энергетика: воздействие кризиса: Материалы VIII Конвента РАМИ, сентябрь, 2012: Научное издание / Под ред. В.И. Салыгина, Н.А. Симония. М.: Аспект Пресс: МГИМО-Университет, 2013. С. 6–21.
- Лавровский Б.Л., Позднякова И.В.* Самое важное, самое главное для победы (Россия в системе мировых трендов производительности) // ЭКО. 2014. № 4.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис, 2010.
- Лихачев В.* Восточный вектор российской энергетической стратегии-2030 // Международная жизнь. Специальный выпуск «АТЭС Россия 2012». 2012. С. 115–126.
- Макаров В.Л., Варшавский А.Е.* (рук. авт. кол.) Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия. М.: Наука, 2001.
- Никонова А.А.* Институциональные основы инновационной экономики в России // Теория и практика институциональных преобразований в России / Под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 21. М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
- Никонова А.А.* Институциональные барьеры к заимствованию зарубежных практик энергоэффективности в России // Институциональная экономика, развитие, преподавание, приложение: Материалы третьей Международной конференции. Вып. 3. М.: ГУУ, 2013.
- Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Ивантер В.В.* Экономический рост и экономическая политика в России // ЭКО. 2014. № 2.
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/news/1711/>
- Путин В.В.* Прямая линия с Владимиром Путиным. 17.04.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20796>.
- Росстат (2014): Россия и страны мира, 2014. Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_39/IssWWW.exe/Stg/06-30.htm.
- Фадеев А.* Перспективы освоения арктического шельфа 08.04.2014. РСМД (официальный сайт). URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3373&from=may14rus#top.
- Цибульский В.Ф.* Энергетический индикатор состояния экономики. М.: ИНП РАН, 2013.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- ЭС-2020 (2003): Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. № 1234-р. URL: http://www.cpnt.ru/userfiles/_files_normativ_energogafe_energostrategy.pdf.
- ЭС-2030 (2009): Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. URL: <http://minenergo.gov.ru/activity/energostrategy>.
- ЭС-2035 (2014): Проект Энергетической стратегии России на период до 2035 года / Министерство энергетики Российской Федерации. 11 марта 2014 г. URL: <http://minenergo.gov.ru/documents/razrabotka/>; <http://minenergo.gov.ru/upload/iblock/665/665a6512e64ffd5e3d30d9448d7b7fff.pdf>.

- IEA Scoreboard 2011. Implementing energy efficiency policy: Progress and challenges in IEA member countries. OECD/IEA, 2011. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/IEA_Scoreboard2011.pdf.
- INSEAD (2012). Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth – INSEAD 2012. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/index.html>.
- INSEAD (2013). The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation. Geneva, Ithaca, and Fontainebleau, 2013. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=gii-full-report-2013>.
- INSEAD (2014). The Global Innovation Index 2014: The Human Factor in Innovation. Fontainebleau, Ithaca and Geneva. 2014. URL: www.globalinnovationindex.org.
- Key World Energy Statistics 2013. IEA: official cite. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2013.pdf>.
- OECD (2013). Education at a Glance 2013: OECD Indicators, OECD Publishing, p. 1–440. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2013-en>; http://www.oecd.org/about/publishing/Corrigendum_OECD_Education_at_glance.pdf.
- OECD (2014). Science and Technology Indicators, 2014. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=DECOMP%20#>.
- The Human Capital Report. World Economic Forum, 2013. URL: www.weforum.org.
- The Global Competitiveness Report 2013–2014. Full Data Edition. WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.
- The Russia Competitiveness Report 2011: Laying the Foundation for Sustainable Prosperity. WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Russia_Report_e2011.pdf.
- WEO (2011). World Energy Outlook 2010. IEA, 2011. URL: http://www.iea.org/media/weoweb-site/2010/weo2010_caspian.pdf.
- World Bank. Doing Business 2014. URL: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia>.

Рукопись поступила в редакцию 03.06.2014 г.

АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

А.С. Завьялова

В статье предлагаются пути получения объективных результатов за счет такого метода исследования, как анкетирование, основанного на сборе общей информации о предприятиях, оценке уровня их готовности к работе в условиях ВТО. Анализ мнений респондентов обеспечивает получение достоверной информации и может ежегодно создавать информационную базу для разработки, принятия и корректировки необходимых решений, направленных на поддержку предприятий органами государственной власти региона, что крайне важно, поскольку в Костромской области промышленность формирует $\frac{1}{3}$ валового регионального продукта (ВРП).

Ключевые слова: ВТО, промышленность, анкетирование, конкуренция, поддержка предприятий.

ВВЕДЕНИЕ

Основной отраслью экономики Костромской области является промышленность, формирующая одну треть валового регионального продукта, а 75% промышленности составляют обрабатывающие производства. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, индекс промышленного производства Костромской области в 2013 г. (104,0%) превысил среднероссийский уровень (100,%) и уровень в среднем по Центральному федеральному округу (ЦФО)

© Завьялова А.С., 2015 г.

- IEA Scoreboard 2011. Implementing energy efficiency policy: Progress and challenges in IEA member countries. OECD/IEA, 2011. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/IEA_Scoreboard2011.pdf.
- INSEAD (2012). Global Innovation Index 2012. Stronger Innovation Linkages for Global Growth – INSEAD 2012. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/index.html>.
- INSEAD (2013). The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation. Geneva, Ithaca, and Fontainebleau, 2013. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=gii-full-report-2013>.
- INSEAD (2014). The Global Innovation Index 2014: The Human Factor in Innovation. Fontainebleau, Ithaca and Geneva. 2014. URL: www.globalinnovationindex.org.
- Key World Energy Statistics 2013. IEA: official cite. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2013.pdf>.
- OECD (2013). Education at a Glance 2013: OECD Indicators, OECD Publishing, p. 1–440. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2013-en>; http://www.oecd.org/about/publishing/Corrigendum_OECD_Education_at_glance.pdf.
- OECD (2014). Science and Technology Indicators, 2014. URL: <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=DECOMP%20#>.
- The Human Capital Report. World Economic Forum, 2013. URL: www.weforum.org.
- The Global Competitiveness Report 2013–2014. Full Data Edition. WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.
- The Russia Competitiveness Report 2011: Laying the Foundation for Sustainable Prosperity. WEF. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Russia_Report_e2011.pdf.
- WEO (2011). World Energy Outlook 2010. IEA, 2011. URL: http://www.iea.org/media/weoweb-site/2010/weo2010_caspian.pdf.
- World Bank. Doing Business 2014. URL: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia>.

Рукопись поступила в редакцию 03.06.2014 г.

АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ВТО ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

А.С. Завьялова

В статье предлагаются пути получения объективных результатов за счет такого метода исследования, как анкетирование, основанного на сборе общей информации о предприятиях, оценке уровня их готовности к работе в условиях ВТО. Анализ мнений респондентов обеспечивает получение достоверной информации и может ежегодно создавать информационную базу для разработки, принятия и корректировки необходимых решений, направленных на поддержку предприятий органами государственной власти региона, что крайне важно, поскольку в Костромской области промышленность формирует $\frac{1}{3}$ валового регионального продукта (ВРП).

Ключевые слова: ВТО, промышленность, анкетирование, конкуренция, поддержка предприятий.

ВВЕДЕНИЕ

Основной отраслью экономики Костромской области является промышленность, формирующая одну треть валового регионального продукта, а 75% промышленности составляют обрабатывающие производства. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, индекс промышленного производства Костромской области в 2013 г. (104,0%) превысил среднероссийский уровень (100,%) и уровень в среднем по Центральному федеральному округу (ЦФО)

© Завьялова А.С., 2015 г.

(101,4%), уступая Смоленской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Московской и Калужской областям; по индексу промышленного производства регион занимает 7-е место среди субъектов ЦФО.

Основной вклад в рост промышленного сектора Костромской области внесли обрабатывающие производства – индекс промышленного производства по данной группе отраслей составил 105,4% (по России – 100,5%, по субъектам ЦФО – 102,4%). В структуре промышленного производства обрабатывающие производства составляют порядка 75%.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Промышленность является основой, необходимой для успешного функционирования всей экономики. В условиях, когда Россия выступает полноправным членом Всемирной торговой организации, необходим новый, инновационный путь развития всех отраслей промышленности. Отечественным товаропроизводителям нужны четкие ориентиры по приоритетным направлениям развития, формам государственной поддержки, индикаторам достижения целей и задач. Поэтому разработка механизма управления региональными субъектами хозяйствования с целью повышения их конкурентоспособности в настоящее время является актуальной и необходимой.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Возможные последствия присоединения России к ВТО и сценарии развития российской экономики оценивались на протяжении всех длительных переговоров с 1993 г. Образованный в 2000 г. Национальный инвестиционный совет (НИС), к 2002 г. провел и

опубликовал исследование «Народнохозяйственные последствия присоединения России к ВТО» (Народнохозяйственные последствия присоединения..., 2002).

Так как в России высказывались опасения о существенном спаде производства «со всеми вытекающими социальными последствиями», под руководством члена научного совета Московского центра Карнеги К.В. Юдаевой в 2003 г. была опубликована работа «Секторальный региональный анализ последствий вступления России в ВТО: оценка издержек и выгод», основанная на предложении четырех различных методологий исследования и полученных по ним результатов (Юдаева и др., 2003).

Широкое обсуждение возможных последствий вступления России в ВТО и отсутствие инструментария для их исчисления отразили в 2004 г. в своей статье Ю.С. Ершов, Н.М. Ибрагимов, Л.В. Мельникова (Ершов и др., 2004). Рассмотрев различные модели оценки последствий, авторы предложили собственную «полудинамическую оптимизационную межрегиональную межотраслевую модель» и сделали вывод об относительно низкой конкурентоспособности российской экономики, необходимости коренной модернизации и интерпретировали оба факта «как косвенный аргумент в пользу вступления России в ВТО до 2010 г.». Большого внимания заслуживает также обширная работа аналитического центра «ВТО-Информ» «Оценка макроэкономических последствий вступления России в ВТО», в которой содержится анализ теоретических и исторических аспектов вступления России в ВТО, опыт других стран (Китай и Украины), а главное – прогноз потерь экономики России в целом и оценка эффекта от вступления России в ВТО по отраслям (Бабкин и др., 2012).

В ходе своеобразного контент-анализа выявлено, что из 18 субъектов РФ, входящих в состав ЦФО, лишь у трети имеются работы, где выявляются последствия вступления России в ВТО и предложения, направленные на адаптацию экономики области. Анализ по-

следствий вступления в ВТО в регионах России в основном основан на статистической информации.

Оценить последствия вступления в ВТО крайне сложно, необходим многосторонний анализ, учитывающий не только статистическую информацию, на чем основаны все вышеперечисленные исследования, но и результаты опросов экспертов. Для изучения осведомленности россиян о ВТО и ожидаемых последствий ВЦИОМ¹ провел опрос 1600 человек России (Исследование ВЦИОМ, 27.08.2012), а маркетинговое агентство «Рос-БизнесКонсалтинг» (РБК.research) на заказ проводит аналогичные исследования, но его респондентами являются эксперты в различных отраслях экономики (Вступление России в ВТО, 03.06.2013). Аналогичной методикой исследования пользовались администрации Курганской, Ростовской, Томской, Нижегородской областей, а также администрация г. Твери и руководство Торгово-промышленной палаты России совместно с Минэкономразвития России (Мониторинг состояния..., 01.05.2013).

С целью определения зон необходимой поддержки предприятий Костромской области была разработана анкета, респондентами которой являлись руководители предприятий всех отраслей промышленности области. Структура анкеты позволяла дополнять ее комментариями по некоторым пунктам. Анкеты были разосланы в адреса 130 предприятий, из которых 35 предоставили ответы по запрашиваемым пунктам (рис. 1).

Несмотря на то что данное число респондентов составляет лишь 2% всего числа действующих предприятий, полученные результаты вполне можно считать объективными, так как:

- среди них преобладают средние предприятия с численностью сотрудников более 250 человек (49%);
- суммарный объем отгруженной продукции данных предприятий составляет 54%

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения.

Рис. 1. Объект анкетирования и его место в экономике Костромской области

аналогичного показателя по всему обрабатывающему производству Костромской области;

- в опросе приняли участие руководители предприятий всех видов обрабатывающих производств.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Большинство респондентов отметили свой уровень информированности об условиях присоединения России к ВТО как низкий и средний (по 37%). Основными параметрами готовности предприятия функционировать в новых конкурентных условиях, по мнению респондентов, являются:

- повышение производительности труда (80%);
- модернизация производства (74%);
- улучшение качества продукции (69%);
- маркетинговые исследования (60%);
- работа по стандартизации и сертификации (60%).

Лишь 30% анализируемых предприятий утвердили план стратегии (прогноз развития) на ближайшие годы.

Вместе с тем 46% респондентов считают, что вступление России в ВТО будет

иметь негативные последствия (предприятия пищевой промышленности, текстильные, химические, предприятия ювелирной отрасли и по производству электрооборудования); 26% считают, что это не отразится на их деятельности (предприятия по обработке древесины и полиграфические); 20% (по обработке древесины и металлургическое производство) – что откроет новые возможности.

Большая часть респондентов (74%) считает, что основной угрозой предприятиям от вступления России в ВТО является рост конкуренции (рис. 2) и, как следствие, снижение объемов производства (34%) и нестабильный экспорт (17%).

Среди других угроз руководители предприятий выделили падение курса рубля по отношению к другим валютам и падение спроса на продукцию.

Несмотря на то что 37% руководителей не находят для своих предприятий никаких преимуществ от вступления России в ВТО, 34% все же ожидают снижения стоимости материальных ресурсов, 26% – расширения рынка продукции, 23% – повышения качества ресурсов, 20% – обновления технологий (рис. 3).

У 57% предприятий региона импортные аналоги *вытесняют их продукцию*, и только 20% не ощущают конкуренции.

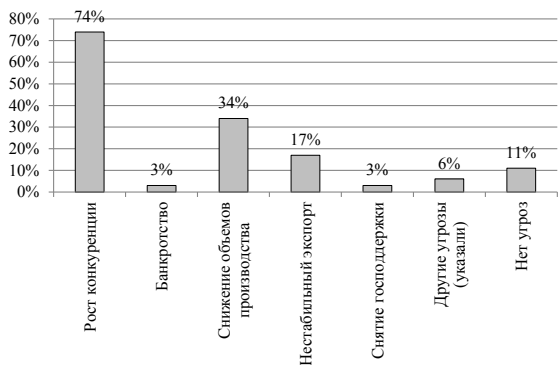

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос об угрозах в условиях ВТО, %

Более половины предприятий области (60%) поставляют свою продукцию на экспорт. В основном это предприятия деревообрабатывающей и химической промышленности, а также производства резиновых и пластмассовых изделий. Несмотря на то что их продукция имеет более низкие цены (69%) и лучшее качество (37%), чем импортные аналоги, 51% предприятий испытывает трудности при выходе на международный рынок; 49% предприятий планируют поставлять на экспорт новые виды продукции. В комментариях руководители различных предприятий указали следующие трудности при выходе на международный рынок:

- высокая конкуренция;
- низкая себестоимость европейской продукции;
- сложность сертификации продукции и проведения научных испытаний;
- значительные затраты на приобретение лицензий, патентов и торговых марок;
- неравные экономические условия отечественных и зарубежных производителей.

Оценивая научно-инновационный потенциал предприятий, следует отметить, что:

- почти у половины включенных в опрос предприятий Костромской области (46%) работает система поддержки рационализаторских предложений (производство пищевых продуктов, обработка древесины);

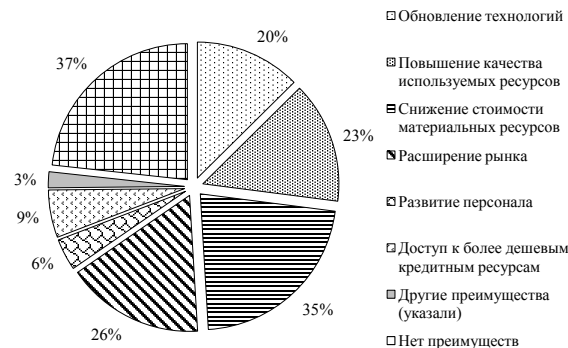

Рис. 3. Преимущества предприятий после вступления в ВТО, %

- у 23% предприятий существует научно-экспериментальная база для проведения исследований (химическое производство, производство машин и оборудования, производство электрооборудования);

- 17% предприятий осуществляют с представителями учебных и (или) научных заведений совместные работы в области НИОКР (химическое производство, производство машин и оборудования, производство готовых металлических изделий);

- 49% предприятий-респондентов имеют систему менеджмента качества, сертифицированную на соответствие требованиям международного стандарта ИСО 9001 (на 11% предприятий сертификация пока только планируется).

Только 6% опрошенных руководителей (два предприятия) отметили, что получали государственную поддержку.

Отвечая на вопрос о необходимых формах поддержки, руководители предприятий отметили практически все предложенные варианты ответов: юридическая и информационная поддержка, содействие в продвижении продукции, поиск и сопровождение сделок с зарубежными партнерами и инвесторами и др. (рис. 4).

В комментариях к вопросу о формах поддержки преобладали следующие предложения мер такой поддержки:

Рис. 4. Необходимые формы практической помощи предприятиям в условиях вступления России в ВТО, %

- 1) совершенствование законодательства на всех уровнях власти;

- 2) введение таможенных пошлин на емкостное оборудование;

- 3) снижение стоимости электроэнергии (конкурентоспособные цены на энергоносители);

- 4) недостаток производственных мощностей для выполнения заказов;

- 5) поддержка предприятий государственными гарантиями;

- 6) предоставление субсидий для обновления основных фондов;

- 7) предоставление налоговых льгот;

- 8) ограничение ввоза иностранной продукции (политика протекционизма).

Необходимо учитывать, что предложения респондентов под номерами 2, 7 и 8 могут нарушать (если иное не предусмотрено в индивидуальном графике исполнения обязательств для данной страны):

- принцип ГАТТА «осуществление торговли без дискриминации на основе режима наибольшего благоприятствования и национального режима»;

- либо принцип ГАТСА «В секторах, которые указаны в Графике <...> каждый Член обязан предоставлять услугам и поставщикам услуг любого другого Члена в отношении всех мер, затрагивающих предложение услуг, режим не менее благоприятный, чем для своих собственных таких же услуг и поставщиков услуг» (ст. XVII.1).

Остальные пункты (корректировка законодательства, поддержка государственными гарантиями, выделение субсидий, установление тарифов на электроэнергию для юридических лиц) являются реальными способами поддержки предприятий органами государственной власти.

На сегодня одной из проблем промышленности является износ основных фондов. В отдельных отраслях он составляет более 70%. В то же время доступность кредитных ресурсов остается крайне низкой. Ставки по инвестиционным кредитам составляют 9–18% и практически остались на уровне до-

кризисного 2008 г. При этом условия кредитования в иностранных институтах развития и финансовых организациях значительно комфортнее и находятся на уровне 4–5% годовых.

Общей для всех отраслей экономики является и проблема роста тарифов на электроэнергию. Установленные тарифы в Российской Федерации неуклонно растут: с 2000 г. они увеличились более чем в 3 раза. Уже сейчас тарифы в Казахстане, Республике Беларусь практически в 2 раза ниже российских. Поэтому необходим взвешенный подход к вопросу цено- и тарифообразования.

Остро стоит проблема подготовки высококвалифицированных кадров для отечественной промышленности, а также проработка стимулов их закрепления на предприятии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты опроса подтверждают, что в сложившейся ситуации не обойтись без участия государства в деятельности промышленных предприятий. С одной стороны, государство должно диктовать верные решения «сверху» путем разработки новой модели развития промышленности и государственных программ (например, государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на период до 2020 года»). С другой стороны, организацию и координацию этих программ осуществляют органы государственной власти субъектов РФ, и эта самостоятельность субъектов Российской Федерации говорит о большой свободе выбора пути их развития.

Литература

Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Прохин В.В., Самохвалов В.А. Оценка макроэко-

номических последствий вступления России в ВТО. М.: ВТО-Информ, SBS, 2012.

Вступление России в ВТО. Анализ последствий для различных отраслей промышленности и секторов услуг. РБК – Исследования рынков. 03.06.2013. URL: <http://marketing.rbc.ru/search/?query=%C2%D2%CE> (дата обращения: 05.07.2014).

Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (ГАТТ 1994) // Юридическая консультация. URL: <http://help-yurist.com.ua/konvencii-i-soglasheniya/2011-12-28-20-32-42.html> (дата обращения: 19.03.2014).

Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС/GATS – Приложение 1В к Марракешскому Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года) // Юридическая консультация. URL: <http://help-yurist.com.ua/konvencii-i-soglasheniya/2011-12-28-20-51-48.html> (дата обращения: 19.03.2014).

Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. О проблемах оценки экономических последствий вступления России в ВТО // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. Социально-экономические науки. 2004. Т. 4. Вып. 1. С. 5–21.

Исследование ВЦИОМ: мнение россиян о Всемирной торговой организации / Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/27/4916> (дата обращения: 05.07.2014).

Мониторинг состояния малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации / Торгово-промышленная палата Российской Федерации. 01.05.2013. URL: <http://www.tpprf.ru/ru/business/analytics/region/> (дата обращения: 05.07.2014).

Народнохозяйственные последствия присоединения России к ВТО. М.: Российская академия наук и Национальный инвестиционный совет, 2002.

Промышленное производство / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/# (дата обращения: 19.03.2014).

Членство в ВТО – новый этап участия России в международной экономической системе / Под ред. С.Ф. Сутырина и Н.А. Ломагина: Научное издание. СПб.: Изд. центр экономического факультета СПбГУ, 2013.

Юдаева К., Бессонова Е., Козлов К., Иванова Н., Соколов Д., Белов Б. Секторальный и региональный анализ последствий вступления России в ВТО: оценка издержек и выгод. М.: Московский Центр Карнеги, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 02.06.2014 г.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОГРАММ¹

*А.В. Блошенко, И.П. Тихонов,
Н.А. Сахарова, А.В. Холстов*

В статье рассмотрены особенности государственных целевых программ – хорошо отработанных и эффективно действующих инструментов научно-технического и программно-целевого планирования в Российской Федерации. Отмечены пути улучшения методического обеспечения формирования и оценки результативности государственных целевых программ. Рассмотрены специфика региональных целевых программ и причины их неэффективной реализации. Приведены особенности реализации мероприятий федеральных целевых программ в субъектах РФ при одновременном софинансировании таких мероприятий в рамках региональных целевых программ. Описаны достоинства и недостатки применения метода экспертных оценок в качестве основного метода разработки комплексных планов и целевых программ. Рассмотрены механизмы частно-государственного партнерства в части инвестирования в инновационные компании в развитых странах. Исходя из предложенного механизма внедрения в Российской Федерации результатов государственных научно-технических программ определены наиболее актуальные в настоящее время задачи в сфере целевого планирования и государственного регулирования научно-технической деятельности.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, целевые программы, планирование, проектное финансирование.

© Блошенко А.В., Тихонов И.П., Сахарова Н.А.,
Холстов А.В., 2015 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00026-а).

Членство в ВТО – новый этап участия России в международной экономической системе / Под ред. С.Ф. Сутырина и Н.А. Ломагина: Научное издание. СПб.: Изд. центр экономического факультета СПбГУ, 2013.

Юдаева К., Бессонова Е., Козлов К., Иванова Н., Соколов Д., Белов Б. Секторальный и региональный анализ последствий вступления России в ВТО: оценка издержек и выгод. М.: Московский Центр Карнеги, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 02.06.2014 г.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОГРАММ¹

*А.В. Блошенко, И.П. Тихонов,
Н.А. Сахарова, А.В. Холстов*

В статье рассмотрены особенности государственных целевых программ – хорошо отработанных и эффективно действующих инструментов научно-технического и программно-целевого планирования в Российской Федерации. Отмечены пути улучшения методического обеспечения формирования и оценки результативности государственных целевых программ. Рассмотрены специфика региональных целевых программ и причины их неэффективной реализации. Приведены особенности реализации мероприятий федеральных целевых программ в субъектах РФ при одновременном софинансировании таких мероприятий в рамках региональных целевых программ. Описаны достоинства и недостатки применения метода экспертных оценок в качестве основного метода разработки комплексных планов и целевых программ. Рассмотрены механизмы частно-государственного партнерства в части инвестирования в инновационные компании в развитых странах. Исходя из предложенного механизма внедрения в Российской Федерации результатов государственных научно-технических программ определены наиболее актуальные в настоящее время задачи в сфере целевого планирования и государственного регулирования научно-технической деятельности.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, целевые программы, планирование, проектное финансирование.

© Блошенко А.В., Тихонов И.П., Сахарова Н.А.,
Холстов А.В., 2015 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00026-а).

Целевые программы в настоящее время представляют собой наиболее обоснованный, эффективный и прозрачный инструмент реализации государственной политики в отношении широкого спектра средне- и долгосрочных аспектов научного, технологического, экономического и социального развития страны. Программно-целевой метод планирования позволяет при этом обеспечивать различные формы поддержки мероприятий на федеральном и региональном уровнях, а также в рамках частно-государственного партнерства. Основными достоинствами инструментов программно-целевого планирования являются (Кузнецов, Таймазов, 2012; Митрофанова, 2005):

- ориентированность на решение комплексных общегосударственных и социально значимых задач;
- долгосрочный горизонт планирования, соответствующий срокам окупаемости инвестиций и позволяющий оценивать полученные социально-экономические эффекты;
- системный подход к формированию комплекса взаимосогласованных по ресурсам и срокам мероприятий для достижения поставленных целей;
- открытый порядок формирования программ и публичность отчетности о ходе их реализации;
- возможность своевременной эффективной корректировки программы в целях адекватного реагирования на изменение условий ее реализации;
- возможность объединения усилий органов власти различного уровня (с учетом разграничения их полномочий) и частного сектора экономики.

Государственные научно-технические программы представляют собой увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение целевых задач в области научного, технологического, экономического

и социального развития Российской Федерации (Райзберг, Доценко, 2007).

Актуальность таких программ, их цели и задачи, перечень основных мероприятий и планируемые расходы на их реализацию в соответствии с действующим законодательством подлежат обсуждению на заседаниях Правительства РФ, в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, находятся в открытом доступе на сайтах Правительства РФ, Минэкономразвития России, государственных заказчиков и публикуются как официальные документы (приложения к постановлениям Правительства РФ).

Правительством РФ установлено, что концепция целевой программы должна предполагать несколько вариантов решения проблемы, выделенной для программной разработки, определять основные цели и задачи соответствующей целевой программы, а также с учетом утвержденных приоритетных направлений развития науки, технологий и техники обосновывать этапы и наиболее эффективные направления ее реализации и необходимые для этого объемы финансирования. В рамках целевой программы необходимо обеспечить корреляцию всех запланированных мероприятий с запрашиваемыми объемами ресурсного обеспечения, а также скоординировать усилия всех государственных заказчиков с учетом их полномочий и тем самым обеспечить достижимость утвержденных целей, полноту и согласованность решения поставленных задач (Лаан, 2007; Лобко, Райзберг, 2002).

Государственная целевая программа как инструмент государственного управления высшего (федерального) уровня в конечном итоге предполагает трансляцию своего воздействия на объекты программной разработки на всех уровнях, включая региональный и объектовый. Реализация мероприятий государственных целевых программ в субъектах РФ при одновременном софинансировании таких мероприятий в рамках региональных целевых программ характеризуется рядом особенностей (Гранберг и др., 2011; Гранберг, 2006).

Механизм указанной реализации, включая вопросы установления возможности ее осуществления, определен Порядком разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация, утвержденным постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594. К числу особенностей региональных целевых программ (далее – РЦП) относятся следующие (Брянин, 2013):

1) четкая направленность на решение специфических проблем конкретного региона, при этом по мере снижения уровня управления происходит выраженное усиление социальных аспектов программы;

2) выраженная комплексность – РЦП ориентированы на решение социальных проблем, улучшение качества жизни населения, охрану окружающей среды и др.

Следует учитывать, что ограниченность имеющихся материальных, организационных, информационных и финансовых ресурсов является основным лимитирующим фактором для качественных и количественных параметров, целей и задач, направлений и этапов РЦП.

Государственным заказчиком региональных целевых программ обычно выступает администрация субъекта РФ, а ее основными разработчиками и исполнителями могут являться комитеты и управления областной администрации, территориальные федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы местного самоуправления, предприятия и организации всех форм собственности. Несмотря на то что в качестве основной причины неэффективной реализации РЦП чаще всего называют недостаток финансирования, в действительности причин тому существует гораздо больше (Брянин, 2013).

Широко распространенное наименование РЦП как «программа социально-экономического развития...» не позволяет четко выделить стоящие перед конкретным региональным государственным заказчиком специфические задачи, поскольку задачи социально-экономического развития стоят перед всеми регионами

и, более того, перед субъектами государственного управления всех уровней.

Формулировка «социально-экономическое развитие» имеет излишне общий характер и фактически может быть отнесена к любым социально-экономическим процессам. Вместе с тем цели РЦП должны быть отделены от повседневно реализуемых мероприятий в области регионального развития и удовлетворения потребностей, не требующих программно-целевого подхода (Матрусов, 2008). Зачастую администрация региона стремится решить за счет средств федерального бюджета все имеющиеся задачи, в том числе и проблемы местного масштаба, которые могут и должны быть решены посредством традиционных внепрограммных мероприятий в рамках текущего исполнения своих функций органами местного самоуправления.

В настоящее время РЦП в целом характеризуются низким уровнем выбора и обоснования стратегических целей и задач, отсутствием четко обозначенных приоритетов, что приводит к завышению размера заявок на софинансирование программных мероприятий из федерального бюджета. Сохраняются высокие риски принятия к исполнению РЦП, заведомо не обладающих требуемым ресурсным, прежде всего финансовым, обеспечением. Заказчик, разработчики и исполнители РЦП должны осознавать, что средства федерального бюджета привлекаются в первую очередь для софинансирования мероприятий и проектов, имеющих важное общегосударственное значение. Решение об оказании государственной поддержки должно приниматься по каждому проекту отдельно после проведения экспертизы его технико-экономического обоснования (Митрофанова, 2006).

Стоит отметить, что контроль эффективности выполнения государственных целевых программ, в том числе в разрезе легитимности освоения выделенных из федерального бюджета ассигнований, происходит как в ходе проведения внеплановых проверок контрольными и надзорными органами, так и на основании периодической отчетности, которую в соответ-

ствии с действующим порядком ежеквартально предоставляют государственные заказчики.

При этом в составе паспорта целевой программы Правительством РФ утверждаются приложения, которые содержат методику оценки ее эффективности, разрабатываемую государственным заказчиком с учетом специфики программных целей и задач.

Анализ реализованных и перспективных научно-технических программ России показывает, что в качестве исходных данных для проведения такой оценки используются численные индикаторы и такие показатели итогов выполнения программных работ, как число публикаций, защищенных диссертаций, разработанных технологий, защищенных патентами, мощность введенных в эксплуатацию объектов капитального строительства и др.

Указанный подход наряду с основным своим преимуществом – возможностью четко и однозначно провести оценку количественных параметров и определить процент достижения заданных нормативных показателей – имеет и существенные недостатки. Приведенные количественные характеристики результатов выполнения программ зачастую недостаточно полно характеризуют эффективность выполнения программных мероприятий, их соответствие утвержденным целям и задачам. Широко распространена ситуация, когда государственный заказчик вынужден в первую очередь заботиться о числе выполняемых разработок и оформляемых патентов, упуская из виду их общий научно-технический уровень, степень непосредственного влияния на достижение установленных программных целей и технико-экономические аспекты в интересах дальнейшего внедрения полученных результатов.

В этой связи наиболее перспективным представляется комплексный подход к оценке эффективности научно-технических программ, включающий предварительный этап многокритериальной экспертной оценки предполагаемых программных мероприятий, этап постоянного экспертного мониторинга проводимых работ, а также заключительный этап специализированной вербальной (ка-

чественной) оценки эффективности выполненных работ и полученных результатов, в том числе на их соответствие первоначально определенным целям и задачам. В целом использование этого методического подхода при разработке, формировании и оценке результативности программ позволит обойтись без субъективно назначаемых количественных (весовых) характеристик и обеспечит наиболее объективную экспертную оценку достигнутых результатов.

В настоящее время в качестве основного метода разработки комплексных планов и целевых программ чаще всего применяется метод экспертных оценок, который базируется на рациональных доводах и интуиции специалистов (экспертов), обработке их информации о прогнозируемом объекте и который, как известно, широко применяется в случаях большой неопределенности, отсутствия достоверной информации, если объект не поддается предметному описанию или математической формализации.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» определяет эксперта как лицо, обладающее специальными познаниями, опытом, квалификацией в области науки, техники, искусства или ремесла. Этот закон установил обязанность государственного заказчика проводить экспертизу предоставленных исполнителем государственного контракта результатов. Такая экспертиза может проводиться заказчиком как своими силами, так и с привлечением сторонних независимых экспертов и экспертных организаций.

Очевидно, что организация и проведение экспертизы итоговых и промежуточных результатов работ раздела НИОКР, строительно-монтажных работ на объектах капитального строительства (строительный контроль в соответствии с требованиями постановления Правительства РФ от 21 июня 2010 г. № 468) и других специфичных мероприятий требуют специальных знаний, квалификации и разре-

шительных документов (допусков и свидетельств).

Таким образом, в состав концепций и паспортов целевых программ государственным заказчиком необходимо включать мероприятия, предусматривающие финансовое обеспечение таких экспертных услуг.

Оптимальное сочетание этапов экспертного обеспечения разработки целевой программы, таких как финансово-экономический анализ, вариативное прогнозирование, индикативное планирование развития и целевое программирование решения приоритетных проблем, при учете указанных выше недостатков позволит осуществлять эффективное сочетание государственного управления территориальной экономикой и рыночного саморегулирования.

Таким образом, рассматриваемый программно-целевой метод, обладающий большим потенциалом, призван органично встраиваться в общую структуру и систему управления региональной системой в качестве инновационного инструмента и обеспечивать решение комплексных общегосударственных задач, в том числе и таких, как формирование опережающего научно-технического потенциала Российской Федерации (Ратнер и др., 2007).

Как отмечается в ряде работ (например, (Симакова, 2011)), внедрение современных технологий и повышение конкурентоспособности промышленности невозможны без соответствующей поддержки финансовых институтов, в том числе инвестиционных компаний.

В бюджетном послании Президента РФ о бюджетной политике на 2011–2013 гг. был сформулирован один из приоритетов направлений расходов бюджета: поддержка инновационных проектов и важнейших научных разработок, направленных на обеспечение модернизации и технологического развития экономики, повышение ее энергетической эффективности.

Как известно, в развитых странах (США, Великобритании, Израиле, Канаде, Германии, Франции, Дании и др.) для финансирования инновационных проектов успешно применя-

ется механизм венчурного инвестирования – высокорисковые инвестиции частного капитала в высокотехнологичные перспективные предприятия, ориентированные на разработку и производство наукоемких продуктов. Более того, в западных странах создана эффективная система венчурного финансирования, которая регулирует спрос и предложение на рынке венчурного капитала и обеспечивает его инфраструктуру. Целью использования механизмов частно-государственного партнерства в этом случае является появление эффективного и прибыльного сектора венчурных инвестиций, ориентированного на инновационные компании (Симакова, 2011).

Вклад государства в этом случае может осуществляться путем его долевого участия в венчурных фондах (напрямую либо через государственные фонды), а также путем финансирования начальных стадий жизненного цикла прорывных наукоемких разработок стратегического значения (НИОКР). С точки зрения государства успешная реализация подобных проектов способствует развитию форм кооперации частного бизнеса с государством, мобилизации ресурсов для реализации значимых проектов, совершенствованию механизмов управления рыночными инвестициями и, как результат, созданию базы для налогообложения.

В России развитие венчурного бизнеса еще находится на начальном этапе и сталкивается с рядом трудностей, связанных с экономическими, политическими и историческими особенностями нашей страны.

Между тем инвестирование венчурных предприятий получило широкое распространение на Западе еще в 1980–1990-х гг. В частности, в США всплеск активности с акциями венчурных предприятий произошел после снижения ставки налога на прирост капитала в результате операций с ценными бумагами. В итоге объем инвестиций венчурного капитала в США составил 6 млрд долл., в странах Европы – 8 млрд долл. В Великобритании для финансирования стратегически важных наукоемких проектов применяется схема «уни-

версальный вызов», в соответствии с которой создается специальный фонд в сумме 20 млн ф. ст., образуемый за счет бюджета и на такую же сумму – за счет благотворительных организаций. На начальных этапах развития венчурных предприятий правительство может брать на себя часть затрат в форме различных грантов. Разработаны различные схемы сотрудничества между научно-исследовательскими организациями и частными компаниями.

В западных странах большую роль в процессе венчурного инвестирования играет участие правительств. Оно демонстрирует желание и способность государства разделить риски с коммерческими инвесторами и понимание необходимости сохранения национальных частных капиталов на рынке своей страны. Такое участие государства одновременно привлекает в реальный сектор экономики общественные средства. Главные рычаги воздействия правительства на венчурное предпринимательство – формирование законодательства и финансовое стимулирование венчурного предпринимательства. Обе эти задачи взаимосвязаны, так как формы финансового стимулирования и поощрения закрепляются законами, прежде всего законом о государственном бюджете. Финансовое стимулирование заключается в вырабатываемых правительством различных схемах финансирования венчурных предприятий применительно к разным этапам их развития и в разных формах организации, грантов, льгот, гарантий под банковские кредиты и т.д. (Зоркальцев, 2008).

При этом необходимо отметить, что объемы финансирования НИОКР в рамках научно-технических программ в развитых странах мира многократно превышают объемы средств федерального бюджета, выделяемые в Российской Федерации на аналогичные цели. Так, в соответствии с итоговым докладом ВВС США за 2013 г. правительству США рекомендовано «для уверенного реагирования на будущие угрозы и возможности разумно инвестировать 1,4 трлн долл. в фундаментальные исследования и разработки по обе-

спечению и расширению глобальных миссий Соединенных Штатов».

Для частного инвестора такое партнерство позволяет увеличивать инвестиционный капитал, сокращать (а в ряде случаев и вовсе исключить) издержки на стадию НИОКР и снижать риски инвестирования за счет получения дополнительных государственных гарантий.

Таким образом, опыт использования механизмов частно-государственного партнерства в развитых странах указывает на целесообразность реализации результатов научно-технических программ в Российской Федерации путем предоставления в распоряжение заинтересованных хозяйствующих субъектов результатов научно-технической деятельности, организации экспертной оценки их финансово-инновационного потенциала с последующим венчурным финансированием их реализации и внедрением.

С этой целью в настоящее время наиболее актуальными представляются следующие задачи:

1) существенная интенсификация прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, направленных на создание комплексного опережающего научно-технического задела в различных стратегически важных отраслях науки и техники;

2) разработка основополагающих нормативно-правовых документов в интересах экспертного сопровождения деятельности органов государственной власти (включая положения об экспертном прогнозировании и экспертной оценке) и их гармонизация с действующим законодательством Российской Федерации;

3) разработка и проведение пилотных проектов по практической реализации и внедрению полученных по государственному заказу результатов научно-технической деятельности с использованием механизмов частно-государственного партнерства, в том числе путем венчурного инвестирования.

Важным и своевременным инструментом реализации указанных задач должен стать принятый Государственной Думой и одобрен-

ный Советом Федерации в декабре 2014 г. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации».

Согласно закону в Российской Федерации создается Наблюдательный совет при Государственном фонде развития промышленности, к компетенции которого отнесен контроль над мерами поддержки промышленной деятельности. Впервые установлено четкое распределение полномочий различных уровней органов власти и управления в реализации промышленной политики, определены конкретные меры стимулирования государством промышленной деятельности. Документ также определяет правовой статус и институты для территориального развития промышленных предприятий. В документе появились такие новые варианты мер поддержки промышленности, как налоговые каникулы, субсидии на создание промышленной инфраструктуры, займы отраслевых фондов. Причем этот перечень мер в законе не является исчерпывающим. Промышленную инфраструктуру призвано развивать государство, а регионы должны иметь возможность предоставлять субсидии на ее развитие. Такой принцип, безусловно, будет выгоден прежде всего самому государству. Создаваемые условия – предпосылки развития бизнеса, а территориальный, кластерный подход к государственной поддержке должен обеспечить мультипликативный эффект от этого развития: налоговые поступления, новые рабочие места, вовлечение смежных отраслей, производств и услуг.

Литература

- Брянин А.С. Совершенствование процесса стратегического программирования развития регионального агропромышленного комплекса // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2013. № 5.
- Гранберг А.Г. Комплексные региональные исследования // Российский экономический журнал. 2006. № 1. С. 31–38.
- Гранберг А.Г. и др. Подходы к анализу финансового положения регионов их финансово-экономических отношений с федеральным центром // Регион. 2011. № 4. С. 23–29.
- Зоркальцев В. Венчурное инвестирование в России и за рубежом? 16.02.2008 // Viperson.ru. URL: <http://chief.viperson.ru/wind.php?ID=460671&soch=1>.
- Кузнецов Ю.В., Таймазов А.В. Приоритетные проблемы общественного развития: от взаимных отношений властных, предпринимательских и общественных структур к институциональным формам взаимодействия // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 61–64.
- Лаан Ж. Реализация федеральных целевых программ: механизм управления // Экономист. 2007. № 11. С. 31–34.
- Лобко А.Г., Райзберг Б.А. Программно-целевое планирование и управление. М.: ИНФРА-М, 2002.
- Матрусов Н. Региональное прогнозирование и региональное развитие России. М.: Наука, 2008.
- Митрофанова И.В. Целевые программы как инновационный инструмент управления региональным развитием // Terra economicus. 2005. Т. 3. № 4. С. 85–92.
- Митрофанова И.В. Финансирование федеральных целевых программ: проблемы финансового несоответствия // Финансы и кредит. 2006. № 9. С. 2–6.
- Райзберг Б.А., Доценко Е.Ю. Сущность и роль программно-целевого планирования и управления в реализации государственной социально-экономической политики // Вопросы экономических наук. 2007. № 6. С. 113–119.
- Ратнер Н.М., Нестеренко О.Н., Ятнов В.А., Юрпаков С.Ю. Целевые федеральные программы. Екатеринбург: УрГЭУ, 2007.
- Симакова М.А. Частно-государственное партнерство в сфере венчурного финансирования // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 3 (22). С. 79–87.

Рукопись поступила в редакцию 21.11.2014 г.

СТРАТЕГИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В РОССИИ

А.М. Вайнмахер, Д.С. Шмерлинг

В статье анализируются требования к числу публикаций у исследователей: как с точки зрения целесообразности (соответствие установленным нормативам стратегии повышения авторитета российской науки), так и с точки зрения реализуемости (физическая возможность существующих журналов вместить все предполагаемое количество статей). Делаются выводы о необходимости более вдумчивого подхода к инструментам развития науки: привлечение компетентных элит к принятию решений о науке, возрождение традиции научных семинаров, выпуск собственных научных журналов с международными редколлегиями.

Ключевые слова: российская наука, инструменты развития науки, стандарты числа публикаций.

Argumenta ponderantur, non numerantur –
Сила доказательств в их весомости, а не
в количестве.

(Бабкин, Шендецов, 1994, кн. 1, с. 106)

ВВЕДЕНИЕ

С 1665., когда появился первый научный журнал в мире – *Journal des Savants*, печатные, а теперь и электронные научные журналы служат системой распространения научной информации. К этой же системе можно отнести «Indexes» (указатели), «Abstracts» (реферативные журналы) и т.п. Несмотря на то что стоимость издания вполне respectable ежеквартального бумажного журнала в Москве не превосходит 100–120 тыс.

© Вайнмахер А.М., Шмерлинг Д.С., 2015 г.

долл., корпорации и власти очень медленно реагируют на дефицит журналов, обострившийся из-за введенных ВАК формальных требований к фиксированному минимальному числу публикаций в ограниченном списке журналов.

По всей видимости, при разработке сегодняшней стратегии научных публикаций в России стоит иметь в виду две задачи: 1) *необходимо* больше переводить и издавать отечественные журналы на английском и других (возможно, уже и китайском) языках; 2) *целесообразно* пересмотреть сами нормативы числа публикаций.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И РАСЧЕТЫ

Для России общее число людей, которым необходимо регулярно публиковаться, достаточно приближенно можно вычислить по следующим данным:

- по официальным данным (Россия в цифрах, 2012, табл. 22.1–22.3) в 2010 г.¹ насчитывалось 1840 научно-исследовательских организаций (НИИ, НИЦ и др., т.е. учреждений, для которых научно-исследовательская работа является основным видом деятельности), а также таких 3492 организации, которые периодически выполняют научно-исследовательские работы (НИР), как конструкторские бюро, министерства, ведомства и др.;

- в 2010 г. в НИР было занято 1 736 500 человек, в том числе 368 900 исследователей и 59 300 техников;

- кроме того, прием в 2011 г. в аспирантуру было принято 50 582 человека, вы-

¹ Самые поздние данные в распоряжении авторов имеются за 2013 г. (см. (Наука. Инновации. Информационное общество, 2014), а также (Образование в цифрах, 2014)). Различия с приведенными в статье данными (за 2010 г.) не превышают 4–5%. Для целей приблизительных расчетов такие изменения не имеют принципиального значения.

пуск из аспирантуры в том же году составил 33 082 человека, в том числе защитили диссертации 9633 человека. Одновременно в 2011 г. в аспирантуре вузов и НИИ числилось 101 080 человек (т.е. аспирантов первого, второго и третьего года обучения). При этом основная часть аспирантов сосредоточена в вузах (около 85%), а остальные – в НИИ;

- в 2011 г. насчитывалось около 4500 докторантов;

- численность профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов составила в 2011 г. 319 000 человек.

Из перечисленной выше информации нас интересуют:

- исследователи – 368 900 человек;
- аспиранты – 101 080 человек;
- ППС – 319 000 человек;
- докторанты – 4500 человек.

Сложив эти три числа, получим численность исследователей, которым необходимо регулярно публиковать свои работы, таких будет 793 480 человек. Для удобства вычислений будем считать, что их численность составляет приблизительно 800 000 человек.

Вспомним и о том, что большая часть статей пишется не в одиночку, а в соавторстве. Оценить среднее число соавторов представляется довольно затруднительным делом из-за различий в предметных областях и других особенностей. Тем не менее *предположим*, что среднее число соавторов составляет 4,5 человека². Для определения числа статей, которые необходимо публиковать, разделим численность авторов (800 000) на предполагаемое среднее число соавторов (4,5) и получим примерно 178 000. Для удобства расчетов округлим это число до 200 000 «творческих коллективов».

В последнее время ясно проявилось стремление расширять участие России в международной научной деятельности. Например, в новых документах Высшей атте-

стационарной комиссии, а также Министерства образования и науки и ведущих вузов для защиты диссертаций требуется минимальное число публикаций (постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842) в так называемых ваковских журналах и журналах из основных баз данных (SCOPUS, Web of Science, а в перспективе, возможно, и др.). По самым скромным расчетам, преподаватель вуза, научный сотрудник академического или отраслевого НИИ, а также аспирант и любой человек, претендующий на научную степень и (или) научную или преподавательскую работу, должен в среднем в год публиковать³:

- одну статью в зарубежном журнале из ведущих баз данных;
- одну–две в отечественном ваковском журнале (для расчета примем 1,5).

Теперь оценим число статей, которые российские «творческие коллективы» должны опубликовать в год, согласно этим нормативам:

- в отечественных ваковских журналах 300 тыс. статей в год;
- в зарубежных журналах 200 тыс. статей в год.

При всей приблизительности эти расчеты дают представление о масштабах потребностей в печатных и (или) электронных изданиях для публикаций.

Произведем сначала расчет для отечественных журналов. Будем исходить из того, что средний по объему журнал выходит четыре раза в год и в каждом выпуске содержит 25 статей, т.е. может опубликовать на своих страницах около 100 статей в год. Всего ваковских журналов – примерно 2,5 тыс. Умножив одно на другое, получим потенциальную «возможность публикаций» – 250 тыс. статей в год. Это число статей, которые теоретически могут быть опубликованы в ваковских

² Среднее число авторов на одну публикацию, индексируемую Thomson Reuters, приводится в (King, 2012).

³ Нормы числа и статуса публикаций дифференцированы по ученым степеням, ученым званиям и должностям. Для удобства расчетов мы применяем усредненные показатели.

журналах за один год. При этом (см. выше) необходимо 300 тыс. статей, т.е. потребности явно превышают возможности. Таким образом, «мощности» отечественных ваковских журналов необходимо увеличить в 2 раза, если не больше.

Перейдем к иностранным журналам. Различные базы данных дают разное число журналов, но будем считать, что их приблизительно 25 тыс. Заметим, что при этом многие из них неизвестны российским авторам, во всяком случае российских авторов в этих журналах никогда не публиковали. Четыре выпуска в год примерно по 25 статей дадут 100 статей в год в среднем на один зарубежный журнал. Итого: возможно 2,5 млн статей по всем странам и наукам. А российским авторам необходимо публиковать по 200 тыс. статей в год (см. выше). Таким образом, примерно каждая десятая статья в зарубежном журнале должна быть российской. Мы предполагаем, что часть журналов будет малодоступна (если вообще доступна) российским авторам – или из-за малой известности этого журнала среди потенциальных авторов, или из-за невозможности/нежелания журналов публиковать так много статей авторов из России.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Некоторое время назад Китай столкнулся с проблемой нехватки журналов: научное развитие немислимо без обмена информацией между исследователями. Поэтому число научных журналов в Китае выросло с около 780 в 1978 г. до 4926 журналов по естественным и техническим наукам и 2456 журналов обществоведческой тематики в 2009 г. В результате с 2001 по 2008 г. доля авторов-резидентов КНР в глобальном объеме научных публикаций в Китае выросла с 4,7 до 10,0% (Сюн Циньянь, 2011). На настоящий момент эта доля стала еще больше.

Высокий процент публикаций китайских исследователей в зарубежных журналах в какой-то степени компенсируется «обратными» публикациями – зарубежных авторов в Китае. Это стало возможным благодаря «китайской хитрости»: большая часть новых китайских журналов издается на английском языке, с международной редакционной коллегией, имеет название, не наводящее на мысль о финансировании из китайских источников.

России имеет смысл последовать примеру Китая и наладить выпуск собственных научных журналов на двух языках с авторитетными международными редакционными коллегиями. Эти журналы необходимо широко распространять в России и за рубежом, причем в первые годы, безусловно, бесплатно. В первую очередь номера таких журналов необходимо рассылать во все крупные библиотеки мира, которых насчитывается сотни, а то и тысячи.

Помимо расширения возможностей публикаций для отечественных авторов стоит задуматься и о том, насколько весь подход к делу и, в частности, нормативам числа публикаций, в целом адекватен целям повышения уровня публикаций и улучшения репутации, в том числе повышения международных рейтингов российской науки.

Нормативы числа и размещения публикаций для получения надбавок и защиты диссертаций формируются, видимо, по принципу недавно вернувшихся в Россию норм ГТО⁴. Для защиты докторской диссертации по гуманитарным наукам необходимо иметь 15 публикаций в ваковских журналах, а по естественным и техническим наукам – 10 ваковских статей (постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). Почему, собственно, 15 и 10? Эти нормативы напоминают всем нам историю, произошедшую в одном из ведущих университетов с преподавателем, которая в гневе бросила, как бумеранг, толстую зачетку из твердого картона в лоб студенту, посмевавшему принести в

⁴ Готов к Трудю и Обороне.

качестве письменной работы *плагиат*. Позже на ученом совете предложили ввести «норматив»: доцент должен попадать в лоб такому студенту с 10, а профессор – с 15 метров. *И мы понимаем преподавателей, поддерживающих такой подход*. Что касается студентов, их мнение осталось неизвестным.

Относительно нормативов научная общественность, конечно, может гордиться тем, что «к штыку приравняли перо». Теперь можно, воспитывая молодых преподавателей, командовать «упасть и десять раз отжаться». Научные основы нормирования научной деятельности, однако, остаются совершенно неясными.

В Большом экономическом словаре дано следующее определение нормы выработки: «Количество операций, изделий, которое должно быть изготовлено или выполнено в единицу времени (час, смену и т.д.) в определенных организационно-технических условиях одним рабочим или группой рабочих соответствующей квалификации. <...> Устанавливается для работ с *большой повторяемостью* в течение смены на рабочем месте. Для нормирования труда основных рабочих она применяется в тех случаях, когда в течение рабочей смены выполняется *одна и та же работа* (курсив авт. – А.В., Д.Ш.) при неизменном составе исполнителей» (Большой экономический словарь, 2004, с. 581). Хотелось бы понять, в каком смысле подготовка, написание и издание научных статей можно считать «одной и той же работой» с «большой повторяемостью».

Представляется весьма сомнительным, что автору докторской диссертации нужно диктовать, сколько статей он должен опубликовать для описания своей работы. В истории науки, например, широко известно, что Огюстен Луи Коши писал много статей, а Карл Фридрих Гаусс – мало. При этом, насколько известно, никто им не диктовал, сколько статей нужно писать и где их публиковать. Еще в конце прошлого века в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья математика и философа Юлия Шрейдера, вот что

он тогда писал: «Сегодня нам пора осознать, что существующая зависимость нашей науки от ограничений секретности <...>, от кадровой политики чиновников, от системы рецензирования в журналах, от жесткой системы планирования и т.д. и т.п. совершенно несовместима с понятием академической свободы. А отсутствие атмосферы свободы обрекает нашу науку на то, чтобы вечно догонять современный уровень науки и пытаться не отстать навсегда» (Шрейдер, 2013, с. 10). Эти слова по-прежнему актуальны.

Кроме того, легко сообразить, что необходимость публиковать заранее заданное число статей, да еще приводящих к получению серьезных надбавок, может сказаться на их качестве. В статье «Умный пузырь» Александр Рубцов (Рубцов, 2014) верно подмечает: «прямая опора на библиометрию приводит к росту статей, но не смыслов», так как смещение «мотива на цель» приводит к распространению технологий «накачки» индексов цитирования.

Проректор НИУ ВШЭ, профессор кафедры институциональной экономики Константин Сонин рассуждает: «В принципе, неправильно выбирать журнал для публикации исходя из Web of Science и Scopus или списков Научного фонда. Как и готовить публикацию из расчета получить надбавку. Это совершенно перевернутая логика. Если ученый написал что-то, что он считает научной работой, почему он хочет, чтобы за это доплачивали какие-то надбавки? Неудивительно, что при таком подходе можно нарваться на разные проблемы» (Academic Forum..., 2014).

Начальник аналитического отдела Управления академической экспертизы Иван Стерлигов обращает внимание на то, что «в России мало хороших научных журналов, не связанных с вузами, НИИ или отделениями РАН. Финансирование они худо-бедно могут обеспечить, но взамен мы получаем келейность и работу журналов на диссоветы. Список проблем можно продолжать, но они все порождены не платностью» (Там же). Стоит отметить, что удивительным примером ваков-

ского журнала, административно не связанного ни с Академией наук, ни с университетами, может служить журнал «Полития»⁵, основанный известным российским политологом А.М. Салминым в 1996 г. В настоящее время председателем Совета журнала является профессор С.И. Каспэ.

Заместитель директора библиотеки НИУ ВШЭ по управлению электронными ресурсами Владимир Писляков пишет: «Самое важное, что может быть в журнале, – это качество рецензирования и отбора рукописей. Но это качество – как и все самое важное в жизни – сложнее всего оценить по формальным признакам». Не говоря о том, что число ссылок и рейтинг журнала также существенно зависят от предметной области. Так, например, медицина: число исследователей и потребителей медицинской информации заметно превосходит численность людей, занятых в других, не менее уважаемых областях.

Наметившаяся методика оценивать качество статей как «монотонно возрастающую функцию» от рейтинга – чем выше рейтинг журнала, тем статья лучше – приводит к аналогии с дамой, которая выбирает бриллианты по красоте коробочки. Есть авторы, которые печатаются там, где проще. Так было, например, с Лораном Шварцем⁶. Французский математик публиковал свои работы по так называемым обобщенным функциям не в модных британских или американских журналах, а в «малоизвестном журнале на малоизвестном языке в провинциальном городе»⁷, а именно в старейшем (основан в 1666 г.) журнале *Comptes rendus de l'Académie des sciences* (в Париже), послужившем примером для ряда журналов, например, «Докладов АН СССР» (РАН).

⁵ <http://www.politeia.ru/>

⁶ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D8%E2%E0%F0%F6_%CB%E0%F0%E0%ED

⁷ Об этом рассказывал академик В.И. Арнольд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегия по определению – это правило выбора контролируемых факторов в зависимости от поступающей информации (Васин и др., 2008, с. 6). Таким образом, управляющие параметры в стратегии повышения качества и международного авторитета российской науки должны быть более содержательными, чем формальное число статей и условный рейтинг журнала. Необходимо создавать условия для публикаций, а не жесткие стандарты, не обеспеченные реальными «мощностями».

Также важно признать, что повышение эффективности науки невозможно без благоприятного развития всех общественных процессов. Александр Рубцов, руководитель Центра исследования идеологических процессов Института философии РАН, обращает внимание на то, что причины реальной неэффективности науки – это проблемы «состояния, вектора и стратегии всего общества, включая политику и экономику» (Рубцов, 2014). Соответственно в более широком контексте стратегия научных публикаций в России должна в значительной степени принимать во внимание сложившуюся в нашей стране культуру научной работы и ее лучшие практики. Для этого российской элите, имеющей общественный авторитет, необходимо перестать игнорировать науку. Пока она у нас еще есть...

Главная проблема потенциальных авторов – наших многострадальных перегруженных работой преподавателей университетов и недофинансированных научных работников – не в том, что они мало пишут, а в том, что мало читают. По рассказам современников, академик А.Н. Колмогоров при обсуждении этого вопроса всегда рекомендовал прочитать десять хороших статей – а одиннадцатая напишется сама. Иными словами, следует возродить традицию семинаров академика А.Ф. Иоффе начала прошлого века. Из семинаров А.Ф. Иоффе, Н.Н. Лузина, его ученика А.Н. Колмогорова и В.И. Арнольда (ученика

А.Н. Колмогорова) выросли величайшие российские математические и физические школы. В те времена, когда студент или аспирант затруднялся прочитать статью, написанную, например, по-шведски, и говорил об этом А.Н. Колмогорову, Андрей Николаевич, удивляясь этой проблеме, отвечал примерно следующее: «Вот и выучите шведский язык!». Из сказанного можно догадаться, что ключ к развитию российской науки и, как следствие, повышению ее международного авторитета скорее нужно искать не в письменном столе ректора университета или директоров НИИ, а в «сумочке библиотекаря».

ru/newspaper/article/268490/kak_my_uchilis_uchitsya.

Шрейдер Ю. Троицкий вариант // История науки. 2013. № 134. 30 июля. URL: <http://trv-science.ru/2013/07/30/svoboda-kak-uslovie-razvitiya-nauki/> (перепечатка статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 1989 г.).

Academic Forum: Приложение к информационному бюллетеню «Окна академического роста». 2014. № 03(07). Май. НИУ ВШЭ.

King C. Multiauthor papers: Onward and upward, 2012. July. URL: http://archive.sciencewatch.com/newsletter/2012/201207/multiauthor_papers.

Рукопись поступила в редакцию 10.11.2014 г.

Литература

Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных слов и выражений, употребляющихся в русском языке без перевода. СПб.: Квотам, 1994.

Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. 6-е изд., доп. М.: Институт новой экономики, 2004.

Васин А.А., Краснощеков П.С., Морозов В.В. Исследование операций: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2008.

Наука. Инновации. Информационное общество: 2014: Краткий стат. сборник / Ред. кол. Л.М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

Образование в цифрах: 2014: Краткий стат. сборник / Ред. кол. Г.В. Андрушак и др. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». URL: <http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/19990/о%20порядке%20присуждения%20ученых%20степеней.docx/bc493f7c-1e87-4f26-885f-df66d64039c9>.

Россия в цифрах, 2012: Краткий стат. сборник. М.: Росстат, 2012.

Рубцов А. Умный пузырь // Ведомости. 2014. 27 июня.

Сюн Цинянь. Как мы учились учиться // Ведомости, 2011. 4 октября. URL: <http://www.vedomosti>.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ТАРИФНО-ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА РЫНКИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ¹

М.Г. Прокопьев

Рассматривается проблема количественной оценки влияния тарифной политики на рынки отдельных видов сельскохозяйственной продукции. Предложена соответствующая модель несовершенного замещения между импортной и отечественной продукцией, на основе которой могут быть определены процентные изменения: 1) цены на отечественную продукцию; 2) предложения отечественной продукции на внутреннем рынке; 3) спроса на импорт, в том числе по странам-партнерам (группам стран) в зависимости от небольших изменений импортных тарифов. Несмотря на достаточно жесткие предпосылки и ограничения, настоящая модель может быть полезным инструментом для анализа сценарных расчетов влияния тарифно-таможенной политики на рынки продовольствия и сельскохозяйственного сырья. *Ключевые слова:* тарифно-таможенная политика, рынки сельскохозяйственного сырья и продовольствия, несовершенное замещение, эластичность замещения, CES-функция, приближение Армингтона, модель COMPAS.

© Прокопьев М.Г., 2015 г.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-05898 «Моделирование влияния “возмущений” во внешнеторговой политике на рынки продовольствия и сельскохозяйственного сырья»).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы интерес к количественной оценке влияния внешнеторговой политики на продовольственные рынки значительно возрос (при этом в нашей стране таких исследований явно недостаточно). В мире для анализа внешнеторговой политики разработано немало разного рода моделей. Имеются и поддерживаются базы данных по многим странам (группам стран). Большой опыт такого рода исследований имеется в США, Австралии, ФРГ, ряде таких международных организаций, как ФАО и ОЭСР. Достаточно привести такие разработки, как COMPAS (на примере одной отрасли, нескольких стран, частичного равновесия) (Francois, Hall, 1993); USAGE-ITC (на примере многих отраслей, одной страны, общего равновесия) (The Economic Effects..., 2007); GTAP (на примере многих отраслей, многих стран, общего равновесия) (Hertel, 1997); SWOPSIM (на примере многих отраслей, многих стран, частичного равновесия) (Roningen, 1986); AGLINK-COSIMO (на примере многих отраслей, многих стран, частичного равновесия) (OECD, 2007); FAPRI (на примере многих отраслей, одной страны, частичного равновесия) (Meyers, Westhoff et al., 2010). Среди отечественных разработок отметим вычислимую модель общего равновесия RUSEC (Макаров и др., 1999), а также ее последующие модификации, направленные на решение конкретных экономических задач в различных сферах. Данные разработки, а также исследования в области эконометрической оценки систем спроса и предложения служат методической основой любых исследований в данной области.

Применительно к России в области моделирования и анализа внешнеторговой политики в сфере продовольствия были реализованы всего два проекта – RATSIM (включает страны СНГ, «остальной мир», несовершенное замещение, частичное равновесие) (Fock, Weingarten et al., 2000) и RAGLINK (рос-

сийский модуль системы AGLINK)² (OECD, 2007). Были проведены серии сценарных расчетов (Прокопьев, Киселев и др., 1999; Серова, Прокопьев и др., 2002; Прокопьев, 2004). На их основе разработаны соответствующие рекомендации в области тарифно-таможенной политики. Каждая из этих моделей (систем моделей) имеет свои несомненные достоинства, как, впрочем, и недостатки.

Формально данные модели представляют собой системы нелинейных уравнений, которые решаются с помощью численных методов. При достаточно строгих допущениях можно построить аналитическую модель и оценить влияние «возмущений» – небольших отклонений экзогенных параметров модели (например, импортных тарифов) от базовых значений на такие основные характеристики рынка, как процентные изменения цен и объемов спроса и предложения (объема продаж) отечественной и импортной продукции на внутреннем рынке. В ряде случаев такой подход вполне оправдан и позволяет получить необходимые результаты, не прибегая к сложным численным экспериментам. В настоящем исследовании используется методика моделирования внешнеторговых потоков в условиях несовершенного замещения, предложенная Армингтоном (Armington, 1969). Примером такой модели служит COMPAS (Комиссия по международной торговле США) для анализа ущерба отдельных отраслей промышленности США от демпинга (Francois, Hall, 1993). Можно отметить недостатки и ограниченность такого подхода, но в то же время это и источник его преимуществ, основные из которых приводятся ниже:

- взаимосвязи, заложенные в модель, легко прослеживаются;
- результаты поддаются прозрачной экономической интерпретации, допускают анализ ряда проблем экономической политики в области внешней торговли;
- необходимые данные относительно доступны либо – при определенных условиях – могут быть оценены количественно.

² Во всяком случае, известны автору статьи.

Перефразируя известное высказывание: модель должна быть настолько простой, насколько это возможно, и настолько сложной, насколько это целесообразно. Затраты ресурсов на более сложные и менее прозрачные модели не всегда оправданы, если основные результаты могут быть получены более простыми методами.

Настоящее исследование имеет следующую структуру: в первом разделе обсуждаются теоретические основы и структура модели влияния изменения импортных тарифов на отечественные рынки. Во втором рассматриваются методические подходы к оценке таких основных экзогенных параметров модели, как эластичности замещения. В заключительном разделе приводятся и анализируются результаты апробации модели на примере рынка мяса птицы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СТРУКТУРА МОДЕЛИ

В основу настоящей модели положены следующие достаточно сильные ограничительные допущения³:

- рассматривается рынок отдельной продукции (односекторная модель);
- страна является чистым нетто-импортером;
- для внутреннего рынка используется приближение «малой» страны⁴;
- к странам-экспортерам применимо приближение «большой» страны⁵;

³ В наибольшей степени данным допущениям соответствуют рынки сельскохозяйственного сырья, в частности мяса.

⁴ Приближение «малой» страны. «Малая» страна не может влиять на уровень мировых цен. Тем не менее такая страна может регулировать цену на импорт на внутреннем рынке посредством импортных пошлин и нетарифных ограничений.

⁵ Приближение «большой» страны в отношении стран-поставщиков в том числе предполагает,

• рынок отечественной и импортной продукции являются рынком с несовершенным замещением (Armington, 1969)⁶.

В свою очередь приближение Армингтона включает следующие три основные предпосылки:

• товары, произведенные в одной стране, являются абсолютно гомогенными (однородными), тогда как товары, происходящие из разных стран, являются несовершенными субститутами;

• предпочтения потребителя относительно покупки конкурирующих, но частично взаимозаменяемых товаров одной классификации остаются неизменными при покупке товара другого вида (слабая сепарабельность предпочтений потребителя). Другими словами, эластичности замещения между любыми двумя товарами одного вида должны быть независимы от объема спроса на товары других товарных групп⁷;

• эластичности замещения между товарами на внутреннем рынке остаются неизменными для любой пары стран-экспортеров.

В основу поведения потребителя и производителя положен двухступенчатый процесс принятия решений (Shells, Reinert, 1993). На первом уровне потребители принимают решения по поводу соотношения объемов спроса на агрегированный импорт и отече-

что объем импорта на отечественном рынке определяется только функцией спроса на импорт (импорт является совершенно эластичным по цене).

⁶ Товары, произведенные внутри страны и поступившие по импорту, не являются совершенно идентичными и различимыми с точки зрения предпочтений потребителя (существуют выраженные предпочтения потребителей для слабо различающихся категорий товаров, состоящих из подобных, но не идентичных товаров). Степень взаимозаменяемости определяется эластичностью замещения.

⁷ В частном случае эластичность замещения отечественного мяса птицы и мяса птицы, поступившего по импорту, не зависит от изменения спроса, например, на мясо КРС. В случае односекторной модели данная предпосылка опущена.

ственную продукцию, максимизируя функцию полезности (в нашем случае композит, который включает импортную и отечественную продукцию на внутреннем рынке) в рамках существующего бюджетного ограничения (см. рисунок).

Следуя Армингтону (Armington, 1969), функция полезности репрезентативного потребителя представлена функцией с постоянной эластичностью замещения (constant elasticity of substitution, CES)⁸:

$$Q(M, D) = as \cdot [\delta \cdot M^{(\sigma-1)/\sigma} + (1-\delta) \cdot D^{(\sigma-1)/\sigma}]^{\sigma/(\sigma-1)}, \quad (1)$$

где Q – композит отечественной и импортной продукции на внутреннем рынке; M – спрос на агрегированный импорт (объем продаж импортной продукции из всех стран-поставщиков на отечественном рынке); D – спрос на соответствующую отечественную продукцию (объем продаж отечественной продукции на внутреннем рынке); as – коэффициент шкалы CES-функции; δ – коэффициент распределения CES-функции; σ – эластичность замещения между отечественной и импортной продукцией на отечественном рынке, где $0 < \sigma < \infty$ ⁹.

При условии, что отечественные потребители, осуществляя выбор, стремятся увеличить собственную функцию полезности при существующем бюджетном ограничении, соотношение между спросом на отечественные и импортные товары (2) следует из условий первого порядка (необходимых условий экстремума функции полезности):

$$M = D \left[\frac{\delta}{1-\delta} \cdot \frac{p_d}{p_m} \right]^{\sigma}, \quad (2)$$

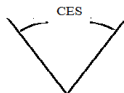
⁸ Здесь и далее индекс товарной группы (i) опущен.

⁹ Эластичность CES-функции (σ) получила также название эластичность замещения Армингтона. Если $\sigma = 0$, импортная и соответствующая отечественная продукция являются совершенными комплектами, если $\sigma \rightarrow \infty$, – совершенными субститутами.

Предложение отечественной продукции на внутреннем рынке

||

Спрос на отечественную продукцию на внутреннем рынке

Совокупный спрос

Спрос на импорт по отдельным странам-партнерам

Спрос на импорт

Структура модели влияния тарифной политики на рынок отдельных видов сельскохозяйственной продукции

где p_m – агрегированная цена на импортную продукцию на отечественном рынке; p_d – цена на отечественную продукцию на внутреннем рынке.

Соответственно дифференциал от логарифма правой и левой сторон (2) приводится ниже:

$$d \ln M = \underbrace{d \ln D}_{\text{Эффект 1}} + \underbrace{\sigma d \ln p_d - \sigma d \ln p_m}_{\text{Эффект 2}}, \quad (3)$$

Эффект 1 отражает процентное изменение спроса на отечественную продукцию вследствие изменения относительной цены. *Эффект 2* обусловлен несовершенным замещением между отечественной и импортной продукцией на внутреннем рынке.

В свою очередь производители корректируют объемы предложения в связи с изменением уровня цен. Притом что экспорт незначительный, условие равновесия на отечественном рынке можно записать как $D = S^{10}$. Полный дифференциал левой и правой сторон условия равновесия приводится в формуле (4):

¹⁰ Предполагается, что спрос на отечественную продукцию D (объем продаж отечественной продукции на внутреннем рынке) является функцией как цены на отечественную продукцию p_d , так и цены на соответствующие импортные поставки p_m . Предложение отечественной продукции на внутреннем рынке S зависит от цены на отечественную продукцию p_d .

$$\frac{\partial D}{\partial p_m} \cdot dp_m + \frac{\partial D}{\partial p_d} \cdot dp_d = \frac{\partial S}{\partial p_d} \cdot dp_d. \quad (4)$$

Перепишем уравнение (4) в следующем виде:

$$\frac{dp_d}{p_m} = \frac{\partial D / \partial p_m}{\partial S / \partial p_d - \partial D / \partial p_d} \quad (5)$$

или

$$\frac{d \ln p_d}{d \ln p_m} = \frac{dp_d}{p_m} \cdot \frac{p_m}{p_d} = \frac{\partial D / \partial p_m}{\partial S / \partial p_d - \partial D / \partial p_d} \cdot \frac{p_m}{p_d}. \quad (6)$$

С учетом условия равновесия, разделив числитель и знаменатель правой части (5) на D , получим:

$$\begin{aligned} \frac{d \ln p_d}{d \ln p_m} &= \frac{\partial D / \partial p_m}{\partial S / \partial p_d - \partial D / \partial p_d} \cdot \frac{p_m}{p_d} = \\ &= \frac{\frac{\partial D \cdot p_m}{D \cdot \partial p_m}}{\frac{\partial S \cdot p_d}{D \cdot \partial p_d} - \frac{\partial D \cdot p_d}{D \cdot \partial p_d}} \end{aligned} \quad (7)$$

или в терминах эластичностей (учетом условия равновесия)

$$\eta = \frac{d \ln p_d}{d \ln p_m} = \frac{\varepsilon_{dm}}{\varepsilon_s - \varepsilon_{dd}}, \quad (8)$$

где ε_{dm} – эластичность спроса на отечественную продукцию по цене замещающего импорта; ε_{dd} – эластичность спроса на отечественную продукцию по собственной цене; ε_s – эластичность предложения отечественной продукции.

Данный показатель отражает эффект трансформации цен на импортную продукцию во внутренние цены на аналогичную отечественную продукцию и зависит от многих факторов. В частности: чем больше эластичность предложения отечественной продукции ε_s , а также спроса на отечественную продукцию по собственной цене (поскольку $\varepsilon_{dd} < 0$), тем ниже η ; чем выше значение ε_{dm} – эластичности спроса на отечественную продукцию по цене замещающего импорта, тем η выше.

Или с учетом (24) рост цен на импорт будет иметь относительно небольшой эффект на внутренние цены, если: а) эластичность замещения сравнительно мала; б) доля импорта незначительна; в) большая эластичность предложения отечественной продукции.

Эффект влияния изменения уровня ставки импортных тарифов на относительное изменение цены импортной продукции на отечественном рынке приводится в формуле (9)¹¹:

$$d \ln p_m = \frac{dp_m}{p_m} = \frac{p_m^1 - p_m^0}{p_m^0} = \frac{\Delta t}{1 + t_0}, \quad (9)$$

где p_m^1 – цена на импортную продукцию после изменения тарифа; p_m^0 – цена импортной продукции до изменения тарифа; Δt – прирост импортной пошлины; t_0 – базовая тарифная ставка.

Тогда с учетом (7) и (9) эффект влияния изменения ставки импортных тарифов на относительное изменение цены на отечественную продукцию приводится в (10):

$$d \ln p_d = \frac{d \ln p_d}{d \ln p_m} \cdot d \ln p_m = \left(\frac{\varepsilon_{dm}}{\varepsilon_s - \varepsilon_{dd}} \right) \cdot \frac{\Delta t}{1 + t_0}. \quad (10)$$

Соответственно эффект влияния изменения ставки импортных тарифов на изменение предложения отечественной продукции (объем продаж отечественной продукции на внутреннем рынке) – в (11):

$$d \ln S = d \ln p_d \cdot \varepsilon_s = \left(\frac{\varepsilon_{dm} \cdot \varepsilon_s}{\varepsilon_s - \varepsilon_{dd}} \right) \cdot \frac{\Delta t}{1 + t_0}. \quad (11)$$

Из (11) следует, что: а) при η , близких к нулю либо при небольших ε_s объем предложения (продаж) отечественной продукции на внутреннем рынке не изменится при снижении (росте) импортных тарифов; б) в условиях снижения ставки импортных тарифов по большинству позиций согласно условиям, принятым

¹¹ Предполагается, что изменение цены на импорт является следствием изменения импортного тарифа: $p_m^1 = p_m^0 (t_0 + \Delta t)$.

Россией при вступлении в ВТО, данный эффект будет отрицательным; в) соответствующее снижение объема предложения отечественной продукции на внутреннем рынке (при прочих равных условиях) будет компенсировано за счет импорта, однако в условиях несовершенного замещения данный эффект несимметричен.

Перепишем уравнение (3) с учетом условия равновесия на отечественном рынке:

$$d \ln M = -d \ln S + \sigma(\eta - 1)d \ln p_m, \quad (12)$$

или с учетом (9) и (11):

$$\frac{\Delta M}{M} = \left[-\varepsilon_s \eta + \sigma(\eta - 1) \right] \frac{\Delta t}{1 + t_0}. \quad (13)$$

Из (13) можно сделать следующие выводы: относительный прирост (снижение) импорта определяется рядом факторов: а) относительным снижением (ростом) уровня тарифной защиты; б) эластичностью уровня цены на отечественную продукцию от цены на замещающий импорт; в) эластичностью замещения Армингтона; г) эластичностью предложения отечественной продукции на внутреннем рынке по собственной цене. В случае если η близка к нулю (цены на отечественную продукцию не реагируют на соответствующие изменение цены на импорт), относительный прирост импорта определяется уровнем относительного снижения тарифной защиты и эластичностью замещения σ . При этом, если эластичность замещения мала, объем продаж импортной продукции на отечественном рынке остается без изменений независимо от уровня тарифной защиты. При условии абсолютной взаимозамещаемости (σ велико) относительный прирост импорта будет определять эластичность замещения и относительное изменение уровня таможенной защиты. Можно предположить, что в данном случае эффект замещения будет значительным. При $\sigma = 1$ относительный прирост импорта равен относительному снижению уровня цен на импорт¹².

¹² Данный случай соответствуют функции полезности Кобба–Дугласа.

В противном случае η близка к единице (цены на импортную продукцию полностью трансформируются во внутренние цены), относительный прирост импорта равен по абсолютной величине относительному снижению отечественного производства. При этом чем больше ε_s , т.е. отечественное производство очень сильно зависит как от повышения, так и понижения цены на собственную продукцию, эффект будет значительнее.

На втором этапе (в верхнем правом углу рисунка) происходит распределение агрегированного импорта по странам-поставщикам. Потребитель в рамках бюджетного ограничения (затрат на агрегированный импорт) максимизирует субфункцию полезности (в нашем случае CES, композит, который включает импорт из разных стран-поставщиков, но не отечественную продукцию на внутреннем рынке):

$$U = \left[\sum_j b_j M_j^{\frac{\sigma_m-1}{\sigma_m}} \right]^{\frac{\sigma_m}{\sigma_m-1}}, \quad (14)$$

где j – индекс стран-поставщиков; M_j – объем импорта из страны j ; σ_m – эластичность замещения между импортом из любых двух стран (групп стран) на отечественном рынке.

Соответствующие функции спроса на импорт по странам-поставщикам следуют из условия первого порядка процедуры условной оптимизации:

$$M_j = \alpha_j^0 M \left[\frac{p_{mj}}{p_m} \right]^{-\sigma_m}, \quad (15)$$

где (при определенных допущениях) $\alpha_j^0 = M_j^0 / M^0$ – первоначальная доля импорта (в объемах) страны-поставщика j на отечественном рынке (см. (Hickman, Lau, 1973, p. 351)); p_m – индекс цен на композит (цена агрегированного импорта),

$$p_m = \sum_j \alpha_j^0 p_{mj}. \quad (16)$$

Сделав несложные преобразования (16), приходим к (17):

$$\frac{dp_m}{p_m} = \sum_j \left(\frac{M_j^0}{M^0} \cdot \frac{p_{mj}}{p_m} \right) \frac{dp_{mj}}{p_{mj}} = \sum_j Sh_j^0 \frac{dp_{mj}}{p_{mj}}, \quad (17)$$

где Sh_j^0 – первоначальная доля импорта (в стоимости) страны-поставщика j на отечественном рынке.

Дифференциал от логарифма левой и правой сторон (15) приводится ниже (18):

$$\frac{dM_j}{M_j} = \underbrace{\frac{dM}{M}}_{\text{Эффект 1}} - \sigma_m \underbrace{\left[\frac{dp_{mj}}{p_{mj}} - \frac{dp_m}{p_m} \right]}_{\text{Эффект 2}}. \quad (18)$$

Первая составляющая правой части данного уравнения (эффект 1) отражает относительный прирост (снижение) агрегированного импорта. Данный эффект подразумевает, что изменения в агрегированном импорте первоначально распределяются между странами-поставщиками согласно первоначальным рыночным долям. В то время как вторая составляющая (корректирующая) отражает процентное изменение рыночной доли импорта из страны j вследствие эффекта замещения между странами-поставщиками в результате изменений относительных цен.

Подставив в (17) соотношение (18), приходим к (19):

$$\frac{dM_j}{M_j} = \frac{dM}{M} - \sigma_m \left[(1 - Sh_j^0) \frac{dp_{mj}}{p_{mj}} - \sum_{k \neq j} Sh_k^0 \frac{dp_{mk}}{p_{mk}} \right] \quad (19)$$

или¹³

$$\frac{dM_j}{M_j} = \frac{dM}{M} - \sigma_m \left[\left(\sum_{k \neq j} Sh_k^0 \right) \frac{dp_{mj}}{p_{mj}} - \sum_{k \neq j} Sh_k^0 \frac{dp_{mk}}{p_{mk}} \right]. \quad (20)$$

¹³ Учитывая, что $Sh_j^0 + \left(\sum_{k \neq j} Sh_k^0 \right)$, k – индекс стран-поставщиков.

В случае если импорт рассматривается из двух групп стран, например страны СНГ ($j = 1$) и «остальной мир» ($j = 2$), и учитывая, что импорт из стран СНГ не облагается таможенными пошлинами, получим

$$\frac{dM_1}{M_1} = \frac{dM}{M} + \sigma_m Sh_2^0 \frac{dp_{m2}}{p_{m2}}; \quad (21)$$

$$\frac{dM_2}{M_2} = \frac{dM}{M} - \sigma_m Sh_1^0 \frac{dp_{m2}}{p_{m2}} \quad (22)$$

или, сделав несложные преобразования, приходим к (23):

$$\frac{dM_1}{M_1} - \frac{dM_2}{M_2} = \sigma_m \frac{dp_{m2}}{p_{m2}}. \quad (23)$$

В частности, из (21) следует, что относительный прирост (снижение) спроса на импорт из стран СНГ определяется относительным приростом (снижением) спроса на агрегированный импорт, эластичностью замещения импорта между двумя группами стран и относительным изменением цены на импорт из стран «остального мира», а также первоначальной долей импорта из стран «остального мира» на отечественном рынке.

Выражения (10), (11), (13) и (20) представляют собой систему последовательно решаемых уравнений, на основе которой могут быть определены процентные изменения: а) цены на отечественную продукции; б) предложения отечественной продукции на внутреннем рынке; в) спрос на импорт, в том числе по странам-поставщикам (группам стран), в зависимости от небольших изменений в тарифной политике.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ОСНОВНЫХ ЭКЗОГЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ МОДЕЛИ

Основной параметр модели – эластичность замещения между импортными и кон-

курирующими отечественными товарами подлежит экзогенной оценке с помощью эконометрических методов. В сочетании с информацией о рыночных долях и эластичностях совокупного спроса эластичность замещения при определенных теоретических предпосылках может быть использована для определения перекрестных эластичностей по цене. В частности, следуя Д. Франсуа и К. Райнерт (Francois, Reinert, 1997, p. 138), эластичность спроса на отечественную продукцию по перекрестной цене ε_{dm} определяется эластичностью замещения σ , эластичностью агрегированного (на композит отечественной и импортной продукции) спроса ε_d , первоначальной долей импорта на отечественном рынке в стоимостном выражении¹⁴ θ_m^0 :

$$\varepsilon_{dm} = (\sigma + \varepsilon_d) \theta_m^0. \quad (24)$$

В свою очередь взаимосвязь эластичности спроса на отечественную продукцию по собственной цене и эластичности замещения приводится в (25):

$$\varepsilon_{dd} = \varepsilon_d \theta_d^0 - \sigma \theta_m^0, \quad (25)$$

где θ_d^0 – первоначальная доля отечественной продукции в стоимостном выражении на внутреннем рынке, при этом $\theta_m^0 + \theta_d^0 = 1$.

Для эконометрической оценки эластичности замещения отечественной и импортной продукции может быть использовано линейно-логарифмическое представление уравнения (2). Сделав несложные преобразования, получим (см. (Прокопьев, 2012))

$$\ln\left(\frac{M}{D}\right) = \sigma \ln\left(\frac{\delta}{1-\delta}\right) + \sigma \ln\left(\frac{p_d}{p_m}\right). \quad (26)$$

Преобразуем (26) к виду

¹⁴ $\theta_m^0 = p_m^0 M^0 / P^0 Q^0$, где индекс «0» означает базовое значение соответствующих показателей; Q – композит отечественной и импортной продукции; P – цена композита.

$$\ln\left(\frac{M}{D}\right) = \beta + \sigma \ln\left(\frac{p_d}{p_m}\right), \quad (27)$$

где $\beta = \sigma \ln\left(\frac{\delta}{1-\delta}\right)$ – константа.

Эластичность замещения между импортом из пар стран-поставщиков или групп стран, например стран СНГ и «остальной мир», на отечественном рынке σ_m приводится в (28):

$$\sigma_m = \frac{\partial \ln(M_1/M_2)}{\partial (p_2/p_1)}. \quad (28)$$

Интегрируя (28) и сделав несложные преобразования, приходим к линейно-логарифмическому уравнению для эконометрической оценки σ_m :

$$\ln\left(\frac{M_1}{M_2}\right) = \text{const} + \sigma_m \ln\left(\frac{p_2}{p_1}\right). \quad (29)$$

Эластичности спроса на композит из отечественной и импортной продукции, а также эластичности предложения могут быть получены из соответствующих систем спроса и предложения. В настоящем исследовании данные параметры не оценивались и взяты из базы данных системы AGLINK-COSIMO. Модель апробирована на примере рынка мяса птицы.

АПРОБАЦИЯ МОДЕЛИ

Эмпирическую основу оценки эластичностей замещения между отечественной и импортной продукцией составили поквартальные (2000–2012 гг.) и годовые (2000–2012 гг.) данные Росстата, Минсельхоза РФ и Таможенной статистики внешней торговли РФ¹⁵. Эластичность замещения 1,67 получена

¹⁵ В объемы производства были включены как данные по производству сельскохозяйственных орга-

в результате эконометрической оценки (27). Данная оценка не противоречит предыдущим результатам. Так, в работе (Fock et al., 2000) эластичность замещения была принята на уровне 1,5. Соответствующие эластичности спроса на отечественную продукцию по собственной цене ε_{dd} и эластичности спроса на отечественную продукцию по перекрестной цене ε_{dm} рассчитаны исходя из (22) и (23) и получили следующие значения: $(-0,69)$ и $0,09$ ¹⁶.

Эксперименты с моделью показали, что снижение тарифных ставок на импорт не окажет существенного (критического) влияния на объем производства мяса птицы (объем продаж отечественной продукции на внутреннем рынке). В частности, снижение ставки импортной пошлины на 1% при прочих равных условиях приводит к сокращению объема отечественного производства на 0,031% и росту импорта на 0,056%. При этом объем импорта из стран «остального мира» возрастает на 0,07%. Процентное изменение объема импорта из стран СНГ незначительно.

Интерпретируя результаты моделирования, наряду с учетом степени надежности и достоверности исходных данных всегда нужно иметь в виду предположения, которые прямым или косвенным образом заложены в модель. В целом, несмотря на достаточно жесткие предпосылки и ограничения, а также имеющиеся недостатки, моделирование

низаций, так и данные о продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах населения (с учетом соответствующих коэффициентов товарности). В качестве цены на весь объем отечественной продукции приняты цены реализации сельскохозяйственных организаций. Цены на импортные поставки рассчитывались на базе средних контрактных цен с учетом соответствующих тарифных ставок.

¹⁶ В расчетах использованы следующие значения эластичностей мяса птицы: эластичности предложения по цене – 0,6 и агрегированного спроса по цене – $(-0,5)$. Источник: база данных AGLINK-COSIMO. Эластичность замещения импорта по странам-поставщикам принята на уровне 1,8 (Fock et al., 2000).

может быть полезным инструментарием для анализа сценарных расчетов влияния тарифной политики на рынки продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Литература

- Макаров В.Л. Вычислимая модель российской экономики RUSEC: Препринт # WP/99/069. М.: ЦЭМИ РАН, 1999.
- Прокопьев М.Г. Моделирование и анализ последствий введения импортных квот в области продовольствия // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3 (36). С. 133–142.
- Прокопьев М.Г. Оценка эластичностей замещения между импортной и отечественной продукцией // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4. С. 328–334.
- Прокопьев М.Г., Киселев С.В., Ромашикин Р.А. Анализ экономической политики в области внешней торговли России: результаты моделирования // Аграрная экономическая наука на рубеже веков: методология, традиции, перспективы развития. Никоновские чтения – 1999. М.: ВИАПИ РАСХН, 1999.
- Серова Е., Прокопьев М., Тихонова Т., Иванова И. Прогноз потребления основных продовольственных товаров в России в среднесрочной перспективе // Проблемы агропродовольственного сектора. М.: ИЭПП, 2002.
- Armington P.S. A Theory of Demand for Products Distinguished by Place of origin // IMF Staff Papers. 1969. № 16. P. 159–178.
- Fock A., Weingarten P., Wahl O., Prokopiev M. Russian's Bilateral Agricultural Trade: First Results of a Partial Equilibrium Analysis // Russia's Agro-food Sector. Towards Truly Functioning Markets. Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 271–301.
- Francois J.F., Hall K.H. COMPAS: Commercial Policy Analysis System. Washington: U.S. ITC, 1993.
- Francois J.F., Reinert K.A. Applied Methods for Trade Policy Analysis. Cambridge University Press, 1997.
- Hertel T.W. Global Trade Analysis. Modeling and application. Cambridge University Press, 1997.
- Hickman B.G., Lau L.J. Elasticities of Substitution and Export Demands in World Trade Model // European Economic Review. 1973. Vol. 4. P. 347–380.
- Meyers W.H., Westhoff P., Fabiosa J.F., Hayes D.J. The Fapri Global Modeling System and Outlook Process // Journal of International Agricultural Trade and Development. 2010. Vol. 6. P. 1–19.
- OECD (2007) Documentation of the Aglink-Cosimo Model, OECD, Paris. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=AGR/CA/APM\(2006\)16/FINAL&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=AGR/CA/APM(2006)16/FINAL&docLanguage=En).
- Roninger V.O. A Static World Policy Simulation (SWOPSIM) Modeling Framework // Staff Report № AGES860625. Washington, ERS USDA, 1986.
- Shells C.R., and Reinert K.A. Armington Models and Terms of Trade Effects: Some Econometrics Evidence for North America // Canadian Journal of Economics. 1993. Vol. 26. P. 299–316.
- The Economic Effects of Significant U.S. Import Restraints. Fifth Update 2007 // Investigation № 332–325. United States International Trade Commission. 2007.

Рукопись поступила в редакцию 09.07.2014 г.

*К 85-ЛЕТИЮ
Д.С. ЛЬВОВА –
ОСНОВАТЕЛЯ
ЖУРНАЛА:
УЧЕНИКИ
И СОРАТНИКИ
АКАДЕМИКА
ОБ ОСНОВАХ
И ГРАНИЦАХ
ЭКОНОМИКИ*

МЫСЛИМЫ

В.Г. Гребенников

Когда История ставит свои спектакли, она подбирает актеров под свой масштаб. Когда История отдыхает, спектакли ставят просто «люди». Спектакли эти любительские, и актеры для них отбираются под обычный человеческий размер, иначе говоря – мелочь.

* * *

Могут ли действия отдельного человека привести к грандиозным историческим последствиям, таким, например, как мировые войны? Нет! Человек, даже находясь на вершине огромной социальной машины, машины власти, не может стать причиной огромного события. Он всегда – молекула, муравей. Он – исполнитель. Но бывают исполнители великие и исполнители ничтожные.

* * *

Жизнь человека есть чудо. Разве не противоречит этому непосредственному и очевидному факту нашего опыта мысль о смерти как о химико-механическом разрушении тела, как о событии, в котором нет ничего чудесного, что является уделом, уравнивающим человека с амебой, даже с безжизненным камнем? Но если нет чуда человеческой жизни, значит, нет и чуда смерти, нет бессмертия.

Принцип собственности не создает «чужое», но придает ему способность быть украденным.

Режим собственности: право, не уравновешенное обязанностью. Режим коммунизма: обязанность, не уравновешенная правом (по мотивам Прудона).

Тайна собственности – не в содержании отношения, а в его форме. В собственности

© Гребенников В.Г., 2015 г.

нет ничего естественного, того, на что пытаются опереться концепции «трудового собственника» или «чувства собственника» ради возвеличивания собственности среди экономических мотиваций.

Собственность есть не воплощение свободы и не ее условие. Собственность есть ограничение свободы средствами свободы.

В собственности человек не *преживает*, он ее *имеет*. Вещь-собственность не захвачена жизнью, она предъявлена ей как что-то внешнее, незаполненное жизнью. Имение есть удержание вещи, но не через борьбу, не через завладение, а через метку, обозначение места, запечатленности лицом.

* * *

Интеллектуалы делятся на три группы: яйцеголовые (чья умственная деятельность – это в основном сублимация половой энергии); головоногие (голова – орган движения: по карьерной лестнице, беготни за деньгами и т.п.); русские интеллигенты. «Русский» в данном случае не означает этнической принадлежности, русским интеллигентом может быть и японец, и готтентот. Правда, в России они чаще встречаются, откуда и название. У русского интеллигента голова – орган эмоций. Точнее, голова и сердце – один и тот же орган или два дублирующих друг друга органа. Если негр «думает танцуя», то русский интеллигент думает сердцем, страдает или радуется головой.

* * *

Основа превращения возможности в действительность – принцип избытка. Основа превращения причины в следствие – принцип экономии. Расточительство возможностей – условие становления действительного. Кратчайший путь, минимум затрат – условие стабильности ставшего.

* * *

Покой – это не неподвижность. Это слитность, неразделенность. Покой – это абсолют.

* * *

Противоположностью высказывания «все ложно» является не «все истинно», а «только одно истинно». Противоположностью «все» является «одно», а не «ничего».

* * *

По мотивам Ницше. Поиск смысла – это поиск наличествующей вовне воли, поиск уже вложенной извне воли, вместо того, чтобы вкладывать ее самому. Это понятие «ради чего» не в себе, а в вещи, вне себя и не ради себя.

* * *

Не только и не столько охранителем, защитником, гарантом, но прежде всего источником права является сила, преимущество сильного или благородного. Право есть самоограничение власти, самоограничение способности к насилию, безнаказанному завладению, к жестокости. Это же относится и к инстинкту справедливости, который есть то же, что и инстинкт права. Перейдем от биологизма в трактовке «воли к власти», «силы сильного» и т.д. к социальной трактовке – и дело сделано. Уверенность в будущем против озабоченности будущим. Веселое против серьезного. Расточительство против накопительства.

* * *

Каждый отдельный человек есть копия однажды сделанных открытий, образец в последовательном ряду других «образцов». Но копии, одна за другой, не могут быть равнокачественными. Они постепенно тускнеют, размываются, слабеют. Род вырождается.

* * *

Вера – не противоположность знанию, точнее, она противоположность незнанию (как вообще противоположность чувства, «аффекта» нечувству, «разуму»). Вера есть противоположность чувству же, но другому – чувству деятельной причастности всему, чувству ответственности.

* * *

Главная роль, которую призван исполнять человеческий мозг (именно человеческий, этот венец биологической эволюции), – сдерживать, тормозить инстинктивные влечения. Это роль по преимуществу разрушительная, а не созидательная. Попутно мозг может быть употреблен и на другое, что обычно приписывают ему в качестве главного, например на изобретательность, мышление, искусство.

А для чего человеку дана совесть? Может быть, для ответа пригодится следующая сентенция: продолжение руки – меч (или плуг); продолжение мозга – компьютер (или деньги?); продолжение совести – наркотик (или арфа?). Грезится мне, что совесть и мозг – злейшие враги, но против страсти они действуют заодно, с той разницей, что мозг ее разрушает, умиряет и т.д., а совесть – рафинирует, действует против ее естественной основы, первоизданной грубости, связи с «почвой». Праведники были величайшими страстотерпцами, доводя до экстаза, предельного эмоционального напряжения стремление избавиться от грубой телесности страсти, преодолеть (и превзойти) ее в отвлеченных мечтаниях. Допустим, так, но зачем, зачем? Мозг, понятно, нужен, чтобы человека не разорвали эмоции, и с этой задачей он более или менее справляется (пускаясь при этом на хитрые уловки, скажем, принимая роль «услужника страстей»). Какую позитивную функцию выполняет совесть (если принять, как и в случае с мозгом, что она дана человеку в конечном счете во благо)? Чтобы ни одна из противоборствующих сторон, «рацио» и «эмоцио», не одержала верх, уравнивает их силы, фокусируя страсти, чтобы направить их по ложному пути?

* * *

Существует только форма, пустая, в смысле – без «помещенного в ней» содержания. То, что называют содержанием, есть поток, траектория изменения формы, след, оставляемый в языке или в образе изменением формы.

* * *

Проблема неравенства: совместимы ли принципы «экономической свободы» (деятельности, собственности) и «благополучия для всех»? Проблема собственности: совместимы ли принципы «свободы экономической деятельности» и «свободы собственности»? Проблема государственного вмешательства: ограничение свободы граждан есть расширение свободы чиновников. Вопрос в пропорции – что больше.

* * *

Нормально-активная человеческая жизнь возможна лишь благодаря тому, что основная часть наших действий регулируется бесчисленными «автопилотами», помимо сознания, которое им только помешало бы.

Старость есть фаза жизни, когда эти автопилоты начинают отключаться и приходится все чаще осуществлять управление «вручную», напрягая сознание; увы, явно недостаточная замена... Потому старикам всегда не хватает времени – они все делают медленнее, не столько из-за физической слабости, а главным образом из-за неизбежной замедленности ручного управления по сравнению с автопилотами. Но «зонтик» защитных приспособлений в целом держится до последнего мига, когда он внезапно исчезает. И не надо искать причины – ее нет. Это конец события, называемого человеческой жизнью. Это и есть смерть. Болезнь способна измучить, но не убить. Или, может быть, лучше сказать так: любая болезнь, даже вроде бы неопасная, способна убить – но только когда ей позволят это сделать. При наличии «зонтика» автопилотов она бессильна.

* * *

Содержать рыночную экономику (с ее колоссальными транзакционными издержками) может позволить себе только богатое общество. Содержать рыночную экономику с государственным регулированием может позволить себе только очень богатое общество. Разве нельзя говорить об определенном типе

экономики, что он «дорог» или «дешев», и соотносить его стоимость с ресурсами, которыми располагает данное общество?

Рыночная экономика основана на добровольной обменной сделке частных лиц. Свобода действий (в данном случае в экономической плоскости) – это благо, но ведь оно не обходится даром. Принуждение – это ущерб с точки зрения отдельного лица, но разве не избавляет оно от необходимости оплачивать свободу?

Обычно рассуждают прямо противоположным образом. Свобода действий – это, как воздух, даровое благо, которое само по себе ничего не стоит, но приносит экономические плоды. А если и стоит, то меньше, чем дает. Поэтому инвестиции в рыночные институты – экономически выгодный проект. Принуждение же невыгодно, потому что оно само по себе дорого (содержание аппарата принуждения) и малоэффективно с точки зрения большинства общественных задач, за исключением немногих, не говоря уже о том, что оно отнимает у частных лиц такую несомненную ценность, как свобода действий, возможность выбора.

Либерализм как экономическое учение приписывает себе заслугу научного доказательства того, что свобода есть не только социальное, «гуманитарное», благо, но и важнейший ресурс в руках частных лиц, от использования которого экономически выигрывает и все общество. Следовательно, богатым может быть только общество, располагающее экономической свободой. Даже если учитывается, что этот ресурс стоит дорого, калькуляция связанных с ним затрат и результатов выводится с заведомо положительным балансом. Даже если признается, что между издержками и отдачей экономической свободы пролегал более или менее продолжительный период времени, наполненный жертвами и тяготами неимущих классов, и что выдержать его способно лишь общество, располагающее определенным запасом экономической прочности, накопившее некоторый жирок (как, к примеру, Западная Европа к началу капиталистической эры), то все-таки движение к экономической

свободе выдается как единственно возможный и универсальный путь к благосостоянию.

При этом экономическая свобода накрепко связывается с частной собственностью. Частная собственность – это единственный ограничитель экономической свободы, который необходим и допустим. С другой стороны, частная собственность (присвоение) – это естественный мотив экономической свободы. А государство предстает как минимальное ограничение экономической свободы, необходимое для защиты частной собственности. Поэтому идеальное государство есть государство всемирное. У него нет рубежей, которые стесняют экономическую свободу и, требуя защиты, побуждают к расширению функций власти за пределы «естественного минимума».

Этими немногими понятиями и программными установками исчерпывается система либерализма. Лучшей системы для партии, выступающей от имени всей экономики – но только экономики, экономики как одной из функций общественного организма, – и быть не может. Либерализм прав как наиболее последовательное выражение замысла, суть которого – полное поглощение общества экономикой, тотальная экономика как вариант тоталитарного общества. Либерализм прав, утверждая, что такое поглощение возможно. И не только возможно в принципе, но и весьма вероятно как продолжение и завершение уже существующей линии развития группы западных стран.

* * *

Мысли рождаются абсолютно уникальными. Под общий ранжир их подгоняет родитель – обезьяноподобное существо со страстью к переимчивости и «интеграции».

Но за свободой слова в действительности стоит его резкое обесценение, а за исчезновением очередей за товарами – их резкое удорожание.

* * *

Я по сути своей человек-дерево. Откликаюсь на события только шевелением листоч-

ков, но не двигаясь. Меня можно пересадить в горшок, на другую почву. Я болею. Привыкаю (до сих пор привыкал). Если мне чего-то хочется, жду, когда это «что-то» подойдет близко, придвинется, и не способен на большее, на какие-то активные действия. Я всегда хотел покоя, только покоя, внешней неподвижности. Я всегда хотел только одного – молча и неподвижно читать книги, молча и неподвижно думать о чем-то. То, что мне кажется моей повышенной отзывчивостью, это отзывчивость дерева. Дерево чутко реагирует на перемены ветра, шелестит листочками. Но – не движется.

* * *

Однажды пережил минуту хорошего ощущения смерти. Я лежал на кровати, гостившая у меня внучка чем-то занималась за столом, было тихо и на редкость покойно. Не мысль, а именно ощущение мира без меня, совсем без меня, без единого моего следа, как сомкнувшаяся вода над головой с просвечивающим солнцем. Ощущение неожиданно светлое, даже радостное. Мысль зашевелилась чуть позже – может ли такое быть, если умираешь не в тишине и душевном покое, а в физических страданиях и страхе перед болью и близким концом?

* * *

«Тайная миссия» науки – держать мысли людей под контролем. Например, собираются для того, чтобы в очередной раз удостовериться, что все думают одинаково. Любопытство и любознательность, возможность отметить на людях, показаться на глаза начальству, переговорить по делам – эти мотивы второстепенны.

Считается, что творческого человека будто кто-то все время подталкивает под руку, ему хочется выразиться не только в своем обычном занятии. Увы! Или в науке можно преуспеть, не будучи творческим человеком? Наверное, так – большинство выполняет не творческую, а противоположную ей охранную (сохранения общего видения мира) функцию науки, тоже очень трудоемкую и требующую немалой изощренности.

* * *

Беседуя на лабораторных посиделках на отвлеченные темы философии науки, вспомнил цитату из только что прочитанного Уайльда (De Profundis): «Теперь мы уже знаем, что видим не глазами и слышим не ушами. Они – всего-навсего органы, точно или искаженно передающие наши ощущения. Только в нашем мозгу мак алеет, яблоко благоухает и жаворонок звенит». Мир существует только для нас. Только для нас он закономерен и имеет устойчивые формы. В себе и для себя он не нуждается ни в каких законах и формах, как и в том, чтобы быть в себе и для себя.

«Самостоятельный поступок – вот что реже всего встречается в человеке». Уайльд цитирует Эмерсона, развивая мысль, что Христос был величайшим индивидуалистом. Это одна из центральных его тем. По Уайльду, и социализм ценен именно своей возможностью расцвета индивидуализма. Не используя эту возможность, он становится особенно опасен.

* * *

Профессионализм в экономике как науке – по-моему, это умение извлекать достаточно надежные факты – цифры, сведения о поведении, об изменениях законодательных норм в конкретных областях, об «устройстве» экономических институтов – и работать с ними. Остальное – либо не экономика (а, скажем, математика), либо дилетантизм, т.е. просто развлечение, хотя и небесполезное.

* * *

Понятие самодержавия адресуется не только власти, другой его полюс – это общество, стелющееся под власть, утилизирующее власть в своих частных разборках или не принимающее власть как таковую, т.е. отдающее ей свое жизненное пространство без боя.

* * *

Какой смысл имеет моя деятельность по писанию всяческих текстов? Главное – что-то изобрести, как-то поярче что-то сформули-

ровать. Боженька услышит, умилится (или возмутится – в общем, его как-то проймет) и, глядишь, вмешается в ход вещей, причем не обязательно в соответствии с моими фантазиями, может быть, как раз наоборот, что-то сделает по-своему – у него свое в голове. А ему-то все доступно, плевать он хотел на обстоятельства, причины и следствия, объективные законы и игру людских интересов. Мое творчество имеет шанс включить в действие высшие силы, вот и весь смысл моей деятельности – испытать этот шанс. У гениев этот шанс действительно реализуется. Но они потому и гении, что получилось. А пока они только творят, выкидывают какие-то коленца, они еще не гении, а обыкновенные люди.

* * *

Страх общества перед безработицей – своего рода атавизм, рудиментарное переживание действительно ужасного социального зла, каким было аграрное перенаселение; у западного человека к этому прибавилось историческое воспоминание о мировом экономическом кризисе между великими войнами XX в. Мальтузианское давление на средства существования, когда оно достигает невыносимой остроты. Если за «безработицей» стоит именно это, тогда разговор один. Если же безработица – оборотная сторона комфорта западной экономики, ведь черновой работы «для иностранцев» в ней всегда в избытке, или выражение структурной несостыкованности систем социализации (включая образование) и рабочих мест или, как в России, безработица выступает как формально бездеятельное состояние больших масс людей, активно и не без успеха изыскивающих средства к существованию за пределами официально признанной системы рабочих мест, тогда, очевидно, проблема должна стоять иначе и на несколько тонов ниже. Схожие мысли можно найти у Мюрдаля в его «Драме Азии».

* * *

Методы обоснования экономической политики и научная теория суть принципи-

ально разные вещи. Для второй важно единство основания, для первых – прагматизм выводов, здравый смысл, неизбежно прибегающий к разным основаниям и примиряющий их. Вальрас, теоретик общего равновесия, в экономико-политическом плане был «аграрным социалистом», как и Г. Джордж, еще раньше – Д.-С. Милль, выступая за изъятие рентных доходов у землевладельцев в пользу общества. С другой стороны, Адам Смит ухитрился выстроить две экономические теории из диаметрально противоположных оснований, выводя экономические явления в «Теории нравственных чувств» из постулата альтруистичности человеческого поведения, в «Богатстве народов» (вышедшей позднее) – из постулата своекорыстного эгоизма. Для чисто теоретических конструкций это вполне допустимо. Что касается практической политики, она вольна черпать свои выводы из разных теоретических источников в зависимости от того, абстрактные предпосылки какой из них ближе всего подходят к существованию конкретной задачи и чертам конкретной ситуации.

* * *

Недостаток воображения отличает механистический стиль «новых русских» в экономической науке и объясняет, хотя бы отчасти, их радостную готовность к роли неофитов западной экономики, миссионерствующим в заблудшей России.

Я за принципиальное неприятие любых попыток «экономической» теории государства, представляющей его игроком реального или воображаемого рынка, и ее применения в теории публичных финансов, экономической и социальной политики. Государство, если оставить в стороне его участие в гражданском обороте, трансцендентно гражданскому обществу, основанному на контракте. Налог (в чистом виде, не смешиваясь с доходом от госимущества) выступает как экономическая реализация публичной власти. Монополия на принуждение – единственное и конечное ее основание, и отношению между государством и налогоплательщиком нельзя вменить

свойства обмена полезностями. Развивая эту общую установку, можно предложить гипотезу о некоем «g-факторе», связанном с существованием государства и необходимым для нормального функционирования общественного организма в целом. Понижение этого фактора до критически низкого уровня приводит к быстрому разрушению общества. Не в этом ли причина неожиданного краха государств, таких как Советский Союз, казалось бы, обладавших запасом прочности если не на века, то на десятилетия?

* * *

Выплыли с В. Зотовым на интересный разговор о либерализме. Начался он с моего заявления, что, прочитав Фернандо де Сото, я стал либералом. Экономический либерализм я понимаю как доктрину, выступающую за отмену привилегий в доступе к ресурсам, как антитезу «меркантилистской» системе, где государство выступает как орудие формирования привилегий и их перераспределения между борющимися между собой «перераспределительными синдикатами» (де Сото). Зотов на это возразил, что, напротив, подлинный либерал – это барин, готовый частично поделиться своими привилегиями с неравными себе, но ни в коем случае не отказывающийся от них полностью. Русский язык, соединяющий образ либерала с образом барина, точно улавливает подлинную суть дела. Продолжая тему, я размышлял о том, что идеал экономической демократии, общества частной инициативы, свободы самоустроения жизни плохо совместим с существованием современных хозяйственных организаций-монстров, недемократичных внутри и достаточно сильных, чтобы выжимать из государства привилегии для себя. И еще: непонятно, как свободное предприятие сопряжено с дорогими мне ценностями коллективизма. Зотов на это ответил, что экономическая свобода является необходимым условием «лучезарного», а не мрачно-жественного и принудительного коллективизма, но, конечно, условием не достаточным. Нужно еще что-то (что?), без чего свободное

предпринимательство действует, как кислота, разлагая архаические формы коллективизма, но не давая ничего взамен.

* * *

Читаю отдельные места у Бокля (странно, что прочесть его целиком, от начала до конца, мне ни разу не захотелось). Весьма яркое описание зловещей роли протестантской церкви в истории Шотландии XVI–XVII вв. Возглавив борьбу за независимость против Англии, шотландская церковь приобрела безоговорочное доверие в народе и воспользовалась им для установления жесточайшего диктата над местным обществом (впечатляющий исторический прецедент для оценки тоталитарных систем XX в.). Как мало подходит картина, рисуемая Боклем, для иллюстрации «капитализирующей миссии» протестантской этики! Чтобы убедить человека в необходимости неусыпной опеки над ним, лучше всего его как следует напугать и вбить ему в голову, что никакое предприятие в этой жизни не является ни чистым, ни надежным. Какой уж тут дух капитализма... Впрочем, и аргументы М. Вебера не так поверхностны, как это обычно выглядит в ссылках на его книгу. Беспрецедентным засильем церкви Бокль объясняет контраст между бурным развитием торговли и промышленности в Шотландии и убожеством духовной жизни народа. С другой стороны, поскольку шотландская церковь в политической (антианглийской) сфере была диссидентствующей церковью, эта сфера и стала той отдушиной, где проявился дух рационалистической критики и где Шотландия дала миру высочайшие образцы – Д. Юм и А. Смит. Но власть церкви не могла не отразиться на методе, выбранном обоими этими гигантами, методе преимущественно дедуктивном. Духом дедукции проникнуты обе главные работы А. Смита – «Теория нравственных чувствований» и «Богатство народов». Если первая выводит мир человеческих поступков и общественных явлений из предпосылки сочувствия как доминирующего свойства человека, то вторая – из прямо противоположного

начала, из своекорыстия, извечного эгоизма человеческой натуры.

* * *

Хорошо бы срежиссировать коллективную беседу на какую-нибудь научную тему в духе джазового концерта. Партнеры выются вокруг главной линии, то уходят от нее, импровизируя каждый в отдельности на первом плане, то, как бы отступив все разом в глубинную площадку, соединяются в унисон – и мощная, слитная кода с общим выходом вперед... Наверное, не только в джазе открывается красота пульсации «раздельное – слитное», восторг возвращения к партнеру... А может быть, такая пульсация есть общее свойство ритма всего живого в этом мире?

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЗНАНИИ И РЕФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

В.Е. Дементьев

Только страсти – и только великие страсти могут поднять душу до великих дел. Без них конец всему возвышенному, как в нравственной жизни, так и в творчестве... Умеренные страсти – удел заурядных людей.

Д. Дидро

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Анализ того, в какой мере экономическая теория учитывает эмоциональную (от лат. *emoveo* – потрясаю, волну) составляющую экономического поведения, эмоциональные факторы принятия решений, показывает, что, несмотря на возросшее внимание экономистов и социологов к теме эмоций (см., например, (Yu, Zhou, 2007; Irons, Hepburn, 2007; Liu, Wang, 2009; Oliver, 2009; Goodenough, 2008; Fuchs, 2007; Merkle, 2007)), оно остается недостаточным. Между тем в сферах, связанных с инновациями, неопределенностью, необходимостью принятия решений в условиях явного недостатка когнитивных и временных ресурсов, эмоциональный фактор принятия решений часто является доминирующим. Соответственно для таких областей поиск возможностей учета этих эмоций ключевой (Калмыкова, Юдкевич, 2006).

© Дементьев В.Е., 2015 г.

начала, из своекорыстия, извечного эгоизма человеческой натуры.

* * *

Хорошо бы срежиссировать коллективную беседу на какую-нибудь научную тему в духе джазового концерта. Партнеры выются вокруг главной линии, то уходят от нее, импровизируя каждый в отдельности на первом плане, то, как бы отступив все разом в глубинную площадку, соединяются в унисон – и мощная, слитная кода с общим выходом вперед... Наверное, не только в джазе открывается красота пульсации «раздельное – слитное», восторг возвращения к партнеру... А может быть, такая пульсация есть общее свойство ритма всего живого в этом мире?

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЗНАНИИ И РЕФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИКИ

В.Е. Дементьев

Только страсти – и только великие страсти могут поднять душу до великих дел. Без них конец всему возвышенному, как в нравственной жизни, так и в творчестве... Умеренные страсти – удел заурядных людей.

Д. Дидро

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Анализ того, в какой мере экономическая теория учитывает эмоциональную (от лат. *emoveo* – потрясаю, волну) составляющую экономического поведения, эмоциональные факторы принятия решений, показывает, что, несмотря на возросшее внимание экономистов и социологов к теме эмоций (см., например, (Yu, Zhou, 2007; Irons, Hepburn, 2007; Liu, Wang, 2009; Oliver, 2009; Goodenough, 2008; Fuchs, 2007; Merkle, 2007)), оно остается недостаточным. Между тем в сферах, связанных с инновациями, неопределенностью, необходимостью принятия решений в условиях явного недостатка когнитивных и временных ресурсов, эмоциональный фактор принятия решений часто является доминирующим. Соответственно для таких областей поиск возможностей учета этих эмоций ключевой (Калмыкова, Юдкевич, 2006).

© Дементьев В.Е., 2015 г.

Последствия подобного пренебрежения ими могут быть весьма отрицательны для социальной теории. По мнению Ходжсона, в объяснении формирования индивидуальных намерений обязательно должны присутствовать психологические механизмы. Если их нет, то возникает искушение сделать больший акцент на открытом принуждении и ограничении, а не на более тонких механизмах социального воздействия, не на самосозидании индивидов. Развитие теории институциональной динамики Ходжсон фактически связывает с раскрытием того, каким образом социальные институты могут формировать и воспроизводить индивидуальные цели и предпочтения, как отдельные индивиды приобретают или изменяют свои верования, мотивы, цели или предпочтения (Hodgson, 2007). В условиях, когда множество привычек, оказывающих сильное влияние на действия людей, бессознательны, концепции, связывающие деятельность индивидов лишь с их разумным сознанием, представляют искаженную картину действительности.

Это относится и к описанию экономической динамики. Удовлетворение от достигнутых результатов или недовольство текущим состоянием дел (статусом, доходом, доступом к информационным ресурсам) суть эмоции, обуславливающиеся включением фактора времени в экономический анализ (Калмыкова, Юдкевич, 2006, с. 82). Эти эмоции – побудительный фактор или стремления к сохранению существующей ситуации, или к ее изменению. Насколько корректно считать такого рода эмоции результатом умственного восприятия и переработки соответствующей информации?

Интересные с этой точки зрения результаты дают исследования, в явном виде рассматривающие эмоции радости и сожаления, эмоции удивления и эйфории как проявление реакции на реализацию того или иного исхода (Bell, 1982, 1985; Brandstatter at al., 1999; Hermalin, Isen, 1999; Kimball, Willis, 2006; Loomes, Sugden, 1982). Так, теория удивления исходит из того, что сюрприз является допол-

нительным источником полезности. В этой теории присущие человеку когнитивные и эмоциональные процессы трактуются как исключаящие друг друга. Чем больше времени было потрачено индивидом на обдумывание того или иного решения, тем меньшую ценность будет представлять для него неожиданно приятный исход. Непосредственное отношение к эволюции социально-экономических систем имеет вывод теории удивления о том, что сюрприз – первый шаг к корректировке текущей ментальной модели. Чем чаще мы удивляемся происходящим вокруг нас событиям, тем неизбежнее мы пересматриваем существующие ментальные модели (Brandstatter at al., 1999). Удивление, сюрприз, чудо предстают факторами преодоления институциональной инерции. Однако если ментальная модель приемлет определенные чудесные явления, то они могут укреплять такую ментальность.

То, что доводы рассудка и эмоции играют отличающуюся роль при разной ментальности, констатируется социальной психологией. Образованные или обладающие аналитическим умом люди скорее откликаются на доводы рассудка, нежели менее просвещенные или менее склонные к аналитическому мышлению (см., например, (Майерс, 2007, с. 299)). Социальная и экономическая нестабильность особенно благоприятна для воздействия на тех, кто не вникает в суть непростых обстоятельств и ограничивается их поверхностным объяснением. Стресс и эмоциональное возбуждение ослабляют внимание и делают людей более восприимчивыми к неубедительным аргументам (Майерс, 2007, с. 324).

Таким образом, эмоциональный фактор, с одной стороны, может служить преодолению институциональной инерции, с другой – способен открывать простор для манипулирования институциональным развитием. Так, из кризисных 1930-х гг. Германия и США при сопоставимой технологической базе вышли на весьма отличающиеся институциональные траектории. Учет эмоциональной подоплеки весьма важен для осмысления социально-эко-

номических преобразований, сопровождающих и во многом обеспечивающих выход экономики на новые технологические рубежи.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПОДОПЛЕКА СМЕНЫ «ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ»

Довольно широко признано, что мировая экономика стоит на пороге новой технологической революции, которую связывают с использованием нано-, био- и информационно-коммуникативных технологий. Однако реализация потенциала принципиально новых технологий, как правило, требует радикального пересмотра ориентиров и приемов наилучшей хозяйственной практики, того, что К. Перес называет «технико-экономической парадигмой». Когда эти ориентиры становятся общепринятыми, они определяют «здравый смысл», основу, на которой строится любая деятельность или институт, формируют культуру соответствующего периода. Изменения, вызванные технологической революцией, не ограничиваются экономикой, а проникают в сферы политики и даже идеологии. Эти сферы в свою очередь влияют на то, в каком направлении потенциал революции будет развиваться. Для того чтобы насладиться потенциалом каждой новой парадигмы, должны произойти мощные изменения в инвестиционном поведении, в организационных моделях, максимизирующих эффективность, в ментальности всех членов социума и институтах, позволяющих существовать и поддерживающих экономические и социальные процессы (Perez, 2002).

Несомненной заслугой теории долгосрочного экономического развития является обоснование того, что принципиальные не только технологические, но и социально-экономические перемены – это достояние не только прошлого. Такие перемены – необходимый элемент исторического процесса. Они предо-

пределены логикой общественного развития, представляющей в виде последовательной смены технико-экономических парадигм. О конце истории нельзя говорить не только для отстающих в развитии стран, но и для стран-лидеров.

В ходе рыночных реформ большинство населения России испытало шоковое приобщение к пока еще господствующей в индустриально-развитых странах технико-экономической парадигме. Освоение отвечающей этой парадигме наилучшей практики до сих пор далеко от овладения приемами инновационной конкуренции, в значительной мере сфокусировано на маркетинге деловых и не только деловых связей, на монетаризации социальных отношений.

Между тем очередная смена технико-экономической парадигмы в рамках развивающейся технологической революции сулит нашей стране новую ломку хозяйственных и ценностных ориентиров. Затягивание их ревизии будет чревато закреплением страны на периферии мирового экономического развития. С другой стороны, к большим потерям способно привести и очередное игнорирование рациональной преемственности в этих ориентирах при излишне радикальном их развороте.

Каким образом происходит смена технико-экономических парадигм, соответствующих общественным институтам? Ответ на этот вопрос имеет специфику для лидирующих и менее развитых стран. Однако весьма важен и для тех, и для других. Обновление парадигмы открывает перед отстающими новые возможности для того, чтобы догонять, а то и обгонять, если лидеры подвержены избыточной инерции. Поэтому способность к опережающему другим пересмотру ориентиров и приемов наилучшей хозяйственной практики является принципиальным условием достижения или удержания ведущих позиций.

Такого рода способность к обновлению институтов во многом является заложницей уже существующей системы институтов. Как писал Веблен, «социальные институты, не только сами есть результат процесса отбора

и приспособления, формирующего преобладающие или господствовавшие типы отношения и духовную позицию; они в то же время являются особыми способами существования общества, которое образует особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора» (Веблен, 1984, с. 200). Поэтому институциональная система с низкими адаптивными возможностями склонна к воспроизводству такого своего качества. Здесь можно говорить об институциональной ловушке на системном уровне.

Вместе с тем, страны самим ходом мирового технологического развития оказываются перед выбором: или малоперспективное движение по инерционной траектории, или сход с этой траектории за счет институционального маневра. От каких факторов зависит развитие событий в точке бифуркации, преобладание в созидательном разрушении первой, а не второй составляющей? Возможно ли и при каких условиях существенное повышение адаптационных качеств институциональной системы в ходе указанного маневра? В какой мере его радикальность определяется глубиной и продолжительностью экономического кризиса? Все эти вопросы побуждают к более пристальному вниманию к эмоциональной подоплеке смены технико-экономических парадигм и социальных институтов.

Их обновление может происходить несколькими путями. Первый путь – спонтанное развитие приемов ведения бизнеса и социальных правил с последующим естественным отбором и закреплением в качестве общих ориентиров хозяйственной практики и социальных институтов. Если А. Алчаном (Alchian, 1950) этот путь рассматривался как достаточно функциональный, то Д. Норт (Норт, 1997) показал возможность формирования в результате естественного отбора и неэффективных институтов.

Второй путь – целенаправленное формирование институтов. Оно допускает множество вариаций по степени и способам вовлеченности в этот процесс различных социальных групп: от многостороннего

сближения взаимных ожиданий этих групп относительно основных прав и свобод до институционального переформления своего представления о балансе интересов доминирующей социальной группой.

Третий путь, во многом пересекающийся со вторым, – заимствование институтов. При этом образцами для заимствований обычно выступают институты, продемонстрировавшие свою эффективность в более успешных экономиках.

Реальное развитие институтов идет по комбинированной траектории. Для переходных экономик особенно актуально использование институционального опыта передовых стран. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что рациональное заимствование (трансплантация) обеспечивает ускорение социально-экономического развития стран (Полтерович, 2001, 2007).

В эмоциональном плане велик соблазн копировать самые современные институты из наиболее эффективных экономик. Речь идет о пропуске реципиентом промежуточных этапов развития и копировании в качестве стартовых позиций передовых форм институтов. Однако, как аргументирует В. Полтерович, такая «шоковая» трансплантация имеет меньше шансов на успех по сравнению с заимствованием промежуточных форм институтов. Ориентиром могут быть те их формы, которые показали свою работоспособность, когда условия в стране-доноре были близки к условиям в стране-реципиенте.

Каждый из вариантов обновления общественных институтов сопряжен со своими трудностями, но в любом случае в той или иной мере подвергаются ревизии правила, хозяйственные и ценностные ориентиры. Чем глубже укоренились эти ориентиры, тем значительнее роль, которую в отказе от прежних и обретении новых ориентиров играют эмоциональные факторы.

Это верно даже применительно к научному сообществу, призванному обеспечить теоретическое оформление здравого смысла, отвечающего актуальной технико-экономи-

ческой парадигме. Наивысшие достижения в этом деле, как правило, появляются в результате сочетания ремесла и вдохновения. Тем драматичнее бывает пересмотр прежней системы взглядов и теоретических положений. Аргументы, опирающиеся на другую систему взглядов, весьма часто не воспринимаются оппонентами. В таких ситуациях лишь эмоциональное потрясение способно побудить к отходу от прежних убеждений и теорий.

Не секрет, что такое потрясение испытали некоторые искренние сторонники плановой системы, погрузившись во время заграничных командировок в западное потребительское изобилие. Для части наших сограждан, привыкших жить при «развитом социализме», весьма неожиданным и поэтому особенно эмоционально влиятельным оказалось заключение Андропова о том, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся» (Андропов, 1983).

В этой связи представляется односторонней оценка Т. Веблена иррационального лишь как консервативного фактора экономического развития (Веблен, 2007). Как известно, позитивное социальное переустройство Т. Веблен видел в переходе власти от «мира бизнеса» (праздного класса) к «миру индустрии», ведущая роль в котором принадлежит инженерно-техническому персоналу. Однако такое изменение социальных позиций не сводится к воплощению миром индустрии рациональных решений, опирающихся на его действительное знание. Здесь требуется ломка мировоззренческих установок и привычек этого мира находиться в подчиненном положении у мира бизнеса. Без мощных эмоциональных импульсов подобная ломка вряд ли возможна.

КРИЗИСЫ ОЖИДАНИЙ

Жизненный цикл технико-экономической парадигмы может сопровождаться несколькими кризисами ожиданий. Такие

кризисы формируют благоприятный эмоциональный фон для поисков технологических и институциональных инноваций.

Кризис, начавшийся в 2007 г., не без оснований связывают как с существенным снижением интенсивности потока технологических инноваций, поскольку действующие технологии широкого применения уже в основном исчерпали свои возможности как мотор экономического роста, а новые пока не готовы взять на себя эту роль, так и с неоправдавшимися ожиданиями быстрого, долговременного роста мировой экономики. Как указывает В. Полтерович, для таких ожиданий были основания (Полтерович, 2009). В последние 30 лет мировая экономика действительно быстро росла. Нередко высказывалось мнение о том, что механизм роста изменился и наступила эра бескризисного развития. В это, видимо, верили не только инвесторы, но и регуляторы. Среди исследователей, участников рынка и политических деятелей была распространена точка зрения, согласно которой острые финансовые кризисы либо являются делом прошлого, либо относятся к «волатильным» возникающим рынкам. Выявившаяся ошибочность такого рода представлений заставляет усомниться в эффективности ряда институтов стран – лидеров мировой экономики. Однако некоторое время интенсивность инновационных поисков в институциональной сфере значительно уступает поискам в технологической сфере. Институциональные потребности очередной технологической революции остаются пока столь же неопределенными, сколь расплывчаты и контуры, пропорции будущей технологической базы производства.

Следует, однако, учитывать, что кризисы ожиданий подстерегают экономическое развитие не только на закате жизни технико-экономических парадигм. Важным является, в частности, период, когда начинает исчерпываться эффект от внедрения новых технологий в зрелые отрасли. Еще один заслуживающий внимания период наступает при стабилизации синергического эффекта от кла-

стеризации новых технологий. Следует отметить и время перехода от масштабной экспансии новых технологий к стадии заполнения ими относительно мелких рыночных ниш, к развитию на основе улучшающих инноваций. Предшествующие этим периодам достижения способны породить завышенные ожидания дальнейшего быстрого наращивания возможностей производства.

Первый переломный момент наступает, когда начинает снижаться ресурсная подпитка новых технологий за счет спроса со стороны зрелых отраслей. Возникает ситуация, при которой вопрос об изменении институциональной системы начинает приобретать острый характер. Обновленная система призвана обеспечить накопление ресурсов для развития новых технологий на собственной ресурсной базе, закрепить соответствующее понимание наилучшей бизнес-практики.

В США потребность в обновлении институциональной системы выявилась к 1980-м гг., когда существующая система обнаружилась выдыхающей способностью поддерживать развитие как передовых, так и базовых отраслей. Об этом можно судить по снижению реальных частных инвестиций в разные виды оборудования (рис. 1), и темпам роста ВВП (рис. 2).

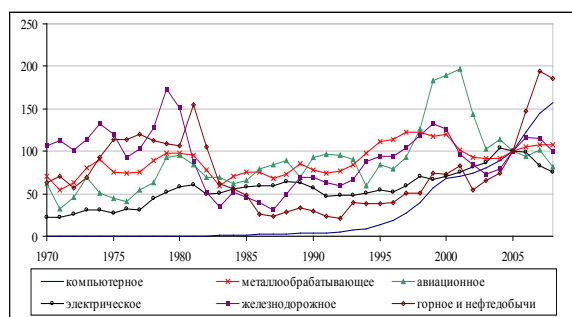

Рис. 1. Реальные частные инвестиции в отдельные виды оборудования, % по отношению к инвестициям 2005 г.

Источник: рассчитано по данным Bureau of Economic Analysis (США).

Период перестройки экономической структуры, подготовки к росту на основе информационных технологий в условиях рейганомики занял несколько лет. Вместе с тем, как видно из рис. 1, начавшийся в 1983 г. экономический подъем происходил во многом не на основе наращивания инвестиций, а за счет рекомбинирования экономических ресурсов, за счет синергического эффекта от комплексного перехода к новым технологиям сопряженных производств, от кластеризации новейших технологий. Процессы рекомбинирования сопровождались значительными корректировками оценок активов фондовым рынком, что усиливало риск инвестиций в реальные активы. Снижение инвестиций в них в этот период происходило на фоне возрастающей интенсивности биржевых операций и при широком вовлечении в биржевую игру иностранных инвесторов. С 1982 по август 1987 г. промышленный индекс Dow Jones практически утроился. Ожидания дальнейшего удорожания акций подкреплялись пятью годами беспереывного роста экономики США. Однако эмоциональный страх потерять все подталкивает игроков к паническому реагированию на негативную информацию. Так, обеспокоенность инвесторов несбалансированностью американской экономики способствовала обвалу основного фондового индикатора США Dow Jones на 22,6% в «черный понедельник» 19 октября 1987 г.

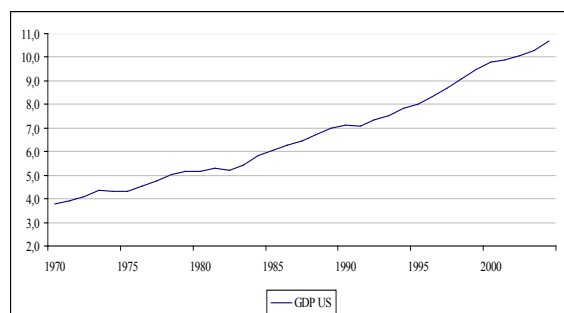

Рис. 2. Динамика реального ВВП США, трлн долл.

Источник: Bureau of Economic Analysis (США).

В 1980-е гг. выявилась и обратная сторона рекомбинирования ресурсов посредством операций на фондовом рынке. Свой вклад в разогрев фондового рынка сносят скупающие акции с целью финансового шантажа (greenmail). Цель гринмэйла – либо получение отступных в имущественной или неимущественной форме за отказ от претензий, либо продажа скупленного пакета акций по завышенной цене если не заинтересованным собственникам, то на рынке, пользуясь созданным самими шантажистами ажиотажем.

Следующий переломный период связан с исчерпанием эффекта масштабов при развитии новых и модернизированных производств, что сигнализирует о достижении фазы зрелости технологического жизненного цикла. Для этого периода характерно перенасыщение рынка. Стремление к расчистке рынков, к дальнейшему наращиванию эффекта масштабов побуждает к мерам по расширению потребительского спроса. Складывающаяся ситуация может подталкивать к снижению социальной дифференциации в обществе, особенно если в период наращивания производственных мощностей она достигла вызывающих общественное негодование размеров. Соответствующие меры способны порождать у массы потребителей ожидания устойчивого роста своего благосостояния. Однако оно имеет свои пределы, определяемые как технологическими, так и институциональными обстоятельствами. Таким образом, неоправданный оптимизм, оборачивающийся в дальнейшем разочарованиями, может наблюдаться не только в бизнес-среде.

Кризис ожиданий, вызывающей критическое отношение к системе существующих институтов, способен возникнуть даже на фоне растущего потребления, если его увеличение отстает от выросших на ожиданиях запросов (Вятр, 1979, с. 308). На это обратил внимание еще Токвиль. Ссылаясь на пример Французской революции, он отметил, что «к революциям не всегда приводит только ухудшение условий жизни народа. Часто случается и такое, что народ, долгое время без жа-

лоб переносивший самые тягостные законы, как бы не замечая их, мгновенно сбрасывает их бремя, как только тяжесть его несколько уменьшается. Общественный порядок, разрушаемый революцией, почти всегда лучше того, что непосредственно ей предшествовал, и, как показывает опыт, наиболее опасным и трудным для правительства является тот момент, когда оно преступает к преобразованиям. Только гений может спасти государя, предпринявшего попытку облегчить положение своих подданных после длительного угнетения. Зло, которое долго терпели как неизбежное, становится непереносимым от одной только мысли, что его можно избежать. И кажется, что устраняемые злоупотребления лишь еще сильнее подчеркивают оставшиеся и делают их еще более жгучими: зло действительно становится меньшим, но ощущается острее. Феодализм в самом своем расцвете никогда не вызывал у французов такой ненависти, как в канун своего падения» (Токвиль, 1997, с. 141). При этом, как отметил Токвиль, жалобы на сложность административного механизма становились все настойчивее непосредственно перед революцией не потому, что политические институты сделались хуже; напротив, они значительно улучшились.

Целесообразно учитывать роль подобных эмоциональных обстоятельств, связанных с кризисом ожиданий, при анализе развития экономических институтов как в рамках жизненного цикла технико-экономической парадигмы, так и при смене этих парадигм.

Фактором обращения к новым истинам могут быть как кризисы (включая кризисы ожиданий), так и чудесным образом обретаемые блага. Демонстрация возможностей, не имеющих рационального объяснения, – известный прием повышения доверия к осуществляющему такие чудеса и в этой связи к его учению. Достоинство уважения, когда такие способности используются во благо. Сложнее ситуация, когда чудеса только обещаются и эти обещания служат эмоциональным рычагом для разрушения сложившихся устоев. За такими обещаниями могут скрываться как

способствующие социально-экономическому развитию, так и заводящие его в тупик планы.

Выявление тенденций, действительно определяющих формирование новой технико-экономической парадигмы, соответствующих ей институтов – весьма сложная задача. В сложившихся условиях отвечающие новой парадигме идеи могут выглядеть и, как правило, выглядят несерьезными. Подобное вообще характерно для радикальных инноваций или, по выражению Кристенсена, «подрывных» технологий. На первых порах они воспринимаются как ненужные потребителями, приносящими большую часть дохода ведущим компаниям (Кристенсен, 2004, с. 16). Успешным компаниям с хорошими менеджерами по-настоящему трудно делать то, что не соответствует их модели зарабатывания денег. «Подрывные» технологии редко представляются приоритетными как раз в то время, когда инвестиции в них особенно важны, поэтому привычная мудрость менеджеров зрелых фирм и оказывается тем барьером, который возводится перед предпринимателями и инвесторами (Там же, с. 232). Всегда велик риск, что конкретная идея о характеристиках продукта или рыночных приложениях «подрывной» технологии окажется нежизнеспособной.

Своего рода входные барьеры, в частности, в виде инерции экономического мировоззрения, существуют и в сфере идейных оснований социально-экономического развития. Тем важнее наличие в обществе, в научной среде пионеров, эмоционально нацеленных на осмысление пока еще весьма дискуссионной перспективы, а не на лавры ведущих теоретиков временно доминирующей парадигмы. Таким пионером был академик Д.С. Львов.

Литература

- Андронов Ю.В. Речь на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г.
 Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

- Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.
 Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979.
 Калмыкова И.Ю., Юдкевич М.М. Экономика и эмоции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 3.
 Кристенсен К.М. Дилемма инноватора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
 Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007.
 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
 Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
 Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007.
 Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. №6.
 Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Моск. философский фонд, 1997.
 Alchian A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58.
 Bell D. Regret in Decision Making under Uncertainty // Operations Research. 1982. № 30 (5). P. 961–981.
 Bell D. Disappointment in Decision Making under Uncertainty // Operations Research. 1985. № 33 (1). P. 1–27.
 Brandstatter E., Kuhberger A., Schneider F. Surprise in Decision Making Under Risk // Conference Proceedings for the 24th IAREP Conference, 1999.
 Fuchs M. Emotions and Emotion Work in Organisation Studies. 2007. URL: <http://ssrn.com/abstract=1280027>.
 Goodenough O.R. Institutions, Emotions and Law: A Goldilocks Problem for Mechanism Design. Vermont Law School. Working Paper. November 2008.
 Hermalin B., Isen A. The Effect of Affect on Economic and Strategic Decision Making. Economics Working Papers E99–270. University of California at Berkeley, 1999.

-
- Hodgson G.M.* Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // *Organization Studies*. 2007. Vol. 28. № 1. P. 95–116.
- Irons B., Hepburn C.* Regret Theory and the Tyranny of Choice // *Economic Record*. 2007. Vol. 83. № 261. P. 191–203.
- Kimball M., Willis R.* Utility and Happiness. Working Paper. University of Michigan, 2006.
- Liu M., Wang Ch.* A Tale of Two Dimensions: Trust and Distrust as Two Distinct Mechanisms for Explaining the Influence of Emotions in Negotiation. Presented at the 22nd Annual International Association of Conflict Management Conference Kyoto, Japan June 15–18, 2009.
- Loomes G., Sugden R.* Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice under Uncertainty // *The Economic Journal*. 1982. № 92 (368). P. 805–824.
- Merkle Ch.* An Interdisciplinary Approach to the Impact of Emotions on Financial Decision Making. 02/28/2007. URL: <http://ssrn.com/abstract=1097131>.
- Oliver R.* Goodenough, Institutions, Emotions, and Law: A Goldilocks Problem for Mechanism Design // *Vermont Law Review*. 2009. Vol. 33.
- Perez C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002.
- Yu R., Zhou X.* Neuroeconomics: Opening the Black Box of Economic Behavior // *Chinese Science Bulletin*. 2007. Vol. 52. № 9. P. 1153–1161. URL: <http://ssrn.com/abstract=1021791>.

«РУАНСКИЕ СОБОРЫ» И «ПСИХОЗ»: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА И ПРЕФЕРЕНЦИЙ

Б.А. Ерзнкян

«Руанские соборы» – гениально задуманная и не менее, если не более гениально исполненная серия из нескольких десятков картин, созданных в 1890-х гг. французским художником-импрессионистом Клодом Моне на тему и под впечатлением собора в Руане – старейшего культового христианского сооружения в столице римской провинции в северной Галлии. В стилистическом отношении этот поистине достойнейший символ Франции, перестраивающийся на протяжении веков и вобравший в себя все – от следов романского стиля до явно выраженной готики, многолик, и в этом смысле о нем можно говорить как не об одном, а о многих соборах. Но не архитектурная множественность вдохновляла художника. Им двигало другое, и это была множественность иного плана: меняющийся облик собора в зависимости от времени суток, от климатических условий, от неопостижимой игры света и цвета. И в самом деле: влажные пары воздуха на рассвете создают от собора впечатление иное, чем закатное, когда камни озаряются теплыми розовыми лучами, или, скажем, полуденное, когда яркие лучи света подчеркивают всю мощь собора. В ветреную и ненастную погоду импрессия от поверхности камней – рябая, в дни безветренных и солнечных – темно-серая.

Это что – одни и те же камни или они суть различны? Один и тот же объект, говоря словами Манделштама, «художник нам избразил» или мы имеем дело с его различными

© Ерзнкян Б.А., 2015 г.

-
- Hodgson G.M.* Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // *Organization Studies*. 2007. Vol. 28. № 1. P. 95–116.
- Irons B., Hepburn C.* Regret Theory and the Tyranny of Choice // *Economic Record*. 2007. Vol. 83. № 261. P. 191–203.
- Kimball M., Willis R.* Utility and Happiness. Working Paper. University of Michigan, 2006.
- Liu M., Wang Ch.* A Tale of Two Dimensions: Trust and Distrust as Two Distinct Mechanisms for Explaining the Influence of Emotions in Negotiation. Presented at the 22nd Annual International Association of Conflict Management Conference Kyoto, Japan June 15–18, 2009.
- Loomes G., Sugden R.* Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice under Uncertainty // *The Economic Journal*. 1982. № 92 (368). P. 805–824.
- Merkle Ch.* An Interdisciplinary Approach to the Impact of Emotions on Financial Decision Making. 02/28/2007. URL: <http://ssrn.com/abstract=1097131>.
- Oliver R.* Goodenough, Institutions, Emotions, and Law: A Goldilocks Problem for Mechanism Design // *Vermont Law Review*. 2009. Vol. 33.
- Perez C.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002.
- Yu R., Zhou X.* Neuroeconomics: Opening the Black Box of Economic Behavior // *Chinese Science Bulletin*. 2007. Vol. 52. № 9. P. 1153–1161. URL: <http://ssrn.com/abstract=1021791>.

«РУАНСКИЕ СОБОРЫ» И «ПСИХОЗ»: ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА И ПРЕФЕРЕНЦИЙ

Б.А. Ерзнкян

«Руанские соборы» – гениально задуманная и не менее, если не более гениально исполненная серия из нескольких десятков картин, созданных в 1890-х гг. французским художником-импрессионистом Клодом Моне на тему и под впечатлением собора в Руане – старейшего культового христианского сооружения в столице римской провинции в северной Галлии. В стилистическом отношении этот поистине достойнейший символ Франции, перестраивающийся на протяжении веков и вобравший в себя все – от следов романского стиля до явно выраженной готики, многолик, и в этом смысле о нем можно говорить как не об одном, а о многих соборах. Но не архитектурная множественность вдохновляла художника. Им двигало другое, и это была множественность иного плана: меняющийся облик собора в зависимости от времени суток, от климатических условий, от непостижимой игры света и цвета. И в самом деле: влажные пары воздуха на рассвете создают от собора впечатление иное, чем закатное, когда камни озаряются теплыми розовыми лучами, или, скажем, полуденное, когда яркие лучи света подчеркивают всю мощь собора. В ветреную и ненастную погоду импрессия от поверхности камней – рябая, в дни безветренных и солнечных – темно-серая.

Это что – одни и те же камни или они суть различны? Один и тот же объект, говоря словами Мандельштама, «художник нам избразил» или мы имеем дело с его различными

© Ерзнкян Б.А., 2015 г.

ипостасями, а то и с несводимыми объектами? Сингулярность и плюрализм стали – смеем мы здесь предположить и домыслить – для художника поистине наваждением: как передать на холсте непередаваемое, все время меняющееся, неуловимое? Да и есть ли вообще решение – четкое, однозначное, непротиворечивое – проблемы фиксации объекта, ускользающего от фиксации?

Решение было найдено, и оно в сериальной фиксации объекта. Таковой, представленный не единично, а серией, множеством, циклом, требует адекватного и, в сущности, нестандартного решения. Множественность объекта, вызванная изменчивостью внешней среды, требует множественности средств его выражения.

В истории с Моне источник множественности – внешняя среда, а именно природно-климатические явления, воздействующие то ли на объект возможного – и при этом, добавим, принципиально меняющегося – изображения, то ли на меняющееся восприятие художником самого (имеется в виду неизменного) объекта. Так или иначе, но последний предстает перед нами не сам по себе, а в зависимости от внешних условий он каждый раз являет художнику-зрителью свой новый, не похожий на прежний образ. А могли ли внутренние условия повлиять на художника, ну скажем, на состояние его духа? В принципе да, но не в ситуации с Моне. Будучи истинным приверженцем импрессионизма, он старался делать только одно: фиксировать своим «совершенным глазом» изменчивость объекта и добросовестно переносить все малейшие детали на полотно. Не хватит одного, ну что же, создадим два, три, десять – столько, сколько нужно; перебора не будет – неудавшиеся же полотна просто уничтожим.

Итак, имеем: объект или множество объектов – X , внешние условия, воздействующие на объект, – e . Выборщик имеет дело с парой $\{X, e\}$.

Обратимся теперь к истории, раскрывающей ситуацию внутреннего воздействия на объект, когда отношение к объекту также

неоднозначное, но источник его появления кроется внутри индивида. Это история другого мирового шедевра – фильма Альфреда Хичкока «Психоз» (или «Психо»), Psycho, что в буквальном переводе означает не сам феномен как таковой, а человека, подверженному вольно – с научной точки зрения – истолкованному явлению психоза). В профессиональном смысле психоз знаменует собой нарушение произвольной адаптации психической деятельности человека. Также отметим, что к эндогенному проявлению психоза относится шизофрения – полиморфное психическое расстройство или группа психических расстройств, для которых характерны отклонения в восприятии реальности или ее отражения. Этимология слова (шизо, «раскалываю» + френ, «ум, рассудок») часто вызывает у специалистов ошибочные ассоциации с раздвоением личности – неточным наименованием диссоциативного расстройства идентичности, что, впрочем, для нас и целей данного эссе не столь существенно. Вернемся к фильму. Его интрига заключается в следующем: хозяин мотеля, Норман Бэйтс, испытывает влечение к девушке по имени Мэрион, но «оживающая» в нем временами горячо любимая, но уже давно умершая мать категорически не приемлет этих чувств сына; и после того как Норман отвечает отказом на ее требование отстраниться от девушки, «мать» решает ее убить и осуществляет свой замысел в ванной, пока та моется. Судьи в замешательстве: кто убил девушку? Ответ – Норман – одновременно и истинен, и лжив. Неоднозначность очевидна. В чем тут подвох?

Источник множественности эндогенен, один и тот же объект – девушка – воспринимается различными alter ego героя фильма по-разному: у каждой альтер-личности – сына и матери – имеются собственные, внутренние шаблоны восприятия и взаимодействия с окружающей, внешней средой.

Таким образом, здесь налицо объект – X , внутренние условия, воздействующие на объект, – p . Выборщик с раздвоенной психикой имеет дело с парой $\{X, p\}$.

И в «Руанских соборах», и в «Психозе» объект не предстает в чистом виде. Это всегда пара: объект *per se* в сцеплении/увязке с внешними (средовыми) либо внутренними (индивидуальными) условиями соответственно.

На основании сказанного ситуацию выбора можно представить в виде кортежа из трех элементов: 1) объекта (Руанский собор, девушка Мэрион из фильма), 2) условий (погода в Руане, психическое состояние Нормана Бэйтса) и 3) субъекта (художник Моне, шизофреник Бэйтс).

А какова природа условий – только та, что приведена выше, или возможны варианты?

Творения Моне, строго говоря, зависели не только от мимолетных состояний света и воздуха, обрамляющего здание собора, но и от ряда случайных факторов иной, неестественной природы. Так, владелец магазина, ставшего на время мастерской художника, заметивший, что посетительницы странно реагируют на его присутствие, попросил Моне впредь прятаться за ширму и ограничить свои занятия утренними часами. Попроси он заниматься картиной, скажем, в вечерние часы, возможно, мы имели бы шедевры не хуже, но, во всяком случае, иные, отличные от известного миру цикла картин. Но это еще не все. Когда год спустя после начала работ над своим циклом Моне вновь приехал в Руан, он был вынужден несколько изменить угол зрения, переместившись в здание завода «Эдуард Моки» на улице Большого моста. И вновь, какое ни есть, пусть незначительное, небольшое, но все-таки изменение, вызванное не природно-климатическими, а в целом и вовсе нерелевантными по отношению к замыслу художника факторами.

В развитие темы: институциональные факторы – могут ли они влиять на выбор? Могут! Причем как извне (воздействие формальных правил), так и изнутри (влияние неформальных норм). Правда, втиснуть художников и шизофреников в обычные для обывателя поведенческие рамки не так-то легко, если не сказать – невозможно, но ведь не все же индивиды, делающие выбор, относятся к этим категориям людей.

Ранее мы сказали, что Моне добросовестно трудился над своими шедеврами. Добросовестно – применительно к нашему случаю – означает отказ от привнесения в картину любых эмоций, желаний, мыслей и т.п., всего того, что вызвано причинами внутреннего характера, а не действием света или цвета на здание собора. Иными словами, объективность и только объективность, что же касается субъективности, то только в смысле импрессии, но не Моне-человека, а Моне-творца. Означает ли это, что все художники следует такому подходу? Отнюдь. Для, скажем, Сальвадора Дали важны его мысли и полеты мыслей, его сюжеты происходят/вытекают из него самого, но так же, как и с Моне, в моменты творчества Дали-человек уступает место Дали-творцу. Таким образом, можно утверждать, что понятие добросовестности относительно: оно зависит от индивидуальных (если художник вне всякой школы, как тот же Дали, но более поздний) и групповых (Моне, целиком, – импрессионизм; Дали, с оговорками, – сюрреализм), по своей сути, идеологических воззрений. Отсюда один шаг до признания добросовестности понятием институциональным.

Чтобы эти рассуждения о выборе перевести в научную (институционально-экономическую) плоскость, следует объективировать все, что с ним связано: наделить индивида способностью/возможностью делегировать свой выбор социальному планированию, отказаться от чрезмерной рационализации выборщика, учесть возможность влияния на процедуру и результаты выбора иных факторов, скажем, институционального характера.

Можно ли это сделать и если да, то каким образом?

Утвердительный ответ требует конкретики, и пусть она будет представлена моделью выбора благосостояния. Затронутые выше аспекты множественности со стандартной теорией, где фигурируют ясные и неизменные предпочтения, которые четко выявляются, где индивидуальный выбор всегда рационален (а потому и доступен социальному планированию).

ку), где, одним словом, нет места для любого рода двусмысленностей, напрямую не стыкуются. Но сама по себе стандартная теория не такая уж и однозначная, если учесть тот факт, что многие приверженцы поведенческой экономики проводят разграничение между «полезностью [при принятии] решения», рационализирующей выбор, и «истинной полезностью».

В экономической литературе можно встретить, по меньшей мере, два способа решения проблемы выбора: первый относится к стандартному нормативному анализу, в котором учитываются истинные цели лица, принимающего решение, при втором подходе благосостояние определяется скорее в терминах выбора, чем лежащих в его основе целей. Оставаясь в рамках первого подхода, следует определиться с истинностью предпочтений, в рамках второго – можно выйти на такие обобщенные понятия, как множественная оптимальность по Парето (multi-self Pareto optimality) и множественный критерий по Парето (multi-self Pareto criterion). Но ведь и первый подход неоднозначен: одно дело – истинность четкого однозначного индивида, иное – нечеткого, многозначного выборщика и уж совсем другое дело – шизофреника, однозначного (при выявлении предпочтений) в своей потенциальной многозначности.

В общем случае обобщение стандартного подхода к предпочтениям и вытекающим из них благосостояниям является упомянутая выше пара: объект – X , экзогенные и/или эндогенные условия, воздействующие на объект, – d . Выборщик, будь он хоть какой, имеет дело с парой $\{X, d\}$.

Обобщающий подход может опираться на идеи когерентных (сцепленных, связанных) аспектов выбора, основанных на замещении стандартного отношения выявленных предпочтений отношением ясного, недвусмысленного, четкого выбора (unambiguous choice). Но он может опираться на иных, обобщающих стандартный подход идеях, скажем, на конструкции рамок (фреймов, frames), воздействующих на результаты выбора, либо не-

четкой (fuzzy) или шизофренической (psycho) логики, присущей людям, делающим свой выбор.

Фреймы, точнее их воздействия на объект, подобны дуновению ветра и игре солнечных лучей, накладывающих свой отпечаток на здании собора и в силу этого изменяющих его истинное восприятие, они и подобны действиям владельца магазина, ограничивающего возможность вдохновения и проявления творческой деятельности Моне утренними часами. Если бы власти запретили художнику изображение собора – по своей ли присущей чиновничьей логике прихоти, или по настоянию клерикалов (мало ли что может прийти в голову, скажем, им может почудиться в действиях художника неуважение к церкви), то это тоже было бы проявлением действия рамок, фреймов.

Нечеткий человек (fuzzy man) характеризует тип лица, принимающего нечеткие решения, либо, что равнозначно, четкие решения с некоторыми функциями принадлежности к нечеткому исходу. Так, например, четкое число «4,1» можно охарактеризовать как нечеткое число «4», принадлежащее к нему с некоторой функцией принадлежности – численно большей, чем, скажем, число «4,2», но меньшей, чем «4,05». Оперирова с нечеткими понятиями, «нечеткий» человек при необходимости выбора числа «4» может выбрать его не со стопроцентной точностью, а приближенно. В отличие от нечеткого человека шизофреник является индивидом с раздвоенной психикой: он выступает то в одной своей ипостаси, то в другой. При выборе между, скажем, «4» или «5» он может отдать предпочтение либо одному числу, либо другому. Выбор его – четкий, но аргументация такого выбора не поддается со стороны гипотетического внешнего наблюдателя объективному объяснению. «Нечеткий» человек выявляет свои предпочтения приближенно, в то время как «шизофреник» – в зависимости от роли, в какой он выступает в данный момент, четко.

Таким образом, нечеткий человек видит перед собой не собор, а соборы, ибо его

логика многозначна: все значения в спектре от одного полюса до другого возможны, как правило, это единичный отрезок, континуум. Он видит мир так, а не иначе, и, что главное, одновременно. Моне – человек четкий, он видит в каждый момент времени именно то, что видит. Меняется момент, меняется и видение (а может, и видение). Говорить о нем как о нечетком человеке можно, но с оговоркой: если сделать некоторый ментальный перенос множественности объекта на множественность субъекта. Иными словами, если и назвать Моне нечетким человеком, то только условным. В отличие от него Дали приближается скорее к типу, хотя и условному, Нормана Бэйтса: он четок и в то же время раздвоен, что называется здесь и сейчас.

Психопатический человек, или, проще говоря (мы же не медики), шизофреник, выступает то в одной роли, то в другой. Норман Бэйтс в роли сына может любить приглянувшуюся ему девушки (выбранный им объект), в роли матери – ненавидеть ее, логическим результатом чего стало убийство. В этом смысле на роль Бэйтса не годятся в равной (равной ли?) степени ни Дали, ни Моне. Последний видит всю нечеткость (порожденную внешними факторами), и он это передает посредством серии картин. Моне может любить, что он и делает, выбранный им объект изображения; выбери он ненависть, то либо не было бы Руанского собора, либо он был бы, но совершенно иным – и зритель это бы почувствовал. Первый (Дали) также видит нечеткость, но ее передает с помощью одной картины, интегрируя потенциальную серию в одно – не сводимое к элементам серии – изображение. Любовь и ненависть запросто могут сочетаться – и сочетаются – в его картинах, не смешиваясь в одну любовь-ненависть. У нечеткого человека в любви присутствует ненависть, и наоборот, что одно и то же в зависимости от того, какое понятие трактуется как нечеткое – любовь или ненависть. Его предпочтения расплывчаты, хотя со временем они могут меняться. Когда говорят о том, что от любви до ненависти – один шаг, неявно имеют в виду

факт постепенного превращения любви в ненависть. Но потенциал этого превращения был заложен у него – нечеткого человека. И, как нам представляется, такое – нечеткое – поведение свойственно большинству людей.

Если все вышесказанное перевести на язык энтропии как меры дезорганизации лица, делающего свой выбор с учетом собственных предпочтений, то у шизофреника (Бэйтса), равно как и у нормального человека (Моне), численное значение функции энтропии будет минимальным, у нечеткого (автора этих строк и, смеем полагать, не только) – величиной между минимумом и максимумом. Излишне говорить, что со временем энтропия меняется (может меняться) вслед за изменениями (возможными) в предпочтениях выборщика.

И чтобы не создалось впечатление, что любовь непременно переходит в ненависть, подчеркнем, что это не так, и обратное не менее, а возможно, и более вероятно, если разделять точку зрения, что «все заканчивается любовью, даже смерть».

ОБ ЭКОНОМИКЕ (КАК НАУКЕ) В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.В. Зотов

Нынешняя зима с ее погодными рекордами, экономическими антирекордами и внешнеполитическими катаклизмами весьма неблагоприятно сказывается на мироощущении вообще и ежедневно будоражит восприятие событий текущей жизни.

Зато в этом году как-то глухо прошлестел на телеэкранах наш профессиональный праздник, День российской науки. Заметили ли вы его? Ощутили ли гордость за достижения, озабоченность ее нынешним состоянием и заинтересованное упование на ее дальнейшее развитие? Допустим, что заметили и ощутили, но это скорее всего только представители естественных наук, отмеченные наградами на традиционном торжестве, хотя и не из рук Президента. Но не экономисты, пусть даже увенчанные высокими научными степенями и внушительным списком трудов.

Еще в далекие советские годы в научной среде (не в обществе) возникло негласное деление на науки и общественные науки. Под науками обычно подразумевались науки естественные, а под общественными – экономика, философия, история, позже социология, ну и там прочие гуманитарные дисциплины. Разделение это проистекало из почему-то ставшим важным отсутствия у вторых той же экспериментально-исследовательской основы, какая была свойственна первым. То есть из разницы в предмете и методе. Между прочим, в дореволюционное время этих различий никто не делал, все науки были на равной ноге, лица, посвятившие себя научным изысканиям в разных областях, равно уважительно относились к занятиям друг друга. В глазах обще-

ства наука была едина в стремлении к истине путем добывания новых знаний в разных областях на благо всего человечества. И так продолжалось от самого появления науки нового времени в XVII в. до конца XIX – начала XX в. Это был период классической науки, которая поступательно и неуклонно наращивала общий для всего мира фонд научных знаний, в который, как ручейки в реку, вливались результаты всех наук.

В этот период по тогдашним научным представлениям классическим считалось все: политика, экономика, культура. Классическими были капитализм и колониализм. Классичность всего сущего в мире опиралась на ряд немногих открытых наукой, как тогда говорили, интеллигибельных, т.е. умопостигаемых, принципов или всеобщих законов, действием которых можно было объяснить все многообразие событий в наблюдаемом мире в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому в классическом мире нормальное определяется как «естественное», к чему бы данное определение ни относилось.

Однако с наступлением эры машинных технологий классическое понимание мира стало искажаться и дробиться. Целостная картина гармоничного или пусть только стремящегося к гармонии мира стала превращаться в свою противоположность, в которой отдельные части некогда общего целого стали не только противоречить друг другу, но и захватывать и подчинять себе других. Всепроницающие машинные технологии, вгрызаясь в естественное тело классического мира, охватывали от него все новые и новые части, перерабатывая их в нечто новое и искусственное.

Мир забеременел катастрофами. Науки же вели себя в этом гигантском преобразовании по-разному. Естественные науки, из результатов которых выросли новые технологии, без особой внутренней борьбы быстро и без сожалений сбросили с себя обветшавшую классическую мишуру и активно влились в процесс преобразования прежнего «естественного» в новое «искусственное». Естественные науки приняли позитивистский и

© Зотов В.В., 2015 г.

релятивистский характер, что, среди прочего, означало, что для них исчезли все свойственные классицизму запреты на области, предметы и методы исследования. Для них перестало быть проблемой, что можно, а что нельзя исследовать. Исследовать стало можно все, что может быть мыслимо.

А что же общественные науки и в первую очередь интересующая нас экономика? Какова была их роль? С ними, по крайней мере частью из них, дело обстояло сложнее. Они в значительно большей мере, чем естественные науки, сохранили приверженность классицизму, разумеется, не в виде веры в открытые ранее естественные незыблемые законы, диктующие единые для всех правила поведения на все времена. Обратимся к любимой нашей экономике. Как и остальные науки, только еще более ярко и с большим напором, чем другие, она явилась миру в притягательном облике новой истины, усвоение которой обещало преобразовать мир в духе естественной гармонии и наибольшего счастья для наибольшего числа людей, которым те будут наслаждаться, если сумеют употребить с наибольшей выгодой свои имущественные активы, физические и умственные силы. А тот, кто не в состоянии решить или не желает решать эту возвышенную задачу, не достоин войти в мир свободы, равенства и братства.

Эти кажущиеся сегодня тривиальными утверждения в свое время прозвучали, как набат, по всей Европе, приводя в ужас одних и вдохновляя на открытую борьбу с *regime ancien* (старый режим) других. Они стали экономической программой для Великой французской революции и множества революций в других странах. В них вдруг увидели всеобщий идеал на все времена, ради которого можно пойти на любые жертвы, особенно если это будут жертвы среди противников.

В XX в. Дж.М. Кейнс сказал: «Идеи экономистов и политических философов и тогда, когда они верны, и тогда, когда они ошибочны, гораздо более могущественны, чем принято думать. Поистине, миром едва ли править,

что-нибудь еще. Практичные люди, которые считают себя совершенно свободными от любых интеллектуальных влияний, обычно являются рабами какого-нибудь забытого экономиста». В этой удивительной фразе выразилось практически все, на что оказалась способна экономическая наука. С одной стороны, она всегда старалась представить уважаемой публике идеал, к которому все обязаны стремиться, как к своему светлому будущему, а с другой – объясняла его недостижимость несовершенством тех, кто брался за его реализацию. Но есть еще и третье – экономическая наука очень мало занималась практическими проблемами низкой жизни простых граждан. Ей всегда гораздо милее были возвышенно-бесплодные прения о глобальном оптимуме или о гармоничном развитии, обо всем, что составляет предмет мейнстрима – современный вариант экономического классицизма. Если мир практической экономики – это природа жизни, то экономическая наука, особенно в ее теоретической части, – это сидение взаперти в башне из прозрачно-чистых, далеких от грубой жизни идей. Об этом хорошо говорил Шумпетер в своей инаугурационной речи как президент американской экономической ассоциации: «Достижения экономической науки превосходны, но как же стыдно, что столько блестящих умов занимается проблемами, которые никогда не появляются в реальной жизни». Наше кризисное время еще раз подтвердило этот вывод.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И МИФОТВОРЧЕСТВО

В.М. Рулев

Хотя мифотворчество относят преимущественно к временам весьма отдаленным, а мифологическое сознание считают присущим чуть ли не первобытному человеку, но никак не современному жителю земли, мифы вокруг нас. Они продолжают жить в литературе, искусстве, религии и, самое главное, в самих людях, обнаруживая удивительную живучесть, появляясь на свет, может быть, в непривычных формах, но всегда не без причины, востребованно.

Бытует мнение, что на исторической арене мифология и наука противостоят друг другу как два непримиримых бойца, причем последняя безоговорочно побеждает, разоблачая, опровергая и разрушая всяческие мифы. Такая точка зрения в неявном виде предполагает следующее: во-первых, мифы и научное, позитивное знание взаимно исключают друг друга, во-вторых, научное мировоззрение в чистом виде способно напрямую перестраивать общественное сознание, направляя его в нужное русло. Однако ситуация представляется не такой простой.

Миф обладает собственной территорией и особым предназначением. Если функция науки познавательная, то функция мифа – объяснительная, позволяющая человеку приобрести смысл жизни. Исследователи мифотворчества указывают и на способность мифа утешать, компенсировать тяготы существования, вселяя надежду на реализацию и удовлетворение потребностей, которые реально, как правило, не осуществимы. Академик А.Ф. Лосев в книге «Философия. Мифология.

Культура» указывает на то, что мифология имманентно присуща человеческому сознанию, создавая вторую, приемлемую для него реальность: «Миф есть для мифологического сознания наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в высочайшей степени напряженная реальность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни». Но если это так, мифология и наука способны существовать рядом в единой системе мировоззрения, демонстрируя широкий спектр связей и взаимодействий.

В дальнейшем наше изложение будет ограничено рамками экономики, что, как надеется автор, позволит наполнить общие положения конкретным содержанием.

Речь идет о великом мифе под названием «Рынок». Ему не страшны ни экономические кризисы, ни инфляция, ни безработица. На то он и миф, необходимо схватывающий, соединяющий, интегрирующий коллективное сознание, венчающий, подобно ключевому камню в арочной кладке, все сооружение общественной жизни. Старому мифу страшен только новый миф.

Иначе обстоят дела с наукой. Кроме критического направления, она бывает представлена и консервативной, традиционной, апологетической школой. Если баланс нарушается в пользу последней, мы сталкиваемся с явлением, которое вполне можно назвать мифологизацией науки. Схоластика, стремление выдать желаемое за действительное характерны как для политической экономии социализма (в том виде, в каком она сложилась), так и для современной неolibеральной концепции. Описывается и анализируется не то, что есть, а то, что могло бы быть. Но при определенных допущениях возможно все что угодно. При всей своей соблазнительности подобные теории вряд ли могут быть руководством к действию.

Мифотворчество – процесс сложный и до конца не исследованный, но если история дает нам подходящий материал, какие-то выводы удастся сделать, что называется, по горячим следам. В этом отношении огромной цен-

ностью обладает наблюдаемая в 1990-х гг. в СССР «реанимация» мифа о рынке, в ходе которой причудливо переплелись объективные и субъективные факторы. Миф не возникает на пустом месте. Он требует предпосылок.

Вот некоторые из них.

1. *Оценка результатов производства.*

Экономическая наука всегда уделяла большое внимание измерению результатов общественного производства и его эффективности. Однако общепринятая система показателей и методы их определения практически не учитывают влияние чисто психологического фактора. Между тем его существование не вызывает сомнений. В этом легко убедиться, обратившись, например, к феномену моды. При смене моды с самими товарами ничего не происходит, изменения наблюдаются в головах людей. В результате то, что было ценным, теряет свою ценность. В экономическом аспекте это означает весьма солидную уценку всего товарооборота.

Нечто подобное возможно и по отношению ко всему общественному продукту в случае серьезного изменения ценностной ориентации членов общества.

Все довоенные и послевоенные годы характеризовались в Советском Союзе, как, впрочем, и других странах мира, высокой оценкой так называемых общественных благ, прежде всего продукции оборонной промышленности: боевых кораблей, самолетов, танков, ракет и т.д. Так же высоко оценивались достижения в области освоения космоса. В последние десятилетия XX в. ситуация резко изменилась, чему способствовала очередная смена поколений. На первый план выдвинулись предметы потребления. Культовым товаром стал автомобиль. В связи с этим, если ввести гипотетический коэффициент субъективной оценки, вся продукция оборонной промышленности оказалась в значительной степени «уцененной». То же относится и к объему производства мирных отраслей, поскольку то, что производилось в СССР, все более не соответствовало мировым стандартам, которые к тому времени стали своеобразным эталоном качества.

Таким образом, в рассматриваемый период произошел невиданный обвал общественного производства, но не де-юре в статистических отчетах и сборниках, а де-факто в головах людей, что в свою очередь послужило почвой для утверждений о неэффективности существовавшей системы хозяйства.

2. *Феномен бесплатности благ.* Экономистам известно, что бесплатных или почти бесплатных благ (главным образом услуг) не бывает. Все они требуют известных затрат. Но для потребителя в определенных условиях и в определенное время многие услуги, имеющие важное общественное значение, выступают как даровые. В экономике СССР таковыми, по крайней мере, являлись образование, здравоохранение и воспитание детей в общественных учреждениях. Именно экономия на этих расходах обеспечивала относительно высокий уровень жизни и рациональную структуру потребления. Тем удивительнее та легкость, с которой общество расстается с ними. Однако все имеет свое объяснение, и разгадку стоит поискать в области психологии.

Дело в том, что попытки экономической науки приписать потребителю способность напрямую определять полезность благ не увенчались успехом, зато все ученые считают, что потребитель в состоянии сравнить потребительский эффект с ценой. На этом строятся теории спроса и маркетинга. Но даровые блага как раз лишены цены, а что нельзя сравнить, нельзя, очевидно, и измерить. В общественном сознании со временем начинается дрейф субъективной оценки бесплатных благ в сторону снижения. Для новых поколений они становятся чем-то вроде дара природы и выпадают из круга экономических явлений. Наблюдается своеобразная инфантилизация обыденного сознания.

Однако парадокс этим не исчерпывается. Существует еще целый ряд обстоятельств. Необходимо назвать хотя бы три из них. Во-первых, кажется, что бесплатное всегда хуже качеством, а то, что покупается за деньги, — лучше. Отсюда позитивные ожидания, связанные с введением платности. Во-вторых, разли-

ца в денежных доходах почему-то переносится легче и воспринимается естественнее, чем существование льгот и привилегий. Хотя нынешнее общество гораздо более поляризовано, чем прошлое, и различия в доступности образования и медицинского обслуживания больше, чем раньше. В-третьих, переход к платности общественных благ (где это оказывается возможным) лежит в русле общей тенденции расширения сферы рынка, коммерциализации и монетизации отношений. Последнее создает иллюзию закономерности процесса.

3. *Дефицит или дороговизна?* Семидесятые–восьмидесятые годы и последующие десятилетия прошлого века дают нам пример уникального соседства двух типов инфляции: подавленной и открытой, которая наступила после печально известного «отпуска» цен. Примечательно, что первый период характеризуется относительно высоким уровнем среднедушевого потребления. Второй – значительным снижением указанного показателя, которое не полностью преодолено до настоящего времени, и появлением в стране миллионов людей, доходы которых ниже официального уровня бедности. На первый взгляд кажется, что мы встретились с абсолютно симметричными ситуациями, различными видами недостаточности потребления. В одном случае она принимает форму дефицита товаров (есть деньги – нет товаров), а в другом – дороговизны (есть товары – нет денег). Однако в общественном сознании такой симметрии нет. Второй вариант оценивается выше, хотя экономические показатели свидетельствуют об обратном. И дело не только в том, что надоели очереди, талоны, закрытые распределители и т.п. Следует учитывать специфичность субъективной оценки, которая определяется целым рядом факторов, в том числе соотношением возможного и действительного.

Отсутствие товаров в магазинах (при запрете «черного» рынка) уничтожает саму возможность достижения благополучия. Рост денежных доходов здесь мало что меняет.

Открытая инфляция, напротив, ярко демонстрирует возможность достижения целей,

очаровывая наполненностью витрин магазинов. Остается только превратить возможность в действительность. И хотя по объективным причинам это удастся далеко не всем (как не всем хватает товаров в очереди), возникает иллюзия, что все зависит от самого человека, от умения «вписаться» в рыночную экономику. Отсюда довольно парадоксальный вывод: например, мечта об автомобиле – почти такое же благо, как сам автомобиль. Теперь если сложить эти два вида благ (возможные и действительные), мы будем наблюдать во втором периоде в условиях открытой инфляции не падение, а рост среднедушевого потребления! До небес возрастает и полезность источника всех благ – денег.

Однако указанный феномен, как говорят психологи, требует постоянного положительного подкрепления, т.е. мечты должны осуществляться. В противном случае его время существования ограничено. Иллюзия исчезает. Могут возразить, что приведенные выше примеры мало что объясняют. Дескать, они связаны не с устойчивым, закономерным, а со своеобразной абберацией человеческого сознания, ошибками восприятия. Но это не так. В конечном счете не научные аргументы, а живое бытие определяет сознание. Домашнее хозяйство, быт в широком смысле этого слова – тоже бытие, и его влияние на общественное сознание не меньше, если не больше, чем влияние общественного производства. У человека, «толкающегося» в очередях и «достающего» продукты, объективно формируются черты «добытчика», персонажа, стоящего на первых ступенях развития материального производства.

Таким образом, уверовали в чудодейственную силу рынка люди современные, образованные, но с психологией древних собирателей, рыбаков и охотников, что выглядит уже вполне закономерным, логичным и многое объясняющим.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

А.В. Суворов

В любой отрасли человеческой деятельности научное знание устроено следующим образом.

1. Базовые понятия, категории, определения и понятия, производные от базовых. Они представляют собой абстракции, однако имеют аналоги в окружающей человека действительности (таковы, например, понятия материальной точки, массы, скорости, ускорения в физике); эти понятия и категории относятся либо к объектам, либо к процессам.

2. Теоретическая схема (теория), показывающая взаимосвязи между отдельными процессами и (или) объектами; теоретическая схема может формулироваться в виде количественных соотношений (например, законы Ньютона), в виде логических суждений (например, силлогизмов). Посредством теоретической схемы описывается не объективная действительность во всей ее полноте, а ее наиболее существенные черты; в этой связи теоретическую схему можно именовать также теоретической моделью.

3. Естественным образом возникает вопрос об истинности теоретической схемы, соответствии ее действительности, способах проверки этого соответствия. На эту тему написано огромное количество трудов, показывающих нетривиальность этих процедур, неоднозначность самого понятия истинности, невозможность в принципе говорить о проверке, когда речь идет о теории высокой степени общности, и т.п. Совершенно не претендуя в

этом вопросе на какие-либо новации, отметим следующее. Речь, по крайней мере применительно к экономической науке, должна идти, если так можно выразиться, о «трансляции» отдельных теоретических положений на эмпирический материал, т.е. формулировке их в терминах, позволяющих производить измерения на имеющихся статистических данных, результатах опросов и пр. с целью их проверки.

4. Наконец, из теоретической схемы выводятся следствия в виде «транслированных» на эмпирический материал результатов, используемые в конкретной практике, инженерной деятельности, конструировании и т.п. При этом возможно, что неверная в теоретическом отношении схема позволяет решать практические задачи, как это было, например, с теорией теплорода. Однако она опровергается с расширением знаний и появлением новых задач, которые, как выясняется, не могут быть решены на данной теоретической базе.

Использование результатов научных исследований в практике предполагает наличие иерархически построенной совокупности научных дисциплин – общей теории, ряда прикладных и экспериментальных дисциплин, конкретизирующих отдельные положения теории. Кроме того, поскольку в прикладных дисциплинах получаемые результаты, как правило, не являются абсолютно точными, имеют оценочный характер, их практическое применение предполагает использование поправок, коэффициентов и т.п., полученных экспериментальным путем. Пример: расчет конструкций моста непосредственно основывается не на результатах физики, а на дисциплине «сопротивление материалов», базирующейся, в свою очередь, на материаловедении и физике и использующей математические модели. В процессе конкретных расчетов используются всякого рода поправки.

Как в этой связи можно обрисовать классификацию совокупности экономических дисциплин (направлений исследований)?

Во-первых, теоретическая составляющая (политическая экономия, макроэкономика, микроэкономика, теории экономического

© Суворов А.В., 2015 г.

роста, развития, институциональная теория и т.п.). Эта теоретическая составляющая представлена работами с различной степенью формализации.

Во-вторых, совокупность дисциплин, оперирующих массивами статистических данных и претендующих на формулирование и количественное описание механизмов функционирования экономики в целом и ее секторов, в том числе на идентификацию и проверку общих положений экономической теории, их модификацию для отдельных стран, этапов развития и т.п. Эта часть дисциплин представлена макроэкономическим и межотраслевым анализом, анализом функционирования региональных экономик, отдельных фирм.

В-третьих, дисциплины, связанные с развитием инструментов исследований, непосредственно примыкающие к математике – эконометрия (методы математической статистики и, в частности, регрессионный анализ), математическое программирование, теория игр.

В-четвертых, экономическая статистика, объясняющая, каким образом определять и измерять результаты производства в народном хозяйстве (национальной экономике) и ее секторах, обмена и использования продукции, потоки доходов, активы и т.п.

Безусловно, всегда существовало взаимопроникновение этих групп дисциплин (направлений). Так, модель «затраты–выпуск» может быть как инструментом теоретического анализа, так и использоваться для проведения конкретных аналитических и прогнозных расчетов. Кроме того, эмпирические исследования часто являются базой для формулировки новых теоретических положений, стимулируя развитие собственно теоретических исследований.

Развитие дисциплин, отнесенных выше ко второй группе, было обусловлено не только и не столько общим процессом математизации экономической науки, сколько потребностями регулирования экономики и обоснованного выбора направлений экономической политики в капиталистических странах под влиянием кризиса 1929 г. Развитие этих дисциплин,

соответственно потребовало и формирования регулярной системы статистической отчетности, которая увенчивается системой национальных счетов. Конечным продуктом этих построений стали модели прогнозирования национальной экономики и отдельных ее элементов различной степени агрегирования. Они представляли собой различные комбинации систем уравнений поведения, параметры которых определялись регрессионными методами, и балансовых уравнений, в том числе таблиц «затраты–выпуск».

В СССР, имевшем принципиально иную по сравнению с капиталистическими странами социалистическую общественную систему, теоретическая составляющая экономической науки была представлена политической экономией, являвшейся, по меткому выражению В. Леонтьева, лишь беспристрастным и неколебимым памятником Марксу. Вместе с тем потребности экономического планирования, задачи максимизации темпов экономического развития закономерно выдвинули на повестку дня в 1920-х гг. вопросы детального учета ресурсов, имеющихся в распоряжении страны, и методов определения на перспективу пропорций производства и использования общественного продукта. В итоге уже тогда была создана система баланса народного хозяйства и разработаны схемы и методы планирования, которые можно на современном языке определить как инструменты количественного описания функционирования и развития экономики. В целом можно сказать, что в рамках дисциплины «планирование народного хозяйства» как раз и развивалось направление, которое соответствует названной выше второй группе экономических дисциплин.

В целом развитие второго направления в экономических исследованиях дает не просто количественное описание закономерностей функционирования экономики. Инструментарий этих исследований (модели), что называется, по определению должен содержать аналог той системы «поправочных коэффициентов», о которых говорилось выше, необходимых в любой сфере деятельности для использования

результатов научных исследований в практике. Система этих «поправок» в технических дисциплинах, как уже было сказано, вытекает из различного рода экспериментальных проверок модельных результатов. В экономических исследованиях это тоже возможно. Например, параметры производственной функции, показывающей зависимость выпуска продукции животноводства от расхода кормов на условную голову скота, оцененные регрессионным путем по имеющимся агрегированным данным, могут быть сверены с параметрами, полученными по данным о величинах привеса скота и надоев молока в зависимости от расхода кормов, являющимся результатом специальных технико-экономических обследований. Однако такое положение имеет место лишь в крайне ограниченном числе случаев. Это предъявляет особо серьезные требования к проверке исходных статистических данных и получению моделей, у которых знаки и величины коэффициентов были бы содержательно интерпретируемы. Если таких изысканий не производится, то подобные модели и получаемые с их помощью результаты не могут претендовать на научность.

Можно с сожалением констатировать, что в последнее десятилетие в экономической науке возникла крайне негативная, на наш взгляд, тенденция к упрощению, примитивизации научного знания.

Одно из направлений этой общей тенденции связано со способами построения моделей. Собственно, впервые она обнаружилась значительно раньше, когда построение эконометрических уравнений попытались поставить, образно говоря, на «поток». Например, производится перебор спецификаций с различными наборами факторов из заданного списка до получения уравнений, наиболее точно воспроизводящих отчетные значения зависимой переменной. При этом неинтерпретируемость знаков и величин оценок параметров при отдельных факторах не принимается во внимание.

Следующий, «знаковый» этап – широкая реклама нейросетевых моделей как прин-

ципально нового инструментария, позволяющего осуществлять построение моделей с большим количеством переменных на малых выборках и учитывающего взаимосвязи, которые невозможно учесть в рамках традиционных систем эконометрических уравнений. Правда, нейросетевые модели, оперирующие макроэкономическими переменными, так и не были предложены (либо не были признаны). Однако, например, предложены нейросетевые модели планирования доходов муниципального образования. Совершенно очевидно, что за такого рода построениями лежит неспособность и нежелание авторов анализировать экономическую информацию (на что может уйти очень большое количество времени). В то же время такое занятие выглядит крайне престижным и приятным, поскольку данный класс моделей позиционирован как «прорывной» и «революционный».

Наконец в качестве одного из самых последних достижений выдвигается так называемая вычислимая модель общего равновесия (CGE-модели). Не вдаваясь в детали, можно отметить их следующие основные свойства. В модели описывается поведение экономических агентов: обычно домашних хозяйств как агентов, максимизирующих полезность, и фирм как агентов, максимизирующих прибыль или минимизирующих издержки. Они также могут включать описание поведения государства исходя из предположений об оптимизации. Далее, модель описывает спрос и предложение, сформированные различными экономическими агентами, и определяет цены на некоторые предметы потребления и факторы производства. Для каждого товара и фактора применяются уравнения, гарантирующие, что цены формируются таким образом, чтобы спрос всех агентов не превысил объема предложения. Наконец, с помощью этой модели получают численные результаты. Коэффициенты и параметры в уравнениях оцениваются на основании данных, препарированных из таблиц национальных счетов и «затраты–выпуск». Все это описание выглядит вполне респектабельно, пока мы не сталкиваемся

с конкретными реализациями этой модели. Тогда выясняется, что при разработке CGE-моделей *необязательно* (!) иметь все необходимые статистические данные (экзогенные), поскольку часть из них можно определить в процессе калибровки модели. Он состоит в подгонке некоторых неизвестных экзогенных переменных до таких значений, при которых эндогенные переменные, например ВВП, объем производства в физических единицах, индекс потребительских цен и т.д., совпадали бы с показателями официальной статистики. Конкретно речь обычно идет об определении параметров производственных функций (ПФ) и структуры расходов экономических агентов. Но, во-первых, возникает элементарный вопрос о том, почему параметры ПФ не могут быть определены вне этой модели. Препятствием обычно называется отсутствие статистических данных (!). В дополнение можно задать вопрос, каким образом можно оценивать параметры ПФ на современной статистической базе для российской экономики. Структура же расходов экономических агентов в модели зависит от параметров ПФ (в силу уравнений равновесия). То есть отчетные данные конкретного года (даже если они есть у исследователя), введенные в модель, подвергаются корректировке. В итоге модель оказывается наполненной условным набором чисел, а соответствие или несоответствие их отчетным данным не обсуждается. Как после этого можно претендовать на разработку рекомендаций по направлениям экономической политики с помощью подобной конструкции?

Нам представляется, что подобная тенденция ведет к разрушению канонической структуры знаний, каковой она должна быть в экономической науке, как и в любой другой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

*В.В. Сорокожердьев,
Х.А. Константиниди, З.М. Хашева*

Проблематика реализации стратегии модернизации России в целях обеспечения динамичного социально-экономического развития находилась в центре внимания участников XXIX Международной научно-практической конференции «Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: реальные императивы динамичного социохозяйственного развития», которая состоялась 1–5 октября 2014 г. в г. Сочи. Ведущими организаторами данной Конференции выступили Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Южный институт менеджмента (г. Краснодар).

Существенную роль в обеспечении научного уровня и представительности Конференции, а также в организационном и научно-методическом обеспечении ее проведения имело содействие со стороны Центрального экономико-математического института РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, Международной политэкономической ассоциации, Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество “Знание”», Краснодарского регионального отделения

Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». В работе Конференции приняли участие в соответствии с ее тематикой и направленностью не только представители экономической науки высшей школы из ряда авторитетных вузов России и Южного макрорегиона, но также правоведа, социологи и бизнесмены; международный уровень Конференции подтвердили своим участием ученые из Канады. Общее число участников составило более 100 человек, в том числе более 80 докторов и кандидатов наук.

В ходе Конференции состоялись пленарное заседание, а также помимо основной дискуссии по обсуждению докладов, заслушанных на пленарном заседании, прошли заседания секций и круглых столов.

Для молодых ученых, принимавших участие в Конференции в рамках Первой международной школы молодых ученых в области экономики и права на Юге России, мастер-классы провели ведущие ученые страны и Юга России, в том числе: член-корреспондент РАН, зам. директора ЦЭМИ РАН Г.Б. Клейнер; д.э.н., руководитель департамента экономической теории, зав. кафедрой «Макроэкономика» Финансового университета при Правительстве РФ, ординарный профессор НИУ ВШЭ Р.М. Нуреев; д.э.н., профессор Московского государственного университета А.В. Бузгалин; к.э.н., доцент, начальник управления государственных программ администрации Краснодарского края Х.А. Константиниди; профессор Южного федерального университета, зам. главного редактора журнала TERRA ECONOMICUS В.В. Вольчик; д.юр.н., профессор, зав. кафедрой гражданского и международного частного права ВолГУ А.О. Иншакова; д.юр.н., профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса ВолГУ Н.И. Грачев. Интересное и содержательное выступление представил также доктор философии, профессор экономики экономического факультета Университета Нью-Брансвик (Канада) Ю. Евдокимов.

Открыл основное пленарное заседание Конференции докладом на тему «Системная

© Сорокожердьев В.В., Константиниди Х.А.,
Хашева З.М., 2015 г.

микроэкономика как теоретическая база модернизации реального сектора экономики» член-корреспондент РАН, зам. директора ЦЭМИ РАН *Г.Б. Клейнер*. Он остановился на следующих основных моментах:

- системная экономика как теоретическая база модернизации предприятий реального сектора;
- системная экономика – предпосылки, цели, разделы;
- системная микроэкономика, неоклассическая микроэкономика, институциональная и эволюционная микроэкономика;
- предприятие как центральный объект микроэкономики;
- системный анализ окружения предприятия, тетрада;
- производственная функция тетрады.

В реальной экономике, имеющей в России весьма существенные специфические особенности, просматриваются определенные типы однородных систем на разных уровнях экономики – объекты, процессы, проекты, среды. Между ними возникают экономические отношения. В связи с этим основная задача – сформировать экономическую теорию, трактующую образование, функционирование, трансформацию и ликвидацию этих образований и явлений.

В качестве обобщающих выводов доклада были сформулированы следующие:

- предприятие и его микроокружение следует рассматривать как системную тетраду. Это позволяет в едином ключе рассматривать менеджмент, маркетинг, процессинг и event-менеджмент как процессы регулирования функционирования компонентов тетрады;
- системная микроэкономика – это экономика тетрад, рассматриваемых в рамках СЗХ предприятия;
- эффективность деятельности предприятия следует рассматривать в контексте эффективности функционирования его микроокружения (тетрады);
- развитие системной микроэкономики может решить проблему неполноты и фрагментарности неоклассической микроэкономиче-

ской теории, связать теорию фирмы с теориями управления цепочками поставок, маркетингом взаимоотношений, проектным анализом.

В докладе на тему «Современные тенденции развития национальной экономики России» д.э.н., профессор, руководитель департамента экономической теории, зав. кафедрой «Макроэкономика» Финансового университета при Правительстве РФ, ординарный профессор НИУ ВШЭ *Р.М. Нуреев* проанализировал теоретические и практические аспекты развития национальной экономики России.

К настоящему времени, с позиции доклада, выделился ряд основных направлений экономической теории, включая консервативное, классическое либеральное, современное либеральное и радикальное. Каждое из них имеет свою предысторию, а также некоторые перспективы развития в новой складывающейся конфигурации экономики.

Характеризуя возможности становления национальной экономики в условиях современной России на микро-, мезо- и макроуровне, автор доклада указывает на важность проведения институциональных изменений государства в постсоветской России. В качестве наиболее важных и необходимых направлений в данной деятельности выделяются следующие:

- отношения с обществом;
- деятельность по защите прав собственности;
- производительная деятельность;
- распределительная деятельность;
- инновационная деятельность;
- стабильность политической власти.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н. *А.В. Бузгалин*, сделавший доклад на тему «Геополитические факторы российской модернизации», акцентировал внимание на специфике, содержании и основных формах встраивания России в трансформирующуюся глобальную систему. При этом глобализация остается доминирующим контекстом: российский сельхозпроизводитель пашет землю американским трактором, сеет голландские семена, собирает урожай при помощи таджи-

ков и продает его ТНК для реализации в мегаполисе. В то же время имперский проект (образец – США: «империя доверия») находится в кризисе и вызывает всеобщее отторжение. В связи с этим будущее России – не другая (полупериферийная) «империйка», а иной мировой проект.

Проводимые в настоящее время санкции в адрес нашей страны, с одной стороны, не пользуются действительной поддержкой западного общества, а с другой – выступают как стимул позитивных перемен. На взгляд автора доклада, необходимо обновление системы отношений и институтов в сферах координации (планирования), собственности, распределения и перераспределения дохода, целей и параметров воспроизводства (развитие, а не рост).

Доклад к.э.н., зав. кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ *Х.А. Константиноиди* был посвящен программно-целевым методам управления и бюджетного планирования. Одной из приоритетных задач экономической политики Российской Федерации на современном этапе развития является повышение эффективности использования бюджетных ресурсов любого уровня. В настоящее время одним из ключевых способов системного решения экономических и социальных проблем региона, обеспечивающих рациональное использование бюджетных средств и получение конкретных результатов от их вложения, является реализация на территории Краснодарского края государственных программ.

В соответствии с утвержденным перечнем принято 26 государственных программ Краснодарского края путем преобразования долгосрочных и ведомственных целевых программ в государственные программы или их подпрограммы. Такой порядок их формирования был связан с ограниченными сроками перехода на государственные программы и формированием программного формата краевого бюджета на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 гг.

В настоящее время практика формирования и реализации государственной поли-

тики органами власти показывает, что применение программно-целевого метода имеет ряд преимуществ по отношению к сметному планированию:

- комплексность решения проблемы, достижения цели и задач;
- концентрация временных, финансовых и человеческих ресурсов;
- ориентация на конечный результат;
- оптимизация бюджетных расходов, повышение эффективности распределения и использования бюджетных средств;
- усиление и разграничение ответственности за реализацию программы между участниками бюджетного процесса;
- оптимизация соотношения имеющихся финансовых ресурсов с комплексом мероприятий программы.

При этом следует отметить и ряд возможных недостатков и рисков, которые могут возникнуть при применении данного метода:

- риск недостаточного ресурсного обеспечения мероприятий программы;
- недостатки в работе исполнителей при реализации мероприятий программы;
- недостаточная оперативность;
- нечеткое, размытое целеполагание.

Однако эти негативные моменты могут быть скорректированы в процессе подготовки и реализации программы.

Доклад д.э.н., профессора, заведующего лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова *А.И. Колганова* был посвящен проблематике объективных ограничений выбора стратегии модернизации российской экономики.

Значительные сложности возникают в связи с необходимостью реализации различных альтернативных направлений модернизации. Так, концепция реиндустриализации предполагает, что сначала нужно восстановить эффективную промышленную основу экономики, сделать ее способной массово производить высокотехнологичные изделия мирового уровня. Концепция институционального совершенствования предполагает

формирование новых условий и возможностей для субъектов хозяйственного развития, что предопределяет прохождение через глубочайшие социальные потрясения. Концепция опережающего развития основана на новом понимании основных ресурсов развития и на концентрации этих ресурсов для формирования самостоятельного научно-технологического ядра экономики. В целом главным фактором здесь является ставка на развитие человеческого потенциала. Основные социальные ограничения стратегии модернизации связаны со снижением престижа труда вообще и квалифицированного, творческого труда в особенности. Это относится как к недостаточному уровню оплаты труда, так и к его неоправданной дифференциации.

Проанализировав различные проблемы, наличие которых препятствует реальной модернизации российской экономики, автор доклада делает вывод о том, что именно социально-экономическая модель выступает, по существу, главным препятствием на пути модернизации, создавая экономические, институциональные и социальные барьеры на пути осуществления любой из рассмотренных концепций стратегии модернизации.

В докладе доктора философии, профессора экономики экономического факультета Университета Нью-Брансвик (Канада) Ю. Евдокимова приоритетное внимание было уделено ее воздействию на развитие геополитической ситуации, которая в мире кардинально изменилась, что незамедлительно сказалось на всех макроэкономических прогнозах развития мировой экономики. Автор также попытался спроектировать эту ситуацию на экономику России в целом.

Общие выводы из анализа сложившейся ситуации могут состоять в том, что введенные западом экономические санкции в ближайшей перспективе не приведут к краху российской экономики: запас прочности у российской экономики есть. Однако если Россия выберет путь изоляции от мировой экономики, то это решение может привести к серии негативных последствий в средне- и долгосрочной перспек-

тиве. Запас прочности российской экономики достаточен для предотвращения экономического коллапса, однако он недостаточен, чтобы, опираясь только на свои ресурсы, конкурировать с развитыми экономиками. Дальнейшее усиление ручного государственного управления экономикой только ускорит и расширит существующий разрыв между российской экономикой и экономикой развитых стран.

Профессор филиала ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, д.э.н. С.С. Слепаков посвятил свой доклад наиболее актуальным аспектам современного осмысления движущих сил, управляющих социально-экономическим развитием современной России с позиций их экзо- и эндогенной природы.

В результате проведенного анализа, представленного в докладе, делается вывод о том, что прогрессивные модернизационные цели реиндустриализации, импортозамещения, реформирования институциональной системы, реализации национальных проектов и пр. при всей своей несомненной высокой значимости должны выступать в роли составляющих генеральной, национальной идеи – реализации национально-государственного интереса – регенерации экономического и социального развития России, возрождения современного, сильного, процветающего, цивилизованного государства, призванного служить российскому сообществу.

Профессор Южного федерального университета, д.э.н. В.В. Вольчик представил доклад на тему «Институты и экономическое развитие в контексте культуры и социального капитала», в котором акцентировал внимание на проблематике объяснения институциональных изменений с использованием концептов неявного знания, социального капитала и культуры, что позволяет расширить объяснительные возможности процесса эволюции институциональной системы общества с учетом современных тенденций развития экономической теории и экономической социологии. Также сформулирован вывод о том, что необходима идентификация институтов для целей разработки мер экономической политики.

Рассматривая проблемы реформирования существующей экономической политики, автор доклада считает важнейшей стороной государственного регулирования создание и изменение институтов, учитывая при этом их спонтанный характер. Спонтанность формирования институтов не означает, что мы не можем влиять на процесс их эволюции. Более того, государственная экономическая политика, меняя правила игры, неизбежно отражается как на процессе формирования неявного знания, так и на процессе формирования и изменения институтов. Экономическая наука должна способствовать процессу идентификации существующих институтов.

В докладе на тему «Опорные структуры пространственного развития России» д.э.н., доцент, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва) *С.В. Макар* остановилась на проблематике пространственного развития России, которое способно стать важной составной частью кардинальной ее модернизации.

По мнению автора доклада, для России как пространственно зависимой страны вопросы пространственного развития имеют принципиальное значение. Особый акцент в докладе С.В. Макара сделан на анализ экономических и организационных особенностей пространственных структур агломерационного типа (городские агломерации, отраслевые районы, экономические кластеры, креативные регионы) как опорных элементов реализации общей стратегии модернизации; отмечено их место в пространственном развитии России в контексте задачи реиндустриализации страны и парадигмы постиндустриального развития.

По итогам конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям работы конференции, где размещены материалы, представленные ее участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Р.М. Качалов

Тенденции и перспективы развития прикладного риск-менеджмента в странах Европы обсудили собравшиеся в Брюсселе на ежегодную конференцию специалисты в области управления риском и страхования. Конференцию традиционно проводит Федерация европейских ассоциаций риск-менеджмента – FERMA (Federation of European Risk Management Associations). На этот раз Конференция проходила *20–21 октября 2014 г.* в форме семинара. Конференция-семинар этого года, как и ряд предыдущих конференций FERMA, была посвящена проблеме «Жизнедеятельность в мире возрастающего риска». В ее работе приняли участие представители всех 22 национальных обществ, входящих в Федерацию, из 20 стран Европы. От нашей страны в работе Конференции-семинара участвовала делегация Русского общества по управлению риском (РусРиск) в составе президента РусРиска, к.ист.н. В.В. Верещагина, вице-президента РусРиска и члена Совета директоров FERMA А.А. Корбут, исполнительного директора РусРиска, к.э.н. Т.Ю. Шемякиной и члена РусРиска, заведующего лабораторией ЦЭМИ РАН, д.э.н., профессора Р.М. Качалова.

На этот раз мероприятие совпало с 40-летним юбилеем Федерации, которая была образована в 1974 г. по инициативе Европейской Комиссии. При создании Федерации в ее состав вошли представители пяти стран – Великобритании, Италии, Бельгии, Германии и Нидерландов. В настоящее время в Феде-

---

© Качалов Р.М., 2015 г.

Рассматривая проблемы реформирования существующей экономической политики, автор доклада считает важнейшей стороной государственного регулирования создание и изменение институтов, учитывая при этом их спонтанный характер. Спонтанность формирования институтов не означает, что мы не можем влиять на процесс их эволюции. Более того, государственная экономическая политика, меняя правила игры, неизбежно отражается как на процессе формирования неявного знания, так и на процессе формирования и изменения институтов. Экономическая наука должна способствовать процессу идентификации существующих институтов.

В докладе на тему «Опорные структуры пространственного развития России» д.э.н., доцент, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва) *С.В. Макар* остановилась на проблематике пространственного развития России, которое способно стать важной составной частью кардинальной ее модернизации.

По мнению автора доклада, для России как пространственно зависимой страны вопросы пространственного развития имеют принципиальное значение. Особый акцент в докладе С.В. Макара сделан на анализ экономических и организационных особенностей пространственных структур агломерационного типа (городские агломерации, отраслевые районы, экономические кластеры, креативные регионы) как опорных элементов реализации общей стратегии модернизации; отмечено их место в пространственном развитии России в контексте задачи реиндустриализации страны и парадигмы постиндустриального развития.

По итогам конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям работы конференции, где размещены материалы, представленные ее участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на конференции результатов научных исследований ее участникам были выданы соответствующие свидетельства.

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Р.М. Качалов

Тенденции и перспективы развития прикладного риск-менеджмента в странах Европы обсудили собравшиеся в Брюсселе на ежегодную конференцию специалисты в области управления риском и страхования. Конференцию традиционно проводит Федерация европейских ассоциаций риск-менеджмента – FERMA (Federation of European Risk Management Associations). На этот раз Конференция проходила *20–21 октября 2014 г.* в форме семинара. Конференция-семинар этого года, как и ряд предыдущих конференций FERMA, была посвящена проблеме «Жизнедеятельность в мире возрастающего риска». В ее работе приняли участие представители всех 22 национальных обществ, входящих в Федерацию, из 20 стран Европы. От нашей страны в работе Конференции-семинара участвовала делегация Русского общества по управлению риском (РусРиск) в составе президента РусРиска, к.ист.н. В.В. Верещагина, вице-президента РусРиска и члена Совета директоров FERMA А.А. Корбут, исполнительного директора РусРиска, к.э.н. Т.Ю. Шемякиной и члена РусРиска, заведующего лабораторией ЦЭМИ РАН, д.э.н., профессора Р.М. Качалова.

На этот раз мероприятие совпало с 40-летним юбилеем Федерации, которая была образована в 1974 г. по инициативе Европейской Комиссии. При создании Федерации в ее состав вошли представители пяти стран – Великобритании, Италии, Бельгии, Германии и Нидерландов. В настоящее время в Феде-

---

© Качалов Р.М., 2015 г.

рацию входят уже 22 национальные ассоциации риск-менеджмента. Обычно ежегодные общения членов Федерации происходят в двух формах: в виде Конференции (Форума) или Семинара. Предыдущий Семинар FERMA проходил в 2012 г. в предместье Парижа, знаменитом Версале, а Форум – в 2013 г. в г. Маастрихте (Нидерланды).

Кратким вступительным словом Семинар открыла президент FERMA, директор Департамента риск-менеджмента и страхования компании DLA Piper (Великобритания) Джулия Грехэм (Julia Graham). Следует отметить, что форма проведения Семинара оказалась настолько своеобразной, по крайней мере для российского участника, поэтому есть смысл рассказать о ней подробнее. Так, в начале Семинара в соответствии с программой состоялась общая дискуссия по широкому кругу современных проблем риск-менеджмента.

Дискуссия была обозначена организаторами как круглый стол, однако фактически проходила в виде обсуждения конкретных тем риск-менеджмента за «локальными» круглыми столами. В громадном зале на последнем этаже Брюссельского центра конгрессов, в котором проходил Семинар FERMA, было расставлено около полутора десятка круглых столов, накрытых белыми скатертями. Вокруг каждого стола разместилось примерно по десятку стульев, кстати, тоже белых. Рядом с каждым столом на треноге помещалась доска с названием темы для данного круга участников. Войдя в зал, участники выбирали близкую им тематику и занимали места у соответствующего стола. Модератор каждого стола был выбран Оргкомитетом заранее и объявлен в программе Семинара.

Дискуссия проходила в два тура по 45 мин каждый. В начале заседания Модератор каждого локального круглого стола произнес перед собравшимися за его столом участниками небольшую установочную речь и предложил собравшимся за этим столом высказаться. Участники по очереди изложили свои позиции по избранной теме, вступая иногда в полемику друг с другом. По окон-

чании обсуждения Модератор каждого стола суммировал высказанные суждения. Затем каждому Модератору была предоставлена возможность в течение всего лишь одной минуты доложить итоги дискуссии по своей теме. При этом продолжительность выступления каждого Модератора отсчитывалась на цифровом табло. Удивительно, но практически все Модераторы уложились в отведенное время или превышали его не более чем на несколько секунд. Таким образом, за 13–15 минут были представлены результаты обсуждения за круглыми столами всех заявленных тем, и Главный модератор этого этапа работы Семинара очень коротко подвел итог обсуждению.

В качестве конкретных тем для обсуждения за локальными круглыми столами организаторы Семинара предложили следующие:

- роль страхования;
- риск нарушения работы цифровых информационных систем;
- риск-менеджмент как источник создания стоимости бизнеса;
- кэптивы¹ (Captives);
- оценка соответствия действующим требованиям или нормам (Compliance);
- лучшие практики комплексного риск-менеджмента (ERM² best practices);
- проблемы урегулирования убытков;
- внутренний аудит и риск-менеджмент;
- риск в цепях поставок;
- политические риски;
- кризисный менеджмент;
- что можно ожидать в 2015 г. от применения Директивы ЕС об экологической ответственности (What to expect from the re-

¹ Кэптивы – форма страхования, основанная на учреждении дочерней компании для проведения страховых операций в интересах материнской компании (или группы компаний-учредителей).

² ERM – Enterprise Risk Management – комплексный (интегрированный) риск-менеджмент, интегрированное управление риском деятельности предприятия как единого целого.

view of the Environmental Liability Directive in 2015)³;

- повышение финансовой и нефинансовой прозрачности в годовой отчетности компаний: добавленная стоимость как результат деятельности риск-менеджеров;

- мастер-класс по проблемам радикальной и практической реформы Лондонского рынка.

Далее в повестке дня было обсуждение проблемы «Риск и страхование в Европе». Проблема рассматривалась на Семинаре в трех аспектах «Профессиональный профиль риск-менеджеров» (Risk Manager's Profile), «Риск в окружающей среде и перспективы его изменений» (Risk Environment and Perspectives) и «Применение методов страхования для оптимизации управления риском» (Leveraging Insurance to Optimize Risk Management).

Работа Семинара завершилась так называемой общей панельной дискуссией по проблемам развития мировой экономики, которая скорее заключалась в кратком подведении итогов работы общего собрания Федерации.

Участники Семинара смогли также познакомиться с сокращенной версией обзорного доклада FERMA на тему «Проблемы риска и страхования в Европе 2014» (European Risk and Insurance Report, 2014). В основу доклада были положены материалы заочного опроса корпоративных и индивидуальных членов Федерации. Такое эмпирическое исследование проводится каждые два года начиная с 2002 г.

Данное, седьмое по счету, эмпирическое исследование обобщает мнения 850 профессионалов в области управления рисками из 21 европейской страны, ответивших на вопросы специально разработанной анкеты. Для повышения репрезентативности исследования организаторы опроса привлекли не только европейских риск-менеджеров и менеджеров

по страхованию бизнеса, но и более широкий круг специалистов и хозяйственников-практиков, работающих в различных секторах экономики и занимающих различное положение в бизнесе, в круг профессиональных интересов которых входят вопросы управления риском. Таким образом, представленные в докладе материалы отражают общие тенденции и проблемы современного европейского «общества риска» (Бек, 2000).

В настоящее время проблематика управления риском заняла ключевые позиции в стратегическом управлении компаниями. Европейские компании демонстрируют сегодня существенно возросшую потребность в получении достоверной информации о рисках своей хозяйственной деятельности для поддержки процесса принятия решений на уровне совета директоров. Так, практически половина опрошенных риск-менеджеров представляют в формализованном виде результаты анализа и оценки факторов и уровня риска совету директоров или высшему менеджменту компании, как минимум, несколько раз в течение года.

В сравнении с 2012 г. из числа выделенных тогда десяти важнейших видов факторов риска (ФР) в текущий момент возросла значимость четырех из них, а именно:

- политические – факторы, появление которых обусловлено изменением законодательных и (или) иных регулирующих институтов;
- репутационные – факторы риска ухудшения общественного мнения о достоинствах компании и ее бренда;
- в сфере человеческих ресурсов – возможность ухода ключевых сотрудников и снижения уровня социальной защищенности работников;
- в сфере управления качеством – ухудшение качества продукции и услуг, обусловленное недостатками проектирования, обеспечения безопасности и надежности.

За тот же период снизилась значимость таких факторов риска, как:

- нарушения законодательных и других нормативных требований;

³ Имеется в виду Директива 2004/35/CE Европейского парламента и Совета Европы от 21 апреля 2004 г. об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде.

- ошибки стратегического планирования и сбои в реализации стратегических решений.

Главными приоритетами в деятельности FERMA остаются вопросы регулирования уровня риска в области защиты информации, прозрачности деятельности компаний при подготовке ежегодных отчетов, выполнения правил ведения страховой деятельности (например, согласно нормам директивы Европейского Союза Solvency II⁴), а также развития кэптивных форм страхования. При этом примерно 61% владельцев кэптивных фирм выбрали именно эту форму страхования, поскольку она регулируется нормативами Solvency II, а также признается FERMA как приоритетная.

Для сравнения: приоритеты самих риск-менеджеров концентрируются вокруг проблем разработки и применения систем непрерывного (постоянного) управления риском, развития и формирования в компаниях такой культуры управления риском, которая пронизывала бы всю деятельность организации и, в частности, чтобы функция управления риском была встроена в систему стратегического управления компанией. Стоит заметить, что в наше время вектор изменения культуры управления смещается от доминировавшей ранее конкуренции к сотрудничеству. Аналогично, как видно, обстоит дело и с культурой управления риском.

В целом FERMA видит развитие своей деятельности в следующих направлениях:

- поддержка совместных усилий в области повышения значимости «культуры риска» в сфере управления, усиления «жесткости» управления риском в деятельности организа-

⁴ Solvency II является директивным документом Европейского Союза (Solvency II Directive (2009/138/EC)), который устанавливает и гармонизирует правила ведения страховой деятельности в странах ЕС. В первую очередь это касается минимальной суммы капитала, которую должны обеспечить страховые компании для того, чтобы снизить риск неплатежеспособности. Директиву Solvency II планируется ввести в действие с 1 января 2016 г.

ции, а также в части оптимизации затрат на реализацию риск-менеджмента;

- использование больших объемов данных путем активного участия в процедурах принятия решений мощных аналитических средств – в системах поддержки решений по бюджетированию страховых решений, а также путем поддержания соразмерности приоритетов риск-менеджмента с бюджетными ограничениями;

- повышение эффективности применения инфокоммуникационных платформ и инструментов GRC⁵ за счет возможностей, предоставляемых средствами таможенного оповещения, использования в режиме реального времени сертифицированных управленческих инструментов урегулирования убытков и т.п.

К 2014 г. для многих европейских компаний разработка карт риска (risk mapping)⁶ уже стала рутинной процедурой. Однако реальная практика использования для этого ИТ-технологий и инструментальных средств GRC все же остается достаточно ограниченной, в то время как требования со стороны советов директоров, стейкхолдеров и банков к ускоренному формированию отчетности по текущей количественной оценке уровня риска и мониторингу эффективности применяемых анти-

⁵ GRC – Governance, Risk management and Compliance – инструменты администрирования риска, риск-менеджмента и контроля соответствия финансовой деятельности текущим нормативам

⁶ Карта рисков – это графическое представление мнения и оценок менеджмента компании об актуальных факторах риска (ФР) в двумерной системе координат. Каждый ФР отображается в этой системе координат точкой, ордината которой соответствует оценке степени возможности (в том числе, вероятности) реализации данного ФР, а абсцисса – оценке величины ущерба для компании вследствие реализации данного ФР. Фактором риска при этом, согласно введенному в (Качалов, 2012, с. 41) определению, можно считать события, которые в случае своего появления могут привести к ущербу или нежелательному отклонению от цели хозяйственной деятельности компании.

рисковых воздействий значительно возросли. Тем не менее результаты обследования свидетельствуют о том, что процедуры построения карт риска уже включены в рутинную деятельность многих менеджеров риска. Так, в 2014 г. 77% респондентов применяют карту риска, из них порядка 55% уже применяют эту технологию на всех уровнях корпоративной структуры управления фирмой, а 22% – только на корпоративном уровне. Кроме того, отмечается, что в настоящее время около половины компаний, отвечая на ожидания стейкхолдеров, сосредоточили внимание на таких поддерживающих технологиях, как технологии формирования отчетности по текущему уровню риска, квантификация (оцифровывание) показателей риска и мониторинг смягчения рискованности хозяйственной деятельности.

Исследование FERMA подтвердило, что политические ФР (т.е. факторы риска, обязанные своему появлению политическим решениям властных структур или изменениям политической ситуации в стране и мире) остаются наиболее значимыми для европейских компаний в 2014 г., в то время как в 2012 г. ФР этого вида только начинали играть важную роль в предпринимательском климате Европы. Оказалось, что из пяти видов ФР, признанных наиболее существенными в 2014 г., три вида факторов риска – репутационные, конкурентные и нормативно-законодательного регулирования – остаются в этом качестве с 2012 г. Вместе с тем из тех же пяти видов ФР три – политический, конкурентный и экономический – продолжают плохо поддаваться управленческим воздействиям, применяемым для снижения их значимости. Заметим, что аналогичная ситуация характерна и для российских условий (Лисицына, 2014).

Интересные данные получены в отношении методов минимизации уровня риска, которые применяют так называемые открытые организации (open organization)⁷.

⁷ Открытая организация – организация, открытая для любого, кто соглашается поддерживать ее цель и принципы, с полной прозрачностью и ясно

В отношении таких факторов, как риск политического вмешательства государства, изменения законодательных актов и регулирующих норм (64%), влияние демографических факторов (64%), требований законодательных и регулирующих норм (57%), изменение условий конкуренции (55%) и экономики (54%), указанной в скобках долей респондентов лишь принимается к сведению, без какой-либо выраженной антирисковой реакции.

Что касается влияния таких факторов, как риск противоправных действий третьих лиц, взяточничества, использования инсайдерской информации (80%), риск противоправных действий в информационном пространстве (79%), взлом информационных систем и центров хранения данных (74%), риск несоблюдения норм промышленной безопасности и охраны здоровья (72%), ошибки в системе внутреннего контроля (69%), указанная в скобках доля организаций применяет разного рода меры антирискового воздействия для снижения возможности реализации перечисленных факторов риска.

И наконец, в случае появления таких факторов, как риск деяний, подпадающих под действие гражданской и уголовной ответственности (64%), причинения вреда материальным активам предприятия (52%), а также в случаях нежелательных колебаний ставки финансирования или курсов валют (40%) указанная в скобках доля респондентов использовала инструменты передачи (или диссипации) риска сторонним участникам экономического взаимодействия.

Таким образом, на основе проведенного исследования стало очевидно, что открытые организации в основном применяют активные методы снижения уровня риска в ответ на возможное появление внутренних факторов рисков, тогда как в отношении внешних факторов риска (касающихся политической и экономической ситуации, конкуренции и нормативного регулирования), решения по

определенными структурами принятия решения, образцами собственности и обменными механизмами.

противодействию которым находятся в компетенции совета директоров, генерального директора или топ-менеджмента компании, чаще применяются пассивные методы принятия рисков, т.е. классификация их как «приемлемых». В то же время такие активные антирисковые методы, как «передача риска», применяются преимущественно в тех случаях, когда уровень значимости факторов риска можно оценить количественно.

Отвечая на вопрос о том, в каких сферах ответственности риск-менеджеры считают свою работу наиболее результативной, авторы исследования выделили: промышленную безопасность и охрану здоровья; корпоративную социальную ответственность; риски колебания процентной ставки и курсов валют; качество продукции и услуг (проектирование, безопасность и надежность); гражданскую и уголовную ответственность директоров и других должностных лиц компании.

В наименьшей степени риск-менеджеры были в прошедший период удовлетворены результатами своей работы в части реагирования на ужесточение налогового и фискального регулирования, вмешательство государства в экономическую деятельность, применение новых коммуникационных технологий и т.п.

В докладе также приведены данные о возрастном и гендерном составе профессиональных риск-менеджеров (РМ) в европейских компаниях. Так, оказалось, что в европейских странах мужчин среди них примерно втрое больше, чем женщин. При этом риск-менеджеры старше 45 лет составляют 22% женщин и 78% мужчин. Соответственно руководителями подразделений РМ также в основном являются мужчины, таких оказалось 66%. Характерно, что в настоящее время сложилась ситуация, когда чем крупнее компания, тем больше в ней риск-менеджеров в составе высшего эшелона управления компанией. Так, из 56% компаний с оборотом более 5 млрд евро (доля которых в выборке составляет 30%) имеют в штаб-квартире своей компании подразделение РМ в составе шести человек, а

еще у 38% респондентов такое подразделение состоит из четырех штатных сотрудников.

В 2015 г. Федерация планирует провести общее собрание в формате Форума в Венеции в период с 4 по 7 октября. Тематика встречи останется прежней – «Жизнедеятельность в мире возрастающего риска».

Литература

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Качалов Р.М. Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения. СПб.: Нестор-История, 2012.
- Лисицына Я. Эффективность риск-менеджмента определяет эффективность бизнеса // Эффективность и антикризисное управление. 2014. № 5 (86). С. 28–31.
- European Risk and Insurance Report. Executive Summary of the FERMA Risk Management. 7th ed. Benchmarking survey, 2014.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

*В.В. Сорокожердьев,
Х.А. Константиныди, С.Г. Спирина*

Международная научно-практическая конференция «Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социохозяйственной модернизации на постсоветском пространстве» состоялась 2–9 ноября 2014 г. в г. Ереване, Армения. В центре ее внимания находились актуальные экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России и сопредельных государств на постсоветском пространстве. Основными организаторами данной конференции выступили Финансовый университет при Правительстве РФ и Краснодарский региональный общественный благотворительный фонд «Научно-образовательные инициативы Кубани».

Большое значение в обеспечении научного уровня и представительности Конференции имело содействие со стороны Центрального экономико-математического института РАН, Финансового университета при Правительстве РФ, Международной политэкономической ассоциации, Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Общество “Знание”», Краснодарского регионального отделения Общерос-

сийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Обеспечение международного статуса Конференции осуществлялось при поддержке ряда ведущих вузов и научных учреждений Армении, включая Ереванский государственный университет, Армянское отделение Института стран СНГ, Национальный аграрный университет Армении, Российско-армянский (славянский) университет.

В работе Конференции приняли участие в соответствии с ее тематикой и направленностью представители экономической науки высшей школы из ряда авторитетных вузов России и Южного макрорегиона, а также правоведы, социологи и бизнесмены. Общее число участников составило 50 человек, в том числе более 40 докторов и кандидатов наук.

В ходе Конференции состоялись пленарное заседание, а также помимо основной дискуссии по обсуждению докладов, заслушанных на пленарном заседании, прошли заседания круглых столов. Также состоялись творческие встречи участников Конференции с профессорско-преподавательским составом и студентами Ереванского государственного университета, Национального аграрного университета Армении, Армянского государственного экономического университета.

Открыла основное пленарное заседание докладом на тему «Агробизнес России в условиях ВТО: ожидания и реальность» д.соц.н., профессор Высшей школы экономики С.Ю. Барсукова. В докладе были изложены результаты исследования, основу которого составили полуформализованные интервью с руководителями аграрных ассоциаций и топ-менеджерами крупных агрохолдингов, поскольку именно они владеют информацией о динамике состояния отраслей. Представлена систематизация стратегий бизнеса накануне вступления в ВТО и в ходе адаптации к новым условиям, выявлены основные трудности адаптационного процесса.

На основе представленного в докладе анализа сделан вывод о том, что членство России в ВТО не стало для российского аграрно-

---

© Сорокожердьев В.В., Константиныди Х.А.,
Спирина С.Г., 2015 г.

го бизнеса катастрофой, как предвещали наиболее активные противники присоединения к этой организации. Однако позитивные эффекты, которые рекламировали сторонники ВТО (приток иностранных инвестиций, снижение цен на продовольствие, выход российских производителей на мировые рынки и пр.), также не имели места. Растет решимость бизнеса освоить правила ВТО для продвижения своих интересов. Низкая компетенция и квалификация чиновников оказались основными недооцененными рисками вступления в ВТО.

В своем докладе на тему «Особенности и тенденции развития сельского хозяйства Республики Армении» д.э.н., профессор, декан экономического факультета Национального аграрного университета Армении Э.С. Казарян отметил, что, несмотря на некоторые национальные особенности экономических реформ, для стран, находящихся в процессе перехода к рыночной экономике, типичны общие экономические условия, которые в первую очередь относятся к экономике, ценам, либерализации внутренней и внешней торговли, приватизации и ограничению роли государства.

Основными проблемами при проведении сельскохозяйственных реформ, согласно различным исследованиям, являются:

- структурное изменение отрасли, приватизация земли и материально-технических средств, перестройка субъектов производства сельского хозяйства;
- формирование новой рыночной и производственной инфраструктуры, приватизация отраслей аграрного комплекса и либерализация экономики;
- формирование экономической (в том числе аграрной) политики в соответствии с проведенными реформами.

В период перехода к рыночным экономическим отношениям в связи с обеспечением населения республики необходимыми сельскохозяйственными продуктами, снабжением ресурсами, реализацией продукции, блокадой путей сообщения и другими проблемами, значительно изменились сельскохозяйствен-

ные как отраслевые, так и внутриотраслевые структуры растениеводства и скотоводства. По средним данным 2008–2013 гг. отраслевые структуры сельского хозяйства определяются следующим образом: растениеводство – 61,3; скотоводство – 38,7%, тогда как в 1990 г. – 49,4 и 50,6% соответственно.

Проблемы в сфере растениеводства и скотоводства частично обусловлены существующим пока несовершенством управления сельским хозяйством, что требует незамедлительного и приоритетного решения.

Совместный доклад д.э.н., профессора, зав. отделом, главного научного сотрудника Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ В.Н. Овчинникова и д.э.н., зав. кафедрой маркетинга и коммуникаций в бизнесе ЮФУ Н.П. Кетовой был посвящен анализу основных тенденций развития социально-экономического комплекса Юга России. С их точки зрения, Юг России обладает рядом специфических особенностей социально-экономического развития, определяемых межтерриториальными различиями входящих в него регионов, спецификой расселения населения, формами хозяйствования, наличием относительно масштабного теневого сегмента в экономике, высокой долей этноэкономического уклада и др.

В докладе проанализировано действие основных инновационных драйверов хозяйственного развития, к которым отнесены, в частности, эксплуатация объектов Олимпиады–2014 в Сочи, создание и соответствующая информационная, программная, кадровая и иная загрузка технико-индустриальных парков, реализация «знаковых» для Юга России крупных строительных и управленческих проектов, достраивание и укрепление значимых для Юга России кластеров: АПК, туристско-рекреационного, машиностроительного, текстильного, транспортного и др. Их комплексное применение в социально-экономическом комплексе Юга России для серьезных преобразований требует новых институциональных инструментов привлечения инвесторов, организации управления на всех уровнях, обеспе-

чения мотивации в производстве инновационной продукции, трансферте инноваций.

Проблематика интеграционного взаимодействия между Арменией и Россией находилась в центре внимания д.полит.н., директора Информационно-аналитического центра «Восканат» (Ереван) *Л.Г. Мелик-Шахназаряна*, сделавшего доклад на тему «ЕврАзЭС как этап восстановления политического и экономического влияния России на постсоветском пространстве». На взгляд автора доклада, Армения, несмотря на относительно небольшие размеры ее территории и экономики, играет весьма важную роль в устройении новой конфигурации отношений на Кавказе и является надежным союзником России. В то же время, несмотря на ряд позитивных изменений во взаимоотношениях между двумя странами, включая присоединение Армении к ЕврАзЭС, продолжают сохраняться негативные тенденции в осуществлении экономико-политического сотрудничества. В частности, Россия продолжает отказываться признавать присоединение Нагорного Карабаха, способствует установлению монопольно высоких цен на российский газ; по существу, создает препятствия для инвестирования в реальный сектор экономики Армении. Очевидно, необходима политическая воля с обеих сторон для решения данных проблем.

В докладе на тему «Стратегии социоэкономического развития и взаимодействия стран на постсоветском пространстве: реальные приоритеты, препятствия, противоречия» к.э.н., президент КРОБФ «Научно-образовательные инициативы Кубани» *В.В. Сорокожердыев* остановился на проблематике системного реформирования и взаимодействия государств на постсоветском пространстве. При этом процесс интеграции необходимо рассматривать шире, чем сам Евразийский экономический союз, который продолжает расширяться и с начала 2015 г. будет также включать Республику Армению.

В условиях применяемых странами Запада санкций нет альтернативы проведению модернизации национальных экономик и

углублению их интеграции. За это время создан Таможенный союз, практически завершается формирование Единого экономического пространства. Но тем не менее пока еще не в полной мере реализован потенциал экономической интеграции.

Необходимо формирование общей стратегии развития не только в смысле договорно-правовой базы и стимулирования взаимной торговли, но и в отношении реализации общих приоритетов развития промышленности, сельского хозяйства, создания совместных высокотехнологичных производств. Именно в этом – главный плюс экономической интеграции.

Доклад к.э.н., доцента, зав. кафедрой политической экономии Дагестанского государственного университета *Н.С. Аскерова* на тему «Неформальный механизм регулирования общественных отношений на Северном Кавказе» был посвящен анализу депрессивных и кризисных территорий. По мнению автора, к депрессивным регионам следует относить территории, которые в прошлом были развитыми, но в настоящее время отличаются более низкими показателями социально-экономического развития, чем в среднем по стране. Главный вывод автора состоит в том, что система экономических отношений рассматриваемой территории нуждается в тщательных исследованиях сообществом экономистов, маркетологов, правоведов, философов, историков, этнологов и представителей других наук. Результатами данного взаимодействия должны стать: 1) диагностика политических, правовых, нравственных, религиозных, этнических, иных проблем и 2) разработка систематизированной государственной программы вывода территорий из состояния кризиса.

Доцент РАНХиГС Ростовского института – филиала при Президенте РФ, к.юр.н. *С.Е. Хейгетова* посвятила свой доклад анализу актуальных законодательных аспектов развития транспортного комплекса России. На взгляд автора, наиболее важной и реально достижимой на практике задачей оптимизации транспортного законодательства в настоящее время

является устранение коллизий между нормами транспортных уставов и кодексов, различных федеральных законов в сфере транспорта и нормами гражданского законодательства. Следует сделать акцент на дальнейшем совершенствовании различных аспектов правовой регламентации перевозочной деятельности на каждом виде транспорта в отдельности с учетом специфики деятельности, а не на механическом укрупнении правового регулирования общественных отношений по перевозке. Также необходимо установить четкие разграничения нормотворческой компетенции между Российской Федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением в регулировании перевозок пассажиров.

По итогам Конференции организована подготовка к опубликованию сборника статей по основным направлениям ее работы, где будут размещены материалы, представленные участниками. Для подтверждения практической апробации представленных на Конференции результатов научных исследований участникам были выданы соответствующие свидетельства.

III ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Российская академия наук, Уральское отделение РАН, Институт экономики УрО РАН, Евразийское бизнес-экономическое сообщество при информационной поддержке интернет-портала www.uies.ru, Журнала экономической теории, журнала «Экономика региона» извещают о проведении

III ВСЕРОССИЙСКОГО СИМПОЗИУМА ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Симпозиум состоится 29 сентября – 1 октября 2015 г. в городе Екатеринбурге. Пленарное заседание будет проведено 29 сентября. Секционные заседания запланировано провести 29 сентября – 1 октября 2015 г. в аудиториях Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29).

Председатель Организационного комитета Конференции и Симпозиума: академик *А.И. Тартаркин*.

Сопредседатели: академик *П.А. Минакир*, академик *В.В. Кулешов*.

Заместитель председателя: д.э.н. *Ю.Г. Лаврикова*.

Работа Симпозиума будет проходить по следующим научным направлениям.

- Направления и проблемы развития современной теории и методологии региональной экономики.
- Соотношение физических и неосязаемых, в том числе креативных, факторов в современном региональном развитии.
- Роль сетей и сетевых конфигураций в процессе регионального развития стран евразийского экономического пространства.

- Институты регионального инфраструктурного развития и обустройства территории.
- Институты саморазвития территорий разного уровня.
- Инструментарий и методы прогнозирования регионального развития.
- Современная государственная региональная политика.

Планируется разделение научных направлений на отдельные секции (продолжительностью 2 часа) с участием 4–5 докладчиков и формированием оппонентов по докладдам.

Адрес Оргкомитета симпозиума:
E-mail: symposium2015@mail.ru

---

*КНИЖНАЯ
ПОЛКА*   **НОВОЕ ВРЕМЯ
В ЗЕРКАЛЕ «КАПИТАЛА»**
(рецензия на книгу
А.В. Бузгалина и А.И. Колганова
«Глобальный капитал»)¹

Р.Н. Павлов

Появление двухтомной монографии А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал», безусловно, является событием минувшего года, учитывая, что в ней, по сути, представлена попытка спроецировать образ мышления К. Маркса в период написания его главной книги на критическое переосмысление и попытку оценить события минувших десятилетий, ознаменовавших в России тот этап, который принято именовать «переходом к рынку».

Задача представляется действительно амбициозной, и хотя авторы уверяют, что они не берутся за ее решение, а ограничиваются более скромными целями, тем не менее по сути данная книга представляет собой именно «Капитал» К. Маркса для нового времени, т.е. с учетом тех явлений, которые Маркс никоим образом не мог предвидеть, поскольку трудно спрогнозировать стремительный рост разного рода технологий и того, как они внедряются в общественную жизнь и трансформируют не только образ жизни, но и образ мышления. Собственно говоря, главной заслугой авторов

© Павлов Р.Н., 2015 г.

¹ Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1: Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: URSS, 2015. 640 с.; Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.

данной книги можно считать то, что они не только представили в ней анализ экономических явлений, но также рассмотрели явления в духовной сфере. В этом смысле она может оказаться своеобразным лекарством для «очищения» сознания от постоянного давления рыночных технологий, масс-медиа и прочих средств зомбирования и манипулирования общественным сознанием, которое мы постоянно наблюдаем и которое является составной частью сложившейся на сегодня *рыночноцентричной* (по выражению авторов) социально-экономической системы, причем не только в России, но и в мире (неслучайно книга называется «Глобальный капитал»).

Ключевой термин, который авторы чаще всего используют в этой книге, – *симулякр*. Он представляется наиболее удачным и емким термином для обозначения многообразных и превратных форм общественного бытия, порождаемых нынешней эпохой постиндустриализма. Эти явления характерны для финансовой сферы. Множество различных финансовых инструментов, которые являются предметом постоянных спекуляций на финансовом рынке, мультиплицируют свой превратный эффект путем выпуска производных ценных бумаг. В этом смысле они создают кумулятивный эффект бесполезности в экономике. Это происходит потому, что развитие, происходящее в отрыве от реального сектора, приводит к образованию финансовых пузырей, которые в дальнейшем наносят невосполнимый ущерб всей экономической системе в целом, примером чего является, в частности, мировой экономический кризис 2008 г.

Другой пример подобного рода – различные проявления процессов формирования ложных ценностей в духовной сфере, сфере культуры: формирование культа высоких технологий в ущерб созданию подлинно высокодуховных шедевров, произведений искусства; ложные представления о креативности, сводящиеся к производству незначительных и несущественных для общества инноваций, для которых главным и, пожалуй, единственным критерием является получение коммерческо-

го эффекта, а не создание общественно полезных благ.

Теория креативного класса подвергается авторами жесточайшей критике, что вполне обоснованно, учитывая, что она фактически искажает представление о творчестве как таковом, приравнивая труд креативного менеджера, создающего по сути не особо значительную с общественной точки зрения творческую продукцию, по сравнению с трудом учителя, формирующего в процессе обучения творческую атмосферу, но при этом рынок имеет явную тенденцию переоценивать труд первого и недооценивать усилия второго.

Особого внимания заслуживает раздел, посвященный анализу *креатосферы*, формирование которой становится особенно актуальным на фоне усиления тенденции коммерциализации культурной сферы и, как следствие, ее деградации в результате подчинения капиталу. Собственно говоря, данное обстоятельство также фигурирует у авторов как ключевое, объясняющее односторонность и ограниченность не только теории креативного капитала, но и теории социального и человеческого капитала. И с этим трудно не согласиться.

Особый интерес вызывает предлагаемая авторами периодизация основных этапов развития «позднего капитализма» в мире. По сути, выделяются четыре этапа данного процесса: классический капитализм (конец XVIII – XIX в.), империализм (конец XIX – первая половина XX в.), социал-реформизм (1950–1970-е гг.) и неолиберализм (с 1980-х гг.). Не оспаривая правомерность данной периодизации в целом, все же необходимо сделать несколько замечаний по поводу обоснованности выделения последнего этапа в качестве «монолитного» с точки зрения предполагаемой парадигмы. Безусловно, 1980-е гг. были ознаменованы ренессансом политики *laissez-faire*, а по сути – уходом государства из экономики в странах Западной Европы и США. Однако в странах Восточной Европы в этот период происходили другие процессы: это был этап открытия «железного занавеса» и последний этап противостояния миро-

вой социалистической системы (МСС), если следовать терминологии авторов, и мировой капиталистической системы (МКС), который закончился полным поражением первой. Поэтому здесь было бы целесообразно выделить промежуточный этап, а именно капитуляцию МСС на фоне относительных успехов МКС. Успех модели МКС в ее неолиберальном обличье в долгосрочной перспективе оказались, как мы знаем, иллюзорными, однако они сформировали «благоприятное впечатление» у младореформаторов 1990-х гг., которые поверили в вечный характер подобной модели, игнорируя при этом ее циклическую природу и постоянно возникающие кризисы, о которых писал Маркс. Это увлечение обернулось тупиковым для России и других стран бывшего социалистического лагеря путем. Однако предшествовал этому этапу «ревущих девяностых» (следуя определению Дж. Стиглица) этап разрушения прежней системы экономических отношений и становления новой, поэтому целесообразно было бы выделить его как переходный этап и назвать этапом капитуляции МСС в длительном процессе противостояния с МКС, поскольку фактически речь идет о поражении СССР в холодной войне (по крайней мере, в идеологическом плане). Вместе с тем сам этап неолиберализма, когда ему приписываются характеристики невмешательства государства в экономику для всего данного периода новейшей истории, также вызывает некоторое недоумение, поскольку в период президентства Б. Клинтона была предпринята попытка в какой-то степени восстановить баланс между государственным регулированием и автономией рынка, утраченный за периоды президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего. Вот что об этом пишет Дж. Стиглиц, который в тот период входил в состав Экономического совета при Президенте Клинтоне: «Мы знали, что необходима иная и более широкая роль государства, что нужно уделить большее внимание бедности и обеспечить образование и социальную защиту для всех; что следует усилить защиту окружающей среды. Близорукая сосредоточенность на финансах и

бюджетном дефиците вынудила нас отложить в сторону эти пункты нашей программы»². Тем не менее он признает, что какие-то преобразования в этих сферах им сделать удалось. «Наша задача заключалась в том, чтобы найти подходящий средний курс и приспособить систему регулирования к изменениям, происходившим в стране. Нам не следовало много рассуждать о дерегулировании, а вместо этого найти правильную основу системы регулирования. В некоторых областях нам это удалось; но зато в других нас захлестнула волна дерегулирования, увлекли лозунги свободы бизнеса»³. Несмотря на то что эти попытки выглядят неудачными и, к сожалению, не сказываются положительно на общем контексте, факт остается фактом: попытки восстановить регулиующую роль государства в тот период предпринимались, и это также необходимо отметить.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что авторы справедливо отмечают нарастающие тенденции развития пострыночных отношений, т.е. таких, которые предполагают акцент на принципах солидарности, вопреки общей тенденции максимизировать прибыль и конкуренции. Авторы приводят разного рода примеры подобного взаимодействия общественных сил, но при этом упускают из виду такое активно развивающееся в последние годы явление, как социальное предпринимательство, которое по всем признакам относится авторами к так называемым пострыночным отношениям, прекрасно вписывается в эту картину, поскольку оно предполагает максимизацию социального эффекта, а не обогащение представителей корпоративного капитала. Основная доля прибыли, которую получают социальные предприятия, направляется на реализацию дальнейших проектов, которые данные субъекты хозяйственной деятельности в дальнейшем планируют осу-

² Стиглиц Дж.Ю. Ревущие девяностые: семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 31.

³ Там же. С. 25.

ществить. Среди множества организационно-правовых форм подобных предприятий наиболее типичными являются кооперативы, которые авторы упоминают в качестве возможной формы проявления пострыночных отношений.

Композиция книги не случайно предполагает двухтомную структуру, поскольку таким образом отдельно рассматривается методология исследования, которая действительно весьма обширна, и ее невозможно описать в двух словах: она строится на контрапункте с методологией позитивизма и постмодернизма, которые являются объектом довольно суровой и вполне обоснованной критики, и именно в результате такого антагонизма и выделения преимуществ марксистского подхода и рождается та методология, которая используется уже во втором томе для полноценного анализа. Сказать, что это системный подход, недостаточно, его тут смело можно назвать сверхсистемным, поскольку он выходит за рамки узких, по мнению авторов, но имеющих свою систему (пусть и своеобразную) экономических теорий: будь то институционализм, постмодернизм или пресловутый мейнстрим. В этом смысле то, что авторы вырываются за рамки каждого из перечисленных подходов и ищут более широкие основы для методологии, учитывающие массу аспектов, которые последние не могут отразить, вызывает огромное уважение к данной работе. В этом смысле это исследование открывает некое пятое измерение социально-экономических процессов, если считать четырьмя предыдущими соответственно макро-, микро-, мезоэкономику и институциональную теорию. Данное измерение имеет ярко выраженную политэкономическую природу, уходящую корнями в марксизм, но при этом оно также имеет синтетический характер, поскольку включает элементы культурологического, философского и даже исторического подходов. Подобная синергия вполне оправдана, поскольку существующий в настоящее время методологический кризис в некоторых общественных науках, особенно в экономической, проявив-

шийся в повальном увлечении постмодернизмом, показал ошибочность изначально выбранных методологических позиций, утрату системности, свойственной диалектическому подходу, и неспособность найти адекватную замену последнему после сжигания марксизма как объекта поклонения при переходе к новой эре.

В заключение хотелось бы особо отметить, что данная книга вышла в сложный период: наблюдается, с одной стороны, усиление имперских позиций России на международной арене, с другой – в мировоззренческой сфере – попытка утверждения постмодернистской идеологии, которую, с легкой руки авторов, можно было бы охарактеризовать как задачу утверждения представления о симулякрах в общественном сознании как о главных ценностях, к которым необходимо стремиться путем постоянного манипулятивного влияния через средства массовой информации и другие каналы воздействия на потребителей.

Современному обществу необходимо отрезвление от влияния подобных идеологических атак, формирующих превратное представление о целях, механизмах и законах общественного развития, исходящих от доминирования интересов корпоративного капитала практически во всех сферах.

Данная книга как раз позволяет трезво взглянуть на тенденции современного социально-экономического развития в более широком контексте. И в этом смысле она не только подобна известной сказке о голом короле, но и напоминает появление знаменитого «Философического письма» П.Я. Чаадаева в период николаевской реакции, призывавшего задуматься над правотой проводимой тогда в стране государственной политики. Аналогия здесь не случайна: по эффекту своего воздействия данная книга может оказаться не менее значительной. В условиях радикализации либерализма в России она может пролить свет на многие обстоятельства, которые сознательно или неосознанно упускают из виду нынешние государственные деятели.

РЕФОРМЫ В РОССИИ: ВЗГЛЯД СИСТЕМНОГО АНАЛИТИКА

(рецензия на книгу В.Н. Лившица
«Системный анализ рыночного
реформирования нестационарной
экономики России: 1992–2013»)¹

Р.И. Нудельман

Кардинальная реформа российской экономики, затронувшая каждую семью, вызвала огромный поток публикаций с оценками ее хода и последствий. Заметным явлением в этом потоке должна стать рецензируемая монография, автор которой – один из признанных лидеров в области методологии оценки эффективности инвестиционных проектов. Выходу этой книги предшествовали два ее издания – в 2010 и 2011 гг., ряд монографий, статей и докладов автора на различных научных форумах по данной проблеме. Настоящая книга отличается от предыдущих не только продлением рядов анализируемых показателей (использованы даже некоторые данные 2014 г.), но также дополнением и усилением аргументации для выводов и предложений.

Важнейшим принципом методологии исследования социально-экономических преобразований в России служит системный подход. Его основы изложены в специальном подразделе 0.4 (с. 43–85). В нем и далее важное место занимает понятийный аппарат. Ясность дефиниций придает работе исчерпывающую конкретность и законченность. Особенности

© Нудельман Р.И., 2015 г.

¹ *Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013. 640 с.

системной методологии выражаются также в сочетании теоретических и статистических подходов, сопоставлении отечественных макроэкономических показателей и процессов с зарубежными, рассмотрении реальных фактов и событий («как есть») с нормативных позиций («как должно быть»). Приведены мнения представителей экспертного сообщества. На страницах книги разворачивается острая дискуссия обильно цитируемых авторов, причем слово получают как критики реформы, так и сами реформаторы. В процессе исследований автором собран и осмыслен громадный объем ценной информации, библиография включает около 900 использованных источников.

Состояние экономики накануне реформ рассматривается в историческом аспекте и в сопоставлении с другими странами. Автор опровергает мнение тех, кто идеализирует «счастливое дореволюционное детство» российского капитализма, якобы преступно разрушенное Октябрьским переворотом (с. 12).

Характеризуя советское время и отмечая его негативные стороны, автор пишет, что хорошего тогда «было очень немало: гарантия занятости, реальная, хотя и не всегда высокого качества, система предоставления бесплатных социальных благ, реальная дружеская благожелательность отношений между людьми, в том числе разных национальностей, взаимопомощь не только и не столько по признаку родства или близости к власти и богатства и т.д.». И далее: «позитивное высказывание по поводу указанных существовавших в советское время мероприятий, традиций и институтов просто объективно фиксирует то, что было, но не означает предложения вернуться целиком и пунктуально к тому варианту социализма и экономики, который был в нашей стране в рамках советской системы жесткого централизованного планирования» (с. 11).

Считаю необходимым прокомментировать эти авторские оценки. Несмотря на пропагандистские утверждения о том, что в стране создан «зрелый», а затем «развитой» социализм и образовалась новая историческая общность «советский народ», построить

настоящий социализм, отвечающий лозунгу «От каждого по способностям, каждому по труду», пока еще никому не удалось. Он остается светлым будущим человечества.

В действительности при приеме в вуз или на работу решающим фактором зачастую были не способности, а анкетные данные, знакомства или деньги. В оплате труда царила уравниловка, а полученные деньги надо было еще «отovarить», выстаивая в бесконечных очередях. По поводу гарантий было метко сказано в известной песне: «Твоя нищета гарантирована». Наиболее печальный ответ жизнь дала на вопрос о дружбе народов: при распаде Советского Союза никто за него не вступился, а нынешние отношения между бывшими братьями, как говорится, без комментариев...

В монографии отмечается, что народ признал стратегическую необходимость разумного реформирования системы путем перехода к эффективной смешанной экономике. Однако оказавшиеся у руля либерал-реформаторы, руководствуясь ошибочной концепцией и рекомендациями западных советчиков, выбрали тактику «шоковой терапии». Одномоментно, без серьезной подготовки были отпущены почти все цены, затем приватизирована по бросовым ценам значительная часть государственной собственности, либерализованы внешнеторговые операции, существенно сокращены социальные расходы бюджета.

Обескураживающие результаты этой политики известны не только специалистам, но практически каждому жителю: развал экономики, сокращение производства, предельный износ и отсталый технический уровень основных фондов и, как следствие, падение уровня жизни населения, снижение реальных доходов, небывалое имущественное расслоение и возникновение олигархата, разгул криминала и коррупции.

В монографии обстоятельно анализируются причины провала реформ. Позиция автора в кратком изложении состоит в следующем (с. 33–35 и далее). В стране продолжается глубокий системный кризис. Мировой финансовый кризис, другие возникающие время от

времени внешние возмущения оказывают на него определенное, по-видимому, кратко- или среднесрочное воздействие, в то время как российский долговременный системный кризис «в основном не заморский, а наш – родной, отечественный, рукотворный» (с. 317).

Его главную причину автор видит в том, что за основу была взята праволиберальная монетаристская теория при явном игнорировании специфики российских институтов, менталитета бизнес-элиты, населения и чиновничества, нестационарности экономики и т.д. Основанный на этом метод «шоковой терапии», претворяемый в жизнь с 1992 г., и породил продолжающийся до сих пор глубокий кризис, который затрагивает все стороны жизни народа.

Анализируя макроэкономическую ситуацию в ходе проведения реформ, автор выделяет три периода. В первом, «обвальном», (1990-е гг.), «шоковая терапия» вызвала резкий обвал в экономике и социальной сфере. С наступлением второго, «тучного периода» началось заметное оживление экономики, однако оно было не следствием неолиберальных реформ, а результатом благоприятной конъюнктуры, роста мировых цен на энергоносители. Но правительство не воспользовалось ситуацией для выхода из кризиса. В третьем периоде, который начался осенью 2008 г. и продолжается до сих пор, к системному кризису российской экономики добавился мировой финансовый. Этот кризис закрепил примитивный способ участия России в международном разделении труда путем обмена своего природного сырья на ввоз высокотехнологичной продукции.

Наибольший обвал произошел в области инвестиций, объем которых сократился в 4 раза. Высокие риски, несовершенство и нестабильность законодательства, откровенный бандитизм и масштабная коррупция привели к бегству иностранного капитала. В результате в течение двух десятилетий российских реформ годность основных фондов и их технический уровень снижались, в то время как развитые страны за это время ушли вперед.

Всесторонне анализируя положение в инвестиционной сфере, автор не обошел вниманием и «мегапроекты» (Олимпиада в Сочи, Сколково и др.). Ни по одному из «крупнейших семи “мегапроектов” нормальная корректная процедура предварительной оценки их эффективности и, следовательно, проверка целесообразности реализации, обоснованности уровня затрат и т.д. проведена не была», – сетует он (с. 183). Разделяя эту позицию, хочу напомнить, что эффект подобных проектов (а потом – и построенных объектов) часто имеет далеко не экономический характер.

Есть ли приемлемые методические приемы оценки престижа страны, ее величия, положения в мире? Один немецкий коллега сказал мне при посещении дворца Сан Суси: «Если бы кайзер Фриц не построил Сан Суси, а царь Петр – Петергоф, что бы мы показывали друг другу?». Такие эффекты нуждаются в специальных методах оценки, но такому анализу препятствует настоящее положение вещей – реальные затраты, которые зачастую фактически вдвое и более превышают проектные расчеты, – какая тут может быть оценка эффективности компонентов, которые иногда все же поддаются расчету?

Согласно большинству рейтингов, характеризующих качество жизни населения, Россия откатилась далеко в конец списков. Зато она лидирует по росту числа долларовых миллиардеров. Вопросам имущественного расслоения в монографии уделено большое внимание. Хотя средняя и минимальная заработная плата за годы реформ выросла, разрыв между доходами богатых и бедных резко увеличился. Децильный коэффициент в 2009 г. достиг 15,8. В то же время удельный вес бедных за период с 1996 по 2004 г. практически не снижался и составлял более одной трети населения. При этом доля социальных расходов в ВВП, которые в социальных государствах частично сглаживают имущественное неравенство, в России снижалась и в 1999 г. составила 12,7%, в то время как в Германии она составляла 22%, а в Швеции и Франции – более 28% (с. 150–172).

Возникает вопрос: как такое могло произойти в стране с огромными запасами природных ресурсов, квалифицированным населением, богатой культурой и наукой? Автор пишет, что представители экономической науки «высказывались», и более того – к тому времени были разработаны и другие предложения «“мягкого эволюционного” пути перехода» (с. 178). В подразделе 3.6 подробно анализируется борьба мнений вокруг предложений группы академиков во главе с Д.С. Львовым и команды Е.Т. Гайдара. Вначале экономическая программа правительства разрабатывалась на основе предложений академиков (повышение спроса населения и загрузка производственных мощностей, жесткий валютный контроль, государственное регулирование важнейших цен и тарифов). Новое (ельцинско-гайдаровское) правительство, пугая «призраком коммунизма» при реализации этой программы, избрало путь «шоковой терапии», который привел экономику к глубокому кризису.

Автор и цитируемые в книге экономисты дают справедливую оценку программе и результатам реформы, предусматривающим минимальное участие государства в экономике. Реформа проводилась в интересах не всего народа, а лишь «группы лиц, присвоивших при антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России», – цитирует автор Е.М. Примакова (с. 525). Далее со ссылкой на другие источники автор сообщает, какие многомиллионные суммы реформаторы переводили на именные счета в иностранные банки, включая президента и его дочь (с. 529–530).

С горечью читая о разоблачениях этих преступлений, задумываешься: а был ли в истории многострадальной России руководитель, которому потомки не предъявляли бы счет? Как бы отвечая на этот вопрос, автор ставит в пример советское время, когда «как цель объявлялось не личное благо и успех, тем более, не корыстолюбие, а благо страны и счастье народа». Далее утверждается, что

высшие руководители Политбюро, ЦК КПСС, министры и т.д. «как правило, в целевом порядке страну не разрушали и ее глобально не разворовывали, миллионных и, тем более, миллиардных личных долларовых счетов в зарубежных банках и мешков денег... за редким исключением, не имели» (с. 520).

Не останавливаясь на ярких примерах раскрытых дел об обогащении высших руководителей, напомним, что каждый директор считал свое предприятие личной собственностью, а секретари райкомов были настоящими князьками на своей территории. Номенклатуре полагалась «по должности» (в зависимости от ранга) квартира или представительное жилье, госдача или резиденция, машина с водителем, обслуживающий персонал, охрана, продукты из распределителя по спецценам, спецсанатории, спецбольницы, персональная пенсия и т.д., и т.п., и даже похороны им обеспечивали за государственный счет. А в иные времена появилась «конвертная» – вторая, не облагаемая налогом заработная плата. Так что жили неплохо и те из них, кто не воровал, но жил за счет казны. Главное – сохранить кресло, да и времена были суровые, не забалуешь...

Монопольная власть зорко охраняла незыблемость монопольной идеологии, другие системы рассматривались в средствах массовой информации с позиций нашего превосходства. Естественно, что необходимость ломки устоев вызвала неодобрение не только среди населения, но и среди управленцев. Академик Л.И. Абалкин, назначенный вице-премьером «по реформе», выступая перед госплановцами, уверял слушателей в верности социалистическому пути, лишь в крайнем случае допуская рыночные отношения. А с какой враждебностью и неприятием воспринимала эта аудитория слова тогдашнего нового министра экономики о поддержке предпринимательства!

Судьбоносные решения о коренных преобразованиях в стране были приняты скоропалительно. Свой «вклад» в результаты реформы внесли кадры. В монографии

приводятся слова О.Т. Богомолова о том, что «власть сформировалась путем слияния представителей второго и третьего эшелонов бывшей партийной номенклатуры с выходцами из либеральной интеллигенции, обретшими политический и (или) денежный капитал, а также со ставленниками вновь народившегося крупного финансово-промышленного капитала» (с. 343–344). Что же касается лидеров – младореформаторов, взваливших на свои плечи огромный труд и ответственность за будущее страны, то создается впечатление, что они случайно оказались у руля. Мнения о низком уровне их профессионализма, которые содержатся в монографии, трудно оспаривать.

Свою роль сыграли желание сделать все побыстрее и вера в то, что все возможно. Но такие радикальные преобразования требуют 40–50 лет упорной работы. В Германии со дня падения берлинской стены прошло *четверть века*, в «новые» земли вложено более полутора триллионов евро, но они до сих пор не сравнялись со «старыми», уступая по производительности и оплате труда на 20–23%. Эксперты считают, что для их полной интеграции потребуется еще такой же срок.

Наибольший интерес представляет сопоставление российских реформ с социально-экономическими преобразованиями в Китае. Китайским реформам, начавшимся в 1978 г., *уже 36 лет*. На первом этапе на рыночные отношения перешло сельское хозяйство, в котором было занято большинство населения. На смену коммунам пришел семейный подряд, началась либерализация других сфер хозяйства при сохранении у государства ключевых постов. Шаг за шагом компартия, продолжающая руководить страной, расширяет сферу рыночных отношений, продвигаясь к смешанной социалистической рыночной экономике.

Успехи Китая общеизвестны. Высокие темпы развития позволили Китаю приблизиться, а по ряду макроэкономических показателей – даже занять лидирующее место в мире. Повысился уровень жизни, хотя он еще значительно отстает от требуемого, произошло резкое расслоение населения по доходам,

образовался средний класс. К подобной цели стремились и российские реформаторы, полагая, что средний класс станет опорой рынка, но не получилось...

Анализируя современное состояние российской экономики, итоги провальных реформ и мировой опыт, автор высказывает мнение, которое разделяют многие экономисты: *в обозримой перспективе наиболее приемлемой может быть смешанная рыночная система*. Если китайцы говорят о своей модели поэтически, что в ее паруса дует ветер частного предпринимательства, а у штурвала стоит государство, то наши экономисты рисуют российскую модель в виде велосипеда, у которого руль – социалистический, а педали – капиталистические (с. 202).

Следует учитывать, что Китай может в самое ближайшее время столкнуться с серьезными проблемами. Ноябрьский (2014 г.) пленум ЦК КПК принял программу пятого этапа реформ. Предстоят крупные меры по дальнейшей либерализации в экономике, финансовом секторе, а также в земельном, уголовном и семейном законодательстве. Вместе с тем темпы роста экономики замедлились, и Китай, уже ставший «мировой фабрикой», столкнулся со снижением внешнего спроса, а внутренний рынок оказался недостаточным для загрузки предприятий. Это грозит социальной напряженностью, причем базой для недовольства становится средний класс (более 500 млн человек). И чтобы сохранить власть, партия вынуждена «делиться».

В числе специфических особенностей России автор называет «менталитет населения, три поколения которого прожили без частной собственности» (с. 219). Эта особенность упоминается неоднократно (с. 112, 191, 386 и др.), но было бы желательно раскрыть ее суть и черты. Перечислю основные: правовой нигилизм, перекалывание ответственности, готовность подчиняться, неуважение к собственности, окружающим и власти, недоверчивость, подозрительность и др. В монографии приводятся еще две максимы: «Начальству виднее» и «Делиться надо!» (с. 301).

Фольклор богат сказками и поговорками на эту тему. Разумеется, россиянам присуще множество прекрасных качеств, начиная с готовности к подвигу, но в работе речь идет о том, что мешает двигаться вперед. Не в этом ли пусть не основная, но одна из серьезных причин того, что «получилось, как всегда»?

Современная ситуация в России – весьма сложная. К накопившимся за прошедшие годы проблемам прибавились новые, связанные с обострением международной обстановки, вызванной событиями на Украине. Текущее положение дел требует проведения эффективной государственной политики, взаимной увязки решения первоочередных и экстренных проблем на основе системного анализа реальной ситуации и выработки с его помощью необходимых действий, указывает автор (с. 28). Необходимо обеспечить в первую очередь социальную поддержку затронутого кризисом населения и бизнеса, осуществляя политику «сильного государства».

Однако, анализируя действия нынешнего правительства, автор не испытывает большого оптимизма. Руководители экономического блока, работавшие и в прежние годы, по существу, продолжают противоречивую и во многом монетаристскую политику. Заявляя о курсе на модернизацию, сокращают долю затрат на науку, но разрабатывают новые планы приватизации, о чем прямо сказано в декабрьском (2014 г.) послании Президента РФ. Значительные средства для преодоления последствий финансового кризиса направляются на сдерживание инфляции, а не на стимулирование экономического роста – главного источника повышения жизненного уровня населения. При этом кадровое обновление высшего звена, включая первых лиц, ограничивается «рокировками».

В книге приводится нелестная, но вполне обоснованная оценка того, от кого в значительной мере зависит успех выхода из финансовых кризисов – 2008 г. и нынешнего, – нашей экономической и финансовой власти и бизнес-элиты: она не умеет «хорошо плавать, не туда плыла в период реформ

(кроме небольшого периода премьерства Е.М. Примакова) и упорно не туда гребет и сейчас, конъюнктурно решая в основном краткосрочные проблемы» (с. 312).

Впрочем, негативные оценки экономической политики высказывают и сами чиновники: «Традиционный способ поддержки предприятий через обеспечение заказов в рамках крупных инфраструктурных проектов сегодня нереализуем из-за отсутствия в стране достаточного количества денег. Значительная часть их ушла на выполнение предвыборных обязательств... подготовку к Олимпиаде или растворилась в программе перевооружения армии, причем жизнь показывает, что выделенные средства тратились исключительно бездарно и безрезультатно», – цитируется мнение заместителя главы Минэкономразвития А. Клепача (с. 333).

Впечатление от монографии будет неполным, если не познакомить читателя со структурой хотя бы одного раздела. Вот, например, содержание третьего раздела «Системная методология оценки эффективности проектов – ядро инвестиционной политики»: Развитие «капитализма» в России (3.1); Три источника и три составные части российского кризиса (3.2); Очередные задачи светской власти (3.3); Шаг вперед, два шага назад (3.4); Что делать? (3.5); Детская болезнь «левизны» правого российского либерализма (3.6).

В этих заголовках, пародирующих названия ленинских трудов, – то ли горькая ирония, то ли «ностальгия» по прошлому, о котором в книге можно найти много добрых слов. Монография написана с немалой долей иронии и сарказма, чувствуется боль за страну и народ. Автор использует приемы, характерные для современного боевика, типа «*Двадцать вопросов и двадцать ответов по поводу российского кризиса*», «*Тридцать три распространенных заблуждения в проектной анализе*» и т.д. Широко применяется и табличная форма: в таблицах кратко и четко формулируются вопросы и ответы, к которым даются подробные объяснения в тексте.

Сопоставляя развитие капитализма в России с определениями этого способа производства, которые даются в отечественных и зарубежных источниках, автор заключает, что, несмотря на возникновение частной собственности и рыночных институтов, в стране создан «олигархический квазикапитализм», лишь внешне напоминая эту формацию. Основной причиной и тремя источниками провала реформ он называет: ошибочную теорию монетаристского типа; мифы, иллюзии и миражи, на вид правдоподобные, но приводящие к ошибкам; построенную на их основе неэффективную государственную и финансовую политику (с. 347).

Для преодоления вызванного этими причинами глубокого социально-экономического кризиса власти необходимо направить усилия на решение важнейших проблем, к которым автор относит: 1) борьбу с бедностью, необходимость значительного повышения доходов населения, резкое сокращение уровня их дифференциации; 2) восстановление и развитие на инновационной основе производственного потенциала страны, прогрессивной инвестиционной политики; 3) обеспечение благополучия и безопасности жизнедеятельности россиян, переход на прогрессивный диверсифицированный стиль производства.

Решение этих и других «важных проблем должно носить не изолированный и спорадический, а регулярный и системный характер с серьезными не только финансовыми, но и социально-экономическими компонентами. Но замыкаются они все на первоочередное решение задач инвестиционного и инновационного подъема страны». И далее: это «повышает требования к корректности процесса отбора проектов, используемой для оценки методологии» (с. 362–363). Приведенные выдержки подтверждают, что методология оценки эффективности проектов является ядром инвестиционной политики.

Методам определения эффективности инвестиций всегда уделялось большое внимание. Однако отечественные методики были ориентированы на плановую централизован-

ную экономику с господством государственных капитальных вложений и регламентацией моделей хозяйствования. Однако западные методики рассчитаны на зрелые рыночные отношения и стационарную экономику. Уникальность нынешней ситуации состоит в том, что оценивать эффективность инвестиционных проектов необходимо в условиях переходной нестационарной экономики с неразвитым рынком, несформировавшимися институтами, в условиях сосуществования различных форм собственности.

В монографии изложены основные положения методологии оценки эффективности инвестиционных проектов в условиях нестационарной экономики, которые легли в основу нескольких редакций методических рекомендаций, подготовленных под руководством автора и представленных в Минэкономике и Минфин России. Первая редакция рекомендаций была утверждена экономическими ведомствами в 1994 г. Тем самым был сделан шаг вперед в создании методической базы для корректной оценки эффективности проектов. В 1999 г. на основе обобщения практического опыта и результатов дальнейших научных исследований их авторский коллектив подготовил и представил вторую редакцию методических рекомендаций. Но ведомства никак не прореагировали. В 2005 г. им была направлена третья редакция методических рекомендаций, но ответа нет до сих пор. Вместо этого те же ведомства утвердили в 2008 г. Методику оценки эффективности инвестиционных проектов, которая в ряде положений противоречит Рекомендациям 1999 г. и мировой практике. Эти действия нельзя расценить иначе, как «два шага назад» в обеспечении правильных оценок эффективности.

Вспоминается, что в прежние времена Типовая методика экономической эффективности капитальных вложений, утвержденная в 1968 г. высшими инстанциями, содержала требование, чтобы были разработаны на ее основе, согласованы с Госпланом и утверждены инструкции, отражающие отраслевые особенности. Было задумано создать на еди-

ной основе комплекс методических документов. Но в разгар этой нелегкой и многолетней работы Госкомитет по науке и технике выпустил и также утвердил свою Методику оценки эффективности новой техники, положения которой не совпадали с требованиями Типовой методики. Это дезориентировало разработчиков отраслевых инструкций и пользователей. Так что в чиновничьей среде до сих пор мало перемен.

В системе взаимно согласованных мер, направленных на преодоление социально-экономического кризиса, одной из первоочередных должно быть придание методическим рекомендациям официального статуса, справедливо считает автор (с. 377).

Одним из принципиальных отличий описываемой методики является системный подход к учету особенностей нестационарной переходной экономики. Проект должен рассматриваться за весь жизненный цикл с учетом его сложной многоуровневой структуры и временной неравновесности затрат и результатов; многовалютные проекты должны приводиться к одновалютным; при нескольких участниках проекта следует учитывать, что у них могут быть разные интересы. Критерием при отборе вариантов для их дальнейшего рассмотрения служит неотрицательность интегрального эффекта. В расчетах учитываются инфляция и риски, что особенно важно для российских условий. Указанный критерий характеризует общественную эффективность проекта – аналог народнохозяйственного подхода. Отдельные участники проекта могут иметь интересы, не совпадающие с общим. Они должны решать, участвовать ли в проекте, руководствуясь критерием, отражающим их экономические интересы. Иначе требование единого подхода ограничивало бы свободу предпринимательства. Но если в проекте участвует государство (капиталовложениями, кредитами, страхованием рисков и др.), то оценка общественной эффективности вполне оправдана.

Поскольку важнейшим источником доходов бюджета является экспорт природного

сырья, в монографии изложен методический подход к справедливому распределению доходов между природоэксплуатирующим инвестором и государством – собственником ресурсов.

Важным выводом проведенных исследований является требование перейти от неолиберальной политики «слабого государства в экономике» к политике «сильного государства в экономике». Сильное государство в экономике – это такое государство, которое заметно присутствует в этой сфере, в определенном смысле управляет ею посредством государственных институтов, считая приоритетным интересы основной массы населения страны – благосостояние, борьбу с безработицей, криминалом, коррупцией. Слабое государство, наоборот, действует в интересах крупного бизнеса (с. 501–502). Необходимость такого перехода подробно аргументируется и подтверждается мировым опытом выхода стран из кризиса.

Вместе с тем определение «сильного государства в экономике» содержит только его цель и ничего не говорит о средствах (не считая «институтов»). Государство располагает большим арсеналом средств в виде законов, налогов и льгот, государственных программ, субсидий, финансовых регуляторов, норм и нормативов и т.д. Эти инструменты нуждаются в совершенствовании. Но главное – необходимо добиться безусловного выполнения законов и решений, преодолеть правовой нигилизм.

Итак, системный анализ рыночного формирования нестационарной экономики России в 1992–2013 гг. показал, что реформы привели к глубокому социально-экономическому кризису, главной причиной которого явилась программа «шоковой терапии», базирующаяся на непригодной в российских условиях монетаристской теории, а реформаторы оказались непрофессиональными, а кое-кто – и корыстолюбивыми казнокрадами. Не ограничиваясь вскрытием практической несостоятельности шоковой терапии, автор критикует саму теорию монетаризма, предлагая

смотреть на праволиберальную идею с точки зрения системных интересов страны – как на «интеллектуально непреодоленную детскую болезнь» (с. 528).

Рецензируемая монография посвящена столетнему юбилею академика Леонида Витальевича Канторовича. В приложениях содержатся статья и доклад автора монографии В.Н. Лившица о жизни и деятельности великого экономиста, математика и транспортника и приведено решение линейных сетевых транспортных задач – основы теории оптимального планирования, за которую он был удостоен Ленинской и Нобелевской премий. Приводится также развитие этого подхода для решения нелинейных транспортных задач, выполненное В.Н. Лившицем.

Рамки даже такой объемистой книги не позволили автору привести всю имеющуюся аргументацию, а ряд моментов, возникающих в нестационарной экономике, лишь обозначен. Однако, как справедливо указывается в книге, их включение в общий перечень материалов должно помочь системно определить и принять срочные меры для выхода страны из кризиса.

Основной текст монографии завершается небольшим стихотворением автора, которое начинается словами: «Заканчиваю свой “фундаментальный” труд...». Есть все основания опустить кавычки вокруг слова «фундаментальный», свидетельствующие об известной скромности В.Н. Лившица. Монография вносит весомый вклад в теорию и практику системного анализа, а результаты анализа и предложения для выхода страны из кризиса, актуальность которых сегодня, при падении цен на нефть и обвале рубля, многократно возросла, следовало бы начать незамедлительно применять на практике.

---

*ПАМЯТИ
НАШИХ
КОЛЛЕГ* ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
М. ИНТРИЛЛИГАТОРА

Член редакционного совета нашего журнала почетный отставной профессор экономики и государственной политики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (штат Калифорния, США) Майкл Интриллигатор ушел из жизни в возрасте 76 лет 23 июня 2014 г.

По свидетельству его коллег, М. Интриллигатор пришел в Калифорнийский университет в 1963 г. в качестве сотрудника экономического факультета, но его интеллектуальная любознательность побуждала его использовать экономические идеи в ряде различных областей. «Не каждый день вы встречаете человека, который действительно является рассудительным, знает свое дело, имеет твердые убеждения и все еще теплое, благородное сердце. Он был благородной душой, которая действительно интересовалась жизнью» – сказал о нем С. Ример, исполнительный директор по различным мероприятиям в Институте Милкена в Санта-Монике, где М. Интриллигатор проработал более 10 лет.

Широкий круг интересов профессора М. Интриллигатора проявился во многих формах. Так, он сыграл важную роль в учреждении Школы государственного администрирования Лускина в Калифорнийском университете, помогая разработать ее учебный план и сформировать факультет. Некоторое время в этом же университете он занимал пост директора Центра международных и стратегических проблем.

Влияние Интриллигатора как педагога до сих пор ощущается в области экономики, благодаря его книге «Математическая оптимизация и экономическая теория», впервые опубликованной в 1971 г. Эта книга преподносила читателям сложные математические идеи таким способом, который был доступен

широкой аудитории. По свидетельству американских экономистов, если большинство явлений в экономике длится около 5 лет, то влияние этой книги длится уже более 40 лет; этот учебник до сих пор является заметным достижением в экономическом образовании.

Помимо работ по экономической теории М. Интриллигатор опубликовал множество работ в таких областях, как реформа здравоохранения, международные отношения и распространение ядерного оружия.

При этом, как сказал Роберт Интриллигатор, младший из четырех сыновей Майкла Интриллигатора, хотя его отец прославился как экономист, он, бывало, говорил, что истинной его страстью была музыка.

Советским экономистам имя М. Интриллигатора стало известно после издания перевода его книги «Математические методы оптимизации и экономическая теория. Практическое пособие» (М.: Прогресс, 1975). Эта книга практически сразу после ее выхода в свет приобрела большую популярность в среде бурно набравшего силу в нашей стране экономико-математического направления исследований.